

Ian Taylor

AFRICAN POLITICS

A Very Short Introduction

OXFORD

Африканская политика: очень краткое введение

[OceanofPDF.com](https://oceanofpdf.com)

ОЧЕНЬ КОРОТКОЕ ВВЕДЕНИЕ предназначено для тех, кто хочет получить стимулирующий и доступный способ изучения нового предмета. Они написаны экспертами и переведены более чем на 45 различных языков.

Сериял начался в 1995 году и сейчас охватывает широкий спектр тем в каждой дисциплине. Библиотека VSI в настоящее время содержит более 550 томов — очень краткое введение во все, от психологии и философии науки до американской истории и теории относительности, — и продолжает расти в каждой предметной области.

Уже доступны очень короткие введения:

АБОЛИЦИОНИЗМ Ричард С. Ньюман

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ Кристофер Нобс

ПОДРОСТКОВЫЕ ОТРОЖДЕНИЯ Питер К. Смит

РЕКЛАМА Уинстон Флетчер

АФРИКАНСКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ РЕЛИГИЯ Эдди С. Глод-младший

ИСТОРИЯ АФРИКИ Джон Паркер и Ричард Рэтбоун

АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА Ян Тейлор

АФРИКАНСКИЕ РЕЛИГИИ Джейкоб К. Олупона

СТАРЕНИЕ Нэнси А. Пачана

АГНОСТИЦИЗМ Робин Ле Пуадевин

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО Пол Брассли и Ричард Соффе

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ Хью Боуден АЛГЕБРА Питер

М. Хиггинс ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

АМЕРИКИ Эрик Авила

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ Пол С. Бойер

АМЕРИКАНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ Дэвид А. Гербер

АМЕРИКАНСКАЯ ПРАВОВАЯ ИСТОРИЯ Г. Эдвард Уайт

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ Дональд Кричлоу

АМЕРИКАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ВЫБОРЫ Л. Сэнди Майзел АМЕРИКАНСКАЯ

ПОЛИТИКА Ричард М. Валелли ПРЕЗИДЕНТСТВО

АМЕРИКИ Чарльз О. Джонс

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ Роберт Дж. Эллисон

АМЕРИКАНСКОЕ РАБСТВО Хизер Андреа Уильямс

АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД Стивен Арон

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКИХ ЖЕНЩИН Сьюзан Уэр

АНЕСТЕЗИЯ Эйдан О'Доннелл

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Майкл Бини

АНАРХИЗМ Колин Уорд

ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ Карен Раднер

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ Ян Шоу

ДРЕВНЕЕ ЕГИПЕТСКОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА Кристина Риггс ДРЕВНЯЯ

ГРЕЦИЯ Пол Картледж ДРЕВНИЙ БЛИЖНИЙ

ВОСТОК Аманда Х. Подани ДРЕВНЯЯ ФИЛОСОФИЯ Джулия
Анна

ДРЕВНЯЯ ВОЙНА Гарри Сайдботтом

АНГЕЛЫ Дэвид Альберт Джонс

АНГЛИКАНСТВО Марк Чепмен

ЭПОХА АНГЛО-САКСОВ Джон Блэр

ПОВЕДЕНИЕ ЖИВОТНЫХ Тристрам Д. Вятт

ЖИВОТНОЕ ЦАРСТВО Питер Холланд

ПРАВА ЖИВОТНЫХ Дэвид ДеГразиа

АНТАРКТИКА Клаус Доддс

АНТРОПОКЕН Эрл К. Эллис

АНТИСЕМИТИЗМ Стивен Беллер

ТРЕВОГА Дэниел Фриман и Джейсон Фриман

ПРИКЛАДНАЯ МАТЕМАТИКА Ален Гориели

АПОКРИФИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ Пол Фостер

АРХЕОЛОГИЯ Пол Бан

АРХИТЕКТУРА Эндрю Баллантайн

АРИСТОКРАТИЯ Уильям Дойл

АРИСТОТЕЛЬ Джонатан Барнс

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА Дана Арнольд

ТЕОРИЯ ИСКУССТВА Синтия Фриланд

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ Маргарет А. Боден АЗИАТСКО-
АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ Мэдлин Ю. Су

АСТРОБИОЛОГИЯ Дэвид К. Кэтлинг

АСТРОФИЗИКА Джеймс Бинни АТЕИЗМ

Джулиан Баггини АТМОСФЕРА

Пол И. Палмер

Августин Генри Чедвик

АВСТРАЛИЯ Кеннет Морган

АУТИЗМ Ута Фрит

АВТОБИОГРАФИЯ Лора Маркус

АВАНГАРД Дэвид Коттингтон

АЗТЕКИ Давид Карраско

ВАВИЛОНИЯ Тревор Брайс

БАКТЕРИИ Себастьян Г.Б. Эмис

БАНКОВСКОЕ ДЕЛО Джон Годдард и Джон О.С. Уилсон

БАРТ Джонатан Каллер

УДАРЫ Дэвид Стерритт

КРАСОТА Роджер Скратон

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА Мишель Баддели

БЕСТСЕЛЛЕРЫ Джон Сазерленд
БИБЛИЯ Джон Ричес
БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ Эрик Х. Клайн
БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ Дон Э. Холмс
БИОГРАФИЯ Гермiona Ли
ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ Кэтрин Бланделл
КРОВЬ Крис Купер БЛЮЗ
Элайджа Уолд ТЕЛО Крис
Шиллинг КНИГА ОБЩЕЙ
МОЛИТВЫ Брайан Каммингс КНИГА МОРМОНА Террил Гивенс
ГРАНИЦЫ Александр Динер и Джошуа Хаген
МОЗГ Майкл О'Ши

БРЕНДИНГ Роберт Джонс
БРИКС Эндрю Ф. Купер БРИТАНСКАЯ
КОНСТИТУЦИЯ Мартин Лафлин БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
Эшли Джексон БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА Энтони
Райт БУДДА Майкл Карритерс

БУДДИЗМ Дэмиен Киоун
БУДДИЙСКАЯ ЭТИКА Дэмиен Киоун
ВИЗАНТИЯ Питер Саррис
КАЛЬВИНИЗМ Джон Балсерак
РАК Николас Джеймс
КАПИТАЛИЗМ Джеймс Фулчер
КАТОЛИЗМ Джеральд О'Коллинз
ПРИЧИНА Стивен Мамфорд и Рани Лилл Анджум
КЛЕТКА Теренс Аллен и Грэм Коулинг
КЕЛЬТЫ Барри Канлифф
ХАОС Леонард Смит
ХИМИЯ Питер Аткинс
ДЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ Уша Госвами
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Кимберли Рейнольдс
КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Сабина Найт
ТЕОРИЯ ВЫБОРА Майкл Аллингем
ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО Бет Уильямсон
ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА Д. Стивен Лонг
ХРИСТИАНСТВО Линда Вудхед
ЦИРКАДНЫЕ РИТМЫ Рассел Фостер и Леон Крайцман
ГРАЖДАНСТВО Ричард Беллами
ГРАЖДАНСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО Дэвид Мьюир Вуд
КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Уильям Аллан
КЛАССИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ Хелен Моралес

КЛАССИКА Мэри Бирд и Джон Хендерсон

КЛАУЗЕВИЦ Майкл Ховард

КЛИМАТ Марк Маслин

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА Марк Маслин

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ Сьюзан Ллевелин и Кэти Аафьес-ван Дорн

КОГНИТИВНАЯ НЕВРОНАУКА Ричард Пассингем

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА Роберт МакМахон

КОЛОНИАЛЬНАЯ АМЕРИКА Алан Тейлор

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Ролена Адорно

КОМБИНАТОРИКА Робин Уилсон

КОМЕДИЯ Мэтью Бевис

КОММУНИЗМ Лесли Холмс

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА Бен Хатчинсон

СЛОЖНОСТЬ Джон Х. Холланд

КОМПЬЮТЕР Даррел Инс

КОМПЬЮТЕРНЫЕ НАУКИ Субрата Дасгупта

КОНФУЦИАНСТВО Дэниел К. Гарднер

КОНКИСТАДОРЫ Мэтью Рестолл и Фелипе Фернандес-Арместо

СОВЕСТЬ Пол Стром

СОЗНАНИЕ Сьюзен Блэкмор

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО Джулиан Сталлабрас

СОВРЕМЕННАЯ Фантастика Роберт Иглстоун

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ Саймон Кричли

КОПЕРНИК Оуэн Джинджерич

КОРАЛЛОВЫЕ РИФЫ Чарльз Шеппард

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ Джереми Мун

КОРРУПЦИЯ Лесли Холмс

КОСМОЛОГИЯ Питер Коулз

КРИМИНАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА Ричард Брэдфорд

УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ Джулиан В. Робертс

КРИМИНОЛОГИЯ Тим Ньюберн

КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Стивен Эрик Броннер

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ Кристофер Тайерман

КРИПТОГРАФИЯ Фред Пайпер и Шон Мерфи

КРИСТАЛЛОГРАФИЯ А. М. Глейзер

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ Ричард Курт Краус

ДАДА И СЮРРЕАЛИЗМ Дэвид Хопкинс

ДАНТЕ Питер Хейнсворт и Дэвид Роби

ДАРВИН Джонатан Ховард

СВИТКИ МЕРТВОГО МОРЕ Тимоти Х. Лим

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ Дэйн Кеннеди

ДЕМОКРАТИЯ Бернард Крик

ДЕМОГРАФИЯ Сара Харпер

ДЕПРЕССИЯ Ян Скотт и Мэри Джейн Такки

ДЕРРИДА Саймон Глендиннинг

ДЕКАРТ Том Сорелл

ПУСТЫНИ Ник Миддлтон

ДИЗАЙН Джон Хескет

РАЗРАБОТКА Ян Голдин

БИОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ Льюис Уолперт

ДЬЯВОЛ Даррен Олдридж

ДИАСПОРА Кевин Кенни

СЛОВАРИ Линда Магглстоун

ДИНОЗАВРЫ Дэвид Норман

ДИПЛОМАТИЯ Джозеф М. Сиракуза

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ Патрисия Ауфдерхайде

МЕЧТЫ Дж. Аллан Хобсон

НАРКОТИКИ Лес Иверсен

ДРУИДЫ Барри Канлифф

РАННЯЯ МУЗЫКА Томас Форрест Келли

ЗЕМЛЯ Мартин Редферн

НАУКА СИСТЕМЫ ЗЕМЛИ Тим Лентон

ЭКОНОМИКА Партха Дасгупта

ОБРАЗОВАНИЕ Гэри Томас

ЕГИПЕТСКИЙ МИФ Джеральдин Пинч

БРИТАНИЯ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА Пол Лэнгфорд

ЭЛЕМЕНТЫ Филип Болл

ЭМОЦИЯ Дилан Эванс

ИМПЕРИЯ Стивен Хоу

ЭНГЕЛЬС Террелл Карвер

ИНЖИНИРИНГ Дэвид Блокли

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК Саймон Хоробин

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Джонатан Бейт

ПРОСВЕЩЕНИЕ Джон Робертсон

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО Пол Уэстхед и Майк Райт

ЭКОНОМИКА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ Стивен Смит

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО Элизабет Фишер

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА Эндрю Добсон

ЭПИКУРЕЙСТВО Кэтрин Уилсон

ЭПИДЕМИОЛОГИЯ Родольфо Сараччи

ЭТИКА Саймон Блэкберн

ЭТНОМУЗЫКОЛОГИЯ Тимоти Райс

ЭТРУСКАНЫ Кристофер Смит

ЕВГЕНИКА Филиппа Левин

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ Саймон Ашервуд и Джон Пиндер

ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА Энтони Арнулл

ЭВОЛЮЦИЯ Брайан и Дебора Чарльзуорт

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ Томас Флинн

ИССЛЕДОВАНИЕ Стюарт А. Уивер

ГЛАЗ Майкл Лэнд

СКАЗКА Марина Уорнер

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО Джонатан Херринг

ФАШИЗМ Кевин Пассмор

МОДА Ребекка Арнольд

ФЕМИНИЗМ Маргарет Уолтерс

ФИЛЬМ Майкл Вуд

КИНО МУЗЫКА Кэтрин Калинак

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА Майкл Ховард

НАРОДНАЯ МУЗЫКА Марк Слобин

ЕДА Джон Кребс

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ Дэвид Кантер

Судебно-медицинская экспертиза Джим Фрейзер

ЛЕСА Jaboury Ghazoul

ИСКОПАЕМЫЕ Кит Томсон

ФУКО Гэри Гаттинг ОТЦЫ-

ОСНОВАТЕЛИ Р. Бёрнштейн

ФРАКТАЛЫ Кеннет Фалконер

СВОБОДА СЛОВА Найджел Уорбертон

СВОБОДНАЯ ВОЛЯ Томас Пинк

МАСОНСТВО Андреас Оннерфорс

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Джон Д. Лайонс

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ Уильям Дойл ФРЕЙД

Энтони Сторр

ФУНДАМЕНТАЛИЗМ Мализ Рутвен

ГРИБЫ Николас П. Деньги

БУДУЩЕЕ Дженнифер М. Гидли

ГАЛАКТИКА Джон Гриббин

ГАЛИЛЕО Стиллман Дрейк

ТЕОРИЯ ИГРЫ Кен Бинмор

ГАНДИ Бхикху Парех

GENES Джонатан Слэк

ГЕНИЙ Эндрю Робинсон

ГЕНОМИКА Джон Арчибальд

ГЕОГРАФИЯ Джон Мэтьюз и Дэвид Герберт

ГЕОЛОГИЯ Ян Заласевич

ГЕОФИЗИКА Уильям Лоури

ГЕОПОЛИТИКА Клаус Доддс

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА Николас Бойль

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ Эндрю Боуи

ГЛОБАЛЬНЫЕ КАТАСТРОФЫ Билл Макгуайр

МИРОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ Роберт К. Аллен

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ Манфред Стегер

БОГ Джон Боукер

ГЕТЕ Ричи Робертсон

ГОТИКА Ник Грум

УПРАВЛЕНИЕ Марк Бевир

ТЯЖЕСТИ Тимоти Клифтон

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ И НОВЫЙ ДИАЛ Эрик Роувей ХАБЕРМАС Джеймс Гордон

Финлейсон ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ Мартин

Рэди СЧАСТЬЕ Дэниел М. Хейброн ГАРЛЕМСКОЕ

ВОЗРОЖДЕНИЕ Шерил А. Уолл

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИЯ КАК ЛИТЕРАТУРА Тод Линафельт

ГЕГЕЛЬ Питер Зингер

ХАЙДЕГГЕР Майкл Инвуд

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЭПОХА Питер Тонеманн

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ Джон Уоллер

ГЕРМЕНЕВТИКА Йенс Циммерманн

ГЕРОДОТ Дженнифер Т. Робертс

ИЕРОГЛИФЫ Пенелопа Уилсон

ИНДУИЗМ Ким Нотт

ИСТОРИЯ Джон Х. Арнольд

ИСТОРИЯ АСТРОНОМИИ Майкл Хоскин

ИСТОРИЯ ХИМИИ Уильям Х. Брок

ИСТОРИЯ КИНО Джеффри Ноуэлл-Смит

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ Майкл Бентон

ИСТОРИЯ МАТЕМАТИКИ Жаклин Стедолл ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ

Уильям Байнум ИСТОРИЯ ФИЗИКИ Дж. Л. Хейлброн

ИСТОРИЯ ВРЕМЕНИ Леофранк Холфорд-Стревенс

ВИЧ И СПИД Алан Уайтсайд

ХОББС Ричард Так

ГОЛЛИВУД Питер Дечерни

СВЯТАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ Иоахим Уэйли

ГЛАВНАЯ Майкл Аллен Фокс

ГОРМОНЫ Мартин Лак

АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕКА Лесли Кленерман

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА Бернард Вуд

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА Эндрю Клэпхэм

ГУМАНИЗМ Стивен Лоу ЮМ ЭЙ

Джей Эйер ЮМОР

Нозль Кэрролл

ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД Джейми Вудворд

ИДЕОЛОГИЯ Майкл Фриден

ИММУННАЯ СИСТЕМА Пол Кленерман

ИНДИЙСКОЕ КИНО Ашиш Раджадхьякша

ИНДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Сью Гамильтон

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ Роберт К. Аллен

ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ Марта Л. Уэйн и Бенджамин М. Болкер

INFINITY Ян Стюарт

ИНФОРМАЦИЯ Лучано Флориди

ИННОВАЦИИ Марк Доджсон и Дэвид Ганн ИНТЕЛЛЕКТ

Ян Дж. Дири ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ

СОБСТВЕННОСТЬ Сива Вайдьянатан МЕЖДУНАРОДНОЕ

ПРАВО Вон Лоу МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

Халид Козер

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ Пол Уилкинсон

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ Кристофер С. Браунинг ИРАН

Али М. Ансари

ИСЛАМ Малис Рутвен

ИСЛАМСКАЯ ИСТОРИЯ Адам Сильверстайн

ИЗОТОПЫ Роб Эллам

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Питер Хейнсворт и Дэвид Роби

ИИСУС Ричард Бокхэм

ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ Дэвид Н. Майерс

ЖУРНАЛИСТИКА Ян Харгривз

ИУДАИЗМ Норман Соломон

Юнг Энтони Стивенс

КАББАЛА Джозеф Дэн

КАФКА Ричи Робертсон

КАНТ Роджер Скратон

КЕЙНС Роберт Скидельски

КЪЕРКЕГАРД Патрик Гардинер

ЗНАНИЯ Дженнифер Нагель

КОРАН Майкл Кук

ОЗЕРА Уорик Ф. Винсент

ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА Ян Х. Томпсон ЛАНДШАФТЫ И

ГЕОМОРФОЛОГИЯ Эндрю Гуди и Хизер Вайлз

ЯЗЫКИ Стивен Р. Андерсон ПОЗДНЯЯ

АНТИЧНОСТЬ Джиллиан Кларк ЛО

Рэймонд Вакс ЗАКОНЫ

ТЕРМОДИНАМИКИ Питер Аткинс

ЛИДЕРСТВО Кит Гринт

ОБУЧЕНИЕ Марк Хазелгроув

ЛЕЙБНИЦ Мария Роза Антоньяцца

ЛИБЕРАЛИЗМ Майкл Фриден

СВЕТ Ян Уолмсли

ЛИНКОЛЬН Аллен С. Гелзо

ЛИНГВИСТИКА Питер Мэтьюз

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ Джонатан Каллер

ЛОКК Джон Данн

ЛОГИКА Грэм Прист

ЛЮБОВЬ Рональд де Соуза

МАКИАВЕЛЛИ Квентин Скиннер

БЕЗУМИЕ Эндрю Скалл

МАГИЯ Оуэн Дэвис

MAGNA CARTA Николас Винсент

МАГНИТИЗМ Стивен Бланделл

МАЛЬТУС Дональд Винч

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ TS Kemp

MANAGEMENT Джон Хендри МАО

Делия Дэвин

МОРСКАЯ БИОЛОГИЯ Филипп В. Младенов

МАРКИЗ ДЕ САД Джон Филлипс MARTIN ЛЮТЕР

Скотт Х. Хендрикс

МУЧЕНИЧЕСТВО Джолион Митчелл

МАРКС Питер Сингер

МАТЕРИАЛЫ Кристофер Холл

МАТЕМАТИКА Тимоти Гауэрс

СМЫСЛ ЖИЗНИ Терри Иглтон

ИЗМЕРЕНИЕ Дэвид Хэнд

МЕДИЦИНСКАЯ ЭТИКА Тони Хоуп

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО Чарльз Фостер

СРЕДНЕВЕКОВАЯ БРИТАНИЯ Джон Джиллингем и Ральф А. Гриффитс

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА Элейн Трехарн

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ Джон Маренбон

ПАМЯТЬ Джонатан К. Фостер

МЕТАФИЗИКА Стивен Мамфорд

МЕКСИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ Алан Найт МАЙКЛ

ФАРАДЕЙ Фрэнк Эджей Джеймс

МИКРОБИОЛОГИЯ Николас П. Деньги

МИКРОЭКОНОМИКА Авинаш Диксит

МИКРОСКОПИЯ Теренс Аллен

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ Мири Рубин

ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ Юджин Р. Фиделл

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ Антулио Х. Эчеваррия II

МИНЕРАЛЫ Дэвид Вон

ЧУДЕСА Юджин Нагасава

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО Дэвид Коттингтон

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ Рана Миттер

СОВРЕМЕННАЯ ДРАМА Кирстен Э. Шеперд-Барр

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦИЯ Ванесса Р. Шварц

СОВРЕМЕННАЯ ИНДИЯ Крейг Джеффри

СОВРЕМЕННАЯ ИРЛАНДИЯ Сеня Пашета

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛИЯ Анна Ченто Булл

СОВРЕМЕННАЯ ЯПОНИЯ Кристофер Гото-Джонс

СОВРЕМЕННАЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Роберто Гонсалес Эчеваррия

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА Ричард Инглиш

МОДЕРНИЗМ Кристофер Батлер

МОЛЕКУЛЯРНАЯ БИОЛОГИЯ Айша Диван и Дженис А. Ройдс МОЛЕКУЛЫ

Филип Болл МОНАСТИЦИЗМ

Стивен Дж. Дэвис МОНГОЛЫ Моррис

Россаби

ЛУНЫ Дэвид А. Ротери

МОРМОНИЗМ Ричард Лайман Бушман

ГОРЫ Мартин Ф. Прайс

МУХАММАД Джонатан АС Браун

МУЛЬТИКУЛЬТУРА Али Раттанси

МНОГОЯЗЫЧНОСТЬ Джон С. Махер

МУЗЫКА Николас Кук

МИФ Роберт А. Сигал

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ Майк Раппорт

НАЦИОНАЛИЗМ Стивен Гросби

АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Шон Тевтон

НАВИГАЦИЯ Джим Беннетт

НЕЛЬСОН МАНДЕЛА Эллеке Бомер

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ Манфред Стегер и Рави Рой

СЕТИ Гвидо Кальдарелли и Микеле Катандзаро

НОВЫЙ ЗАВЕТ Лука Тимоти Джонсон

НОВЫЙ ЗАВЕТ КАК ЛИТЕРАТУРА Кайл Кифер

НЬЮТОН Роберт Илифф

НИЦШЕ Майкл Таннер

БРИТАНИЯ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА Кристофер Харви и ХГЧ Мэтью НОРМАННСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Джордж Гарнетт СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ

Теда Пердью и Майкл Д. Грин

СЕВЕРНАЯ ИРЛАНДИЯ Марк Малхолланд

НИЧЕГО Фрэнк Клоуз

ЯДЕРНАЯ ФИЗИКА Фрэнк Клоуз

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА Максвелл Ирвин

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ Джозеф М. Сиракузы ЦИФРЫ

Питер М. Хиггинс

ПИТАНИЕ Дэвид А. Бендер

ОБЪЕКТИВНОСТЬ Стивен Гокрогер

ОКЕАНЫ Доррик Стоу

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ Майкл Д. Куган ОРКЕСТР Д. Керн

Холоман

ОРГАНИЧЕСКАЯ ХИМИЯ Грэм Патрик

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ Георгиос А. Антонопулос и Георгиос Папаниколау

ОРГАНИЗАЦИИ Мэри Джо Хэтч

ЯЗЫЧЕСТВО Оуэн Дэвис

БОЛЬ Роб Боддис

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ Мартин Бантон

ПАНДЕМИИ Кристиан В. Макмиллен

ФИЗИКА ЧАСТИЦ Фрэнк Клоуз

ПОЛ Э.П. Сандерс

МИР Оливер П. Ричмонд

ПЯТИДЕСЯТНИКИ Уильям К. Кей ВОСПРИЯТИЕ

Брайан Роджерс ПЕРИОДИЧЕСКАЯ

ТАБЛИЦА Эрик Р. Шерри

ФИЛОСОФИЯ Эдвард Крейг

ФИЛОСОФИЯ В ИСЛАМСКОМ МИРЕ Питер Адамсон

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА Рэймонд Вакс

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ Самир Окаша

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ Тим Бэйн

ФОТОГРАФИЯ Стив Эдвардс

ФИЗИЧЕСКАЯ ХИМИЯ Питер Аткинс

ПАЛОМНИЧЕСТВО Ян Ридер

Чума Пол Слэк

ПЛАНЕТЫ Дэвид А. Ротери

РАСТЕНИЯ Тимоти Уокер

ТЕКТЕНИКА ПЛИТ Питер Молнар

ПЛАТОН Юлия Аннас

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Дэвид Миллер

ПОЛИТИКА Кеннет Миноуг

ПОПУЛИЗМ Кас Мудде и Кристоаль Ровира Кальтвассер

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ Роберт Янг

ПОСТМОДЕРНИЗМ Кристофер Батлер

ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ Кэтрин Белси БЕДНОСТЬ

Филип Н. Джефферсон ПРЕДИСТОРИЯ

Крис Госден

ДОСОКРАТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Кэтрин Осборн

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ Рэймонд Вакс

ВЕРОЯТНОСТЬ Джон Хей

ПРОГРЕССИВИЗМ Уолтер Ньюджент

ПРОЕКТЫ Эндрю Дэвис

ПРОТЕСТАНТИЗМ Марк А. Нолл

ПСИХИАТРИЯ Том Бернс

ПСИХОАНАЛИЗ Дэниел Пик

ПСИХОЛОГИЯ Джиллиан Батлер и Фреда Макманус

ПСИХОЛОГИЯ МУЗЫКИ Элизабет Хельмут Маргулис ПСИХОТЕРАПИЯ

Том Бернс и Ева Бернс-Лундгрэн ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Стелла З. Теодулу и Рави К. Рой ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ Вирджиния

Берридж

ПУРИТАНИЗМ Фрэнсис Дж. Бремер

КВАКЕРЫ Розовый одуванчик

КВАНТОВАЯ ТЕОРИЯ Джон Полкингхорн

РАСИЗМ Али Раттанси

РАДИОАКТИВНОСТЬ Клаудио Тунис

РАСТАФАРИ Эннис Б. Эдмондс

РЕЙГАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ Гил Трой

РЕАЛЬНОСТЬ Ян Вестерхофф

РЕФОРМАЦИЯ Питер Маршалл

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ Рассел Станнард

РЕЛИГИЯ В АМЕРИКЕ Тимоти Бил РЕНЕССАНС

Джерри Броттон ИСКУССТВО РЕНЕССАНС

Джеральдин А. Джонсон

РЕВОЛЮЦИИ Джек А. Голдстоун

РИТОРИКА Ричард Той

РИСК Барух Фишхофф и Джон Кадвани

РИТУАЛ Барри Стефенсон

РИВЕРС Ник Миддлтон

РОБОТОТЕХНИКА Алан Уинфилд

Скалы Ян Залашевич

РИМСКАЯ БРИТАНИЯ Peter Salway

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ Christopher Kelly РИМСКАЯ

РЕСПУБЛИКА David M. Gwynn РОМАНТИЗМ Michael
Ferber

РУССО Роберт Воклер

РАССЕЛ А. С. Грейлинг ИСТОРИЯ

РОССИИ Джеффри Хоскинг РОССИЙСКАЯ

ЛИТЕРАТУРА Катриона Келли РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

С. А. Смит

СВЯТЫЕ Саймон Ярроу

САВАННЫ Питер А. Ферли

ШИЗОФРЕНИЯ Крис Фрит и Ева Джонстон

Шопенгауэр Кристофер Джанауэй

НАУКА И РЕЛИГИЯ Томас Диксон

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА Дэвид Сид

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ Лоуренс М. Принципи ШОТЛАНДИЯ Раб
Хьюстон

СЕКСУАЛЬНЫЙ ВЫБОР Марлен Зук и Ли В. Симмонс СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Вероник Моттье

КОМЕДИИ ШЕКСПИРА Барт ван Эс

СОНЕТЫ И СТИХИ ШЕКСПИРА Джонатан Ф.С. Пост

ТРАГЕДИИ ШЕКСПИРА Стэнли Уэллс

СИКХИЗМ Элеонора Несбитт

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ Джеймс А. Миллуорд

СЛЭНГ Джонатон Грин

СОН Стивен В. Локли и Рассел Г. Фостер СОЦИАЛЬНАЯ И

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ Джон Монаган и Питер Джаст СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ричард Дж. Крисп СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА Салли

Холланд и Джонатан Скурфилд СОЦИАЛИЗМ Майкл Ньюман

СОЦИОЛИНГВИСТИКА Джон Эдвардс

СОЦИОЛОГИЯ Стив Брюс

SOCRATES CCW Taylor SOUND

Майк Голдсмит

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ Стивен Ловелл

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ Хелен Грэм

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Джо Лабаньи

СПИНОЗА Роджер Скратон

ДУХОВНОСТЬ Филип Шелдрейк

СПОРТ Майк Кронин

ЗВЕЗДЫ Эндрю Кинг

СТАТИСТИКА Дэвид Дж. Хэнд

СТВОЛОВЫЕ КЛЕТКИ Джонатан Слэк

СТОИЗМ Брэд Инвуд

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СТРУКТУР Дэвид Блокли

СТЮАРТ БРИТЭЙН Джон Моррилл

СВЕРХПРОВОДИМОСТЬ Стивен Бланделл

СИММЕТРИЯ Ян Стюарт

СИНТЕТИЧЕСКАЯ БИОЛОГИЯ Джейми А. Дэвис

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ Стивен

Смит ЗУБЫ Питер С. Унгар

ТЕЛЕСКОПЫ Джефф Коттрелл

ТЕРРОРИЗМ Чарльз Таунсенд

ТЕАТР Марвин Карлсон

БОГОСЛОВИЕ Дэвид Ф. Форд

МЫШЛЕНИЕ И РАССУЖДЕНИЕ Джонатан Сент Б. Т. Эванс

ФОМАС АКВИНАС Фергус Керр

МЫСЛЬ Тим Бейн

ТИБЕТСКИЙ БУДДИЗМ Мэтью Т. Капштейн

ТОКВИЛЬ Харви К. Мэнсфилд ТРАГЕДИЯ

Адриан Пул

ПЕРЕВОД Мэтью Рейнольдс ТРОЯНСКАЯ

ВОЙНА Эрик Х. Клайн

ДОВЕРИЕ Кэтрин Хоули

ТЮДОРЫ Джон Гай

БРИТАНИЯ ДВАДЦАТОГО ВЕКА Кеннет О. Морган ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ Юсси М. Ханхимяки

УНИВЕРСИТЕТЫ И КОЛЛЕДЖИ Дэвид Палфриман и Пол Темпл КОНГРЕСС США

Дональд А. Ричи

КОНСТИТУЦИЯ США Дэвид Дж. Боденхамер

ВЕРХОВНЫЙ СУД США Линда Гринхаус

УТИЛИТАРИЗМ Катажина де Лазари-Радек и Питер Зингер

УТОПИЗМ Лайман Тауэр Сарджент

ВЕТЕРИНАРИЯ Джеймс Йейтс

ВИКИНГИ Джулиан Ричардс

ВИРУСЫ Дороти Х. Кроуфорд

ВОЛЬТЕР Николас Кронк

ВОЙНА И ТЕХНОЛОГИИ Алекс Роланд

ВОДА Джон Финни

ПОГОДА Шторм Данлоп

ГОСУДАРСТВО БЛАГОПОЛУЧИЯ Дэвид Гарланд

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР Стэнли Уэллс

WITCHCRAFT Малкольм Гаскилл

ВИТТГЕНШТЕЙН AC Grayling WORK

Stephen Fineman МУЗЫКА

МИРА Филип Болман ВСЕМИРНАЯ

ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ Амрита Нарликар

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА Герхард Л.

Вайнберг НАПИСАНИЕ И СЦЕНАРИЙ Эндрю Робинсон

СИОНИЗМ Михаил Станиславский

Скоро будет доступно:

СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА Адам Шарп

АДАМ СМИТ Кристофер Дж. Берри

БИОМЕТРИКА Майкл Фэйрхерст

ОЛЕДЕНЕНИЕ Дэвид Дж. Эванс

ТИПОГРАФИЯ Пол Луна

Для получения более подробной информации посетите наш веб-сайт

www.oup.com/vsi/

OceanofPDF.com

Ян Тейлор

АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА

Очень краткое введение

OXFORD
UNIVERSITY PRESS

[OceanofPDF.com](https://oceanofpdf.com)

Great Clarendon Street, Оксфорд, OX2 6DP, Великобритания

Издательство Оксфордского университета является подразделением Оксфордского университета. Он способствует достижению цели университета в области передового опыта в исследованиях, стипендиях и образовании, публикуясь по всему миру. Oxford является зарегистрированным товарным знаком Oxford University Press в Великобритании и некоторых

других странах © Ian

Taylor 2018 Личные права автора защищены. Первое издание

опубликовано в 2018 г. Общее

впечатление: 1

Все права защищены. Никакая часть этой публикации не может быть воспроизведена, сохранена в поисковой системе или передана в любой форме и любыми средствами без предварительного письменного разрешения Oxford University Press или в соответствии с прямым разрешением закона, лицензии или на согласованных условиях. с соответствующей организацией по защите прав на репрографию. Запросы относительно воспроизведения, выходящие за рамки вышеизложенного, следует направлять в Отдел прав издательства Oxford University Press по адресу, указанному выше. Вы не должны распространять это произведение в какой-либо другой форме, и вы должны налагать такое же условие на любого приобретателя.

Издано в

Соединенных Штатах. of America by Oxford University Press 198 Madison Avenue, New York, NY 10016, United States of America

Каталогизация Британской библиотеки в данных публикаций
Доступные данные

Контрольный номер Библиотеки Конгресса: 2018944718

ISBN 978-0-19-880657-8

электронная книга ISBN 978-0-19-252924-4

Отпечатано в Великобритании компанией Ashford Color Press Ltd, Госпорт, Хэмпшир.

Ссылки на сторонние веб-сайты предоставляются компанией Oxford добросовестно и только для информации. Оксфорд отказывается от какой-либо ответственности за материалы, содержащиеся на любых сторонних веб-сайтах, на которые есть ссылки в этой работе.

Эта книга посвящена памяти Джеймса
Дж. Хенца, ученого-африканиста, джентльмена
и друга, который слишком рано покинул нас.

OceanofPDF.com

Содержание

[Список иллюстраций](#)

[Список карт](#)

- 1 [Введение в Африку и ее политику](#)
- 2 [Доколониальные политические системы и колониализм](#)
- 3 [Передача власти и колониальное наследие](#)
- 4 [Примат политики патронажа](#)
- 5 [Женщины в африканской политике](#)
- 6 [Роль идентичности в африканской политике](#)
- 7 [Военные в африканской политике](#)
- 8 [Демократия в Африке](#)
- 9 [международные отношения Африки](#)

[Рекомендации](#)

[дальнейшее чтение](#)

[Индекс](#)

[OceanofPDF.com](#)

Список иллюстраций

- 1 Визит Мансы Мусы из Мали в Каир (из каталонского атласа, 1375 г.)
- 2 Африканская работоторговля
Everett Historical / Shutterstock.com.
- 3 Арест/пленение Патриса Лумумбы из Конго ©
Архив всемирной истории / age footstock.
- 4 Нефтяная скважина в
Нигерии Павел Шлыков / Shutterstock.com.
- 5 Амазонки Дагомеи
- 6 Руины Великого
Зимбабве Линн И / Shutterstock.com.
- 7 Последствия переворота, Котону, 1965
г. Bettmann/Getty Images.
- 8 Обама посещает Африку
Solan Kolli/Epa/REX/Shutterstock.
- 9 Кваме Нкрума на праздновании независимости Ганы
Bettmann / Getty Images.
- 10 Штаб-квартира Африканского союза, Аддис-
Абеба. Ник Фокс / Shutterstock.com.

Список карт

- 1 Доколониальные королевства Африки
- 2 Африка в 1870 году, накануне колониальной экспансии. Адаптировано из вклейки 130 из Кембриджского атласа современной истории под редакцией сэра Адольфуса Уильяма Уорда, Дж. У. Протеро, сэра Стэнли Мордаунта Литеса и Э. А. Бенианса. (Издательство Кембриджского университета; Лондон, 1912).
- 3 Колониальная Африка в 1914 году
Адаптировано из HC Darby, Harold Fullard (Eds.), The New Cambridge Modern History Atlas © Cambridge University Press, 1970.
- 4 Постколониальная Африка Адаптировано с <http://d-maps.com/carte.php?num:car=20815&lang=en>

Глава 1

Введение в Африку и ее политику

Учитывая, что Африка — это континент с населением более миллиарда человек, может показаться несколько донкихотством — если не высокомерием — писать книгу на такую широкую тему, как «политика в Африке». Однако, учитывая богатое разнообразие африканского опыта, поразительно, что продолжения и темы отражаются по всему континенту. Вопросы отсталости, плохого управления и формы политической жизни, основанной на покровительстве, характерны для многих государств Африки. На поверхностном уровне то, как организована политика и как все должно работать через политические институты, кажется простым: во всех африканских странах есть формальные конституции, бюрократия и государственные символы.

Тем не менее, это не совсем то, как разыгрывается политика, и политическое поведение в Африке, хотя и различается по континенту, часто больше зависит от личного и неформального, чем это может быть очевидно для посторонних. Попытка понять это требует понимания природы большинства государств в Африке, которые обычно считаются слабыми по своим возможностям и, в худшем случае, «неудавшимися». Однако эти же формирования столь же устойчивы и очень хорошо переживают экономические и политические кризисы. Действительно, феномен успешного несостоявшегося государства, когда элиты цепляются за власть (часто десятилетиями), в то время как инфраструктура страны и институты государства продолжают деградировать, наблюдается по всей Африке. «Африка» в этой книге понимается как Африка к югу от Сахары не для того, чтобы отрицать единство суши или преемственность в ее истории, а потому, что именно так подавляющее большинство мира, академического или иного, относится к изучению континент.

В то время как государство находится в формализованном ядре африканской политики — и, безусловно, генерирует значительные ресурсы для тех, кто его контролирует — то, как решается политика, часто непрозрачно. Метафора «политики веранды», разработанная

Эммануэль Террей здесь полезен. Формальный аппарат правительства, кондиционированные офисы и конференц-залы — это витрины, выставленные на обозрение высокопоставленным лицам и жертвователям. Легко заметить, что это царство основано на западных институтах и нормах, в основном оставленных колониализмом. По крайней мере, на бумаге они придерживаются логики современного государства, будучи технократичными и приверженными демократии, развитию, правам человека и т. д. Однако зачастую это не более чем фасад; скорее, решения принимаются за пределами офиса, так сказать, на веранде. Там доминирует покровительственная политика, сети, связи и заключение сделок. Общие нормы и ожидания, понятные всем участникам, диктуют, кто, что и когда получает, что, в конце концов, лежит в основе политики повсюду. Такие закулисные действия нельзя просто сбрасывать со счетов как «коррупцию»: так действует политика в некоторых частях континента, и без понимания этого невозможно иметь полное представление об африканской политике. Однако те, кто оказывает помощь в целях развития, часто имеют предположения, совершенно не соответствующие тому, что происходит на местах. Неизбежно следует разочарование и ощущение отсутствия прогресса, с ожесточенными взаимными обвинениями с обеих сторон.

Основные вопросы, лежащие в основе книги, сосредоточены вокруг таких вопросов, как то, как политика обычно практикуется на континенте; какова природа государства в Африке; и чем объясняется отсталость Африки?

Под слаборазвитостью здесь понимается возрастающая потеря обществом контроля над своим будущим; появление структур внешней зависимости в экономике; чистая передача ресурсов и национального богатства иностранцам; растущий разрыв между доминирующими и доминируемыми странами в отношении технологий, жизненных шансов и уровня жизни; консолидация внутренней социальной структуры, при которой местные элиты выигрывают, а большинство страдает; и нарастание социального конфликта в результате вышеизложенного. В конечном счете, слаборазвитость континента объясняет большинство вопросов, обсуждаемых в книге. В книге также будет предпринята попытка показать, как продолжают доколониальные практики, а также как колониализм повлиял на континент и его последующие общества и политику. Хотя с момента обретения независимости большинством африканских государств прошло уже более шестидесяти лет, непреходящий эффект империализма остается актуальным. Это особенно верно в том, как Африка позиционируется в мире.

слаборазвитость континента) и то, как колониальная практика изменила африканские общества таким образом, что это продолжает сказываться и сегодня.

Коротко об Африке

Чтобы понять современную ситуацию в Африке, важно помнить следующее. Когда африканские государства стали независимыми, их новые лидеры заняли противоречивые позиции. С одной стороны, они отвергали колониализм и осуждали вмешательство извне. С другой стороны, многие — на самом деле большинство — были очень рады продолжать институты и политику колониальной эпохи. Захват государственной власти рассматривался как конечная цель, или, как выразился Кваме Нкрума из Ганы: «Ищите сначала политического королевства, и все остальное приложится к вам». Укрепление государства шло рука об руку с развитием привилегированных классов, власть и накопление которых в огромной степени зависели от правительства. Многие даже укрепили связи с бывшими колониальными державами после того, как спустились империалистические флаги. Чтобы оправдать свою позицию, большинство новых режимов отвергли парламентскую демократию и вместо этого обратились к политике консенсуса. Во многих случаях это была корыстная и концентрированная власть. Однопартийные системы стали преобладать, и новые лидеры переняли все атрибуты системы вождей, в которой практиковалась иерархия и монополизация формального руководства, но без аспекта консенсуса. Учитывая, что враждебная политика является нормой в демократиях, многие африканские лидеры утверждали, что континент не может позволить себе отвлекаться на такие разногласия, и вместо этого утверждали, что принципом по преимуществу является национальное единство.

Часто использовались призывы к «традиционным африканским ценностям». С 1960-х до 1990-х годов такая форма политики была в значительной степени нормой. Именно в этот период появились различные пожизненные президенты де-факто или де-юре.

Давление со стороны международных финансовых учреждений, таких как Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ), и окончание холодной войны, наряду с реальным давлением со стороны обычных африканцев с требованием перемен, означало, что многие африканские режимы были свергнуты или вынуждены были заново изобретать себя, поскольку весь мир пережил глубокие изменения в начале 1990-х годов. Примеры в этом отношении включают окончание двадцати семи лет правления Кеннета Каунды в Замбии и тридцать лет Гастингса Банды на посту главы государства.

Малави. Это была также эпоха программ структурной перестройки, когда страны-получатели должны были проводить экономическую политику, разработанную на Западе, чтобы иметь право на получение новых кредитов и помогать им в погашении старых долгов. Это была также эпоха демократизации, хотя они не обязательно были совместимы друг с другом, поскольку народное недовольство структурами реформ свободного рынка теперь можно было выразить через урну для голосования. В целом, однако, на континенте наблюдался упадок откровенно авторитарного правления и, в то же время, подъем активных средств массовой информации и сопутствующего им гражданского общества. Современный континент сильно отличается от того, каким он был, когда правили такие люди, как Иди Амин из Уганды и Жан Бедель Бокасса, также известный как император Бокасса I из Центральной Африки.

Тем не менее, остаются проблемы с точки зрения продолжающейся отсталости континента по сравнению с остальным миром и того, как политика осуществляется во многих частях континента. Структуры зависимости не претерпели радикальных изменений, и международные финансовые учреждения и внешние доноры по-прежнему обладают значительным влиянием при навязывании политики.

Континент остается эксплуатируемым, а его природные ресурсы, человеческий труд и капитал по-прежнему в первую очередь служат интересам иностранных экономик, международных корпораций и местных правящих групп.

Демократизация и расцвет публичного пространства для дебатов и дискуссий не уничтожили господствующую систему политики покровительства.

Вертикальные связи, связывающие покровителя и клиента, часто использующие родственные связи или другие сети идентичности, преобладают и, как правило, гораздо важнее, чем идентичности, построенные по классовым или гендерным признакам.

Пережив шок демократизации, многие политические элиты по всему континенту переоснастились и научились манипулировать выборами, чтобы продолжать вести дела как обычно. Обещания 1990-х годов не оправдались во многих странах.

Несмотря на явные симптомы более глубоких проблем, тип политики, практикуемый во многих государствах Африки, по-прежнему враждебен подлинному государственному строительству и устойчивому развитию на широкой основе.

Проблемы современной Африки

Эта книга призвана дать оценку недавней политической истории Африки, исследуя доколониальные политические структуры, влияние колониализма, а также форму и природу постколониальных государств. Доколониальное государство Африки

и колониальное происхождение, которые, конечно, значительно различались, а также процесс деколонизации и передачи государственности африканцам. Современные африканские государства продолжают находиться под влиянием как систем, действовавших до прихода европейцев, так и колониализма, а также последующих приспособлений, которые постколониальные африканские лидеры создали после обретения независимости.

Столь же важен ключевой вопрос постоянной отсталости Африки, поскольку, в конечном счете, это ключ к пониманию того, как разыгрывается политика в Африке. Что вызвало отсталость Африки, сложный вопрос. Эксплуатация Африки Европой в прошлом (и в настоящем) сыграла решающую роль, хотя сейчас в некоторых кругах модно преуменьшать это. До прихода европейцев в Африке были живые экономические, социальные и политические структуры, хорошо адаптированные общества и политическое устройство. Они, как известно, были серьезно подорваны европейской колониальной миссией, арабской работорговлей и последующей эксплуатацией внешними субъектами. С середины 15 века и далее была установлена по существу неравноправная торговая система, и Африка систематически была слаборазвитой, о чем ясно свидетельствует относительный ВВП на душу населения в колониальный период, подсчитанный Ангусом Мэддисоном (см. Таблицу 1).

Таблица 1. ВВП на душу населения, — (в долл. 1990 г.)

Country	1870	1913	1950
Western Europe	1,974	3,473	4,594
USA, Canada, Australia, New Zealand	2,431	5,257	9,288
Japan	737	1,387	1,926
Eastern Europe and ex-USSR	917	1,501	2,601
Africa	444	585	852

В 21 веке отношения между миром и Африкой по-прежнему остаются преимущественно эксплуататорскими при активном попустительстве африканских лидеров. Это позволило разбогатеть отдельным африканским чиновникам, в то время как

континент продает себя дешево. В этой книге упорно утверждается, что более негативные аспекты политики в Африке являются лишь симптомами гораздо более глубоких проблем, центральной из которых является неспособность большинства государств содействовать всестороннему развитию. Существуют как исторические, так и современные, внутренние и внешние факторы, которые в совокупности помогают объяснить эту реальность.

Ряд основных концепций полезен для понимания африканской политики, включая клиентелизм и политику покровительства, которые уже были затронуты. Вообще говоря, большая часть африканской политики основана на личной лояльности отдельным лидерам. Общие черты этой формы управления включают использование принудительных мер для удержания власти и осторожное управление запутанными клиентелистскими сетями. Такие системы распространены в большинстве государств современной Африки, где они подрывают институциональные возможности. Политические элиты, укрепившие свою власть с момента обретения независимости, систематически ослабляли потенциал своих политических противников и выстраивали достаточно сложные системы управления, тормозящие развитие модернизированного бюрократического государства в его понимании на Западе. Правящие коалиции относительно невелики и часто основаны на политике идентичности (т.е. обращении к перспективам социальных групп, с которыми себя идентифицируют люди). Поток доходов и ресурсов строго контролируется правящими кликами и покровительством, а щедрость распределяется между различными сетями, поддерживающими систему.

Необходимо также учитывать социальные силы, которые в настоящее время формируют современную политику на континенте: этническую принадлежность, пол и религию. Традиционно африканские общества основывались на семье, родословной, клане, этнической группе и, в конечном счете, на конфедерации групп с общими культурными, религиозными и языковыми характеристиками. Это были единицы социальной, экономической и политической организации и межобщинных отношений. В процессе формирования колониального государства эти группы разделялись или объединялись практически без учета их общих характеристик или отличительных признаков. Они были помещены в новые административные рамки, управляемые новыми ценностями, новыми институтами и новыми принципами и методами работы. Старый порядок был не полностью заменен контрольными механизмами капитализма. Колониализм функционировал за счет принудительной власти, которая в конечном итоге опиралась на полицию и армию. Национальные ресурсы добывались и экспортировались в качестве сырья для пропитания промышленности колониальных

хозяева и новые системы подрывали местные договоренности. После обретения независимости соревнования за государственную власть и ресурсы быстро превратились в «победитель получает все» с использованием различных идентичностей, часто (но не исключительно) апеллируя к трайбализму или религии. То, как такие идентичности использовались элитами, было одним из больших дестабилизирующих факторов в африканской политике.

Роль вооруженных сил и то, как и почему Африка пережила множество военных переворотов, также имеет большое значение. Эйфория независимости в Африке в 1960-х быстро сменилась длинной чередой военных переворотов до конца 1990-х. В 2000-е годы произошло сравнительное сокращение, но военные по-прежнему узурпируют политическую власть в ряде африканских стран. Фактически, в последние годы мы наблюдаем относительное возвращение людей в камуфляжной форме, издающих указы над национальными радио- и телестанциями: события в Зимбабве в декабре 2017 года — лишь одно из недавних проявлений этой тенденции. Первоначально военная узурпация гражданской власти часто стимулировалась вмешательством извне, а после холодной войны количество неконституционных смен режима, казалось, уменьшилось. Однако перевороты и «конституционные кризисы» постепенно вернулись в африканскую политическую сферу. Как и почему военные вмешиваются в африканскую политику и что военные делают, когда находятся у власти, является важной темой изучения политики в Африке.

В равной степени важны вопросы о применении различных аспектов либеральной демократии и избирательной политики в Африке. Волна выборов в Африке в 1990-е и 2000-е годы породила довольно наивное представление о торжестве демократии на всем континенте. Однако теперь ясно, что демократия интерпретировалась и применялась по-разному на всем континенте, в зависимости от прихотей и капризов политиков и правящих элит. Хотя многие африканские лидеры заявляют, что теоретически приняли либеральную демократию, на самом деле большинство из них в лучшем случае придерживаются полудемократических взглядов. Они разрешили выборы, но неотъемлемые демократические принципы свободы слова, прав человека и свободных и прозрачных выборов во многих случаях не соблюдаются. Таким образом, несмотря на то, что большинство африканских государств приняли выборы в конце «холодной войны» и сегодня они продолжают неравномерно, либеральная демократия не принесла ожидаемых результатов.

Последствия для того, как осуществляется политика в Африке, жизненно важны.

Роль, которую Африка играет в международной системе, и попытки содействовать панконтинентальному единству также имеют фундаментальное значение. Глобальная капиталистическая система была структурирована — и с тех пор управляется и регулируется — господствующими институтами, созданными без участия и вмешательства Африки. Большая часть Африки все еще находилась в колониальном подчинении, когда в 1945 году был принят Устав Организации Объединенных Наций и когда были созданы бреттон-вудские учреждения Всемирного банка и МВФ.

Очевидно, что африканские интересы не учитывались и, возможно, с тех пор не учитывались. Искажение международной системы в результате холодной войны как раз совпало с моментом, когда большинство африканских государств стали независимыми. Такие процессы означали, что в течение первых трех или четырех десятилетий самоуправления многие африканские лидеры получали полную свободу действий от того или иного главного героя холодной войны, в то время как искажающие последствия биполярного мира оказались катастрофическими для большей части континента. Во франкоязычной Африке верность Парижу гарантировала беспрекословную поддержку. Обе стороны, как Запад, так и Советы, были вовлечены в циничную и манипулятивную игру, основанную в конечном счете на военном соперничестве посредством опосредованных войн в таких странах, как Ангола и Мозамбик. Это не только привело к многочисленным смертям на континенте, но и наводнило Африку стрелковым оружием, особенно вездесущим АК-47, которое способствует высокому уровню преступности и продолжающейся дестабилизации.

Однако развитие мировой экономики привело к тому, что к концу 1980-х годов положение Африки в международной системе стало неустойчивым. Обремененные огромными долгами и характеризующиеся неэффективным управлением и коррупцией, многие африканские государства были вынуждены пройти переходный период, предполагающий проведение различных уровней реформ. Хотя многие из этих реформ оказались разрушительными для среднего африканца, либерализация рынков во многих отношениях подготовила почву для 2000-х годов, когда огромный интерес к континенту со стороны развивающихся держав, таких как Китай и Индия, вывел континент на обновленное место в мировой глобальной системе. В частности, роль Китая изменила и диверсифицировала международные отношения на континенте. Было ли это преобразованием для африканских народов, важно, поскольку, в конечном счете, то, как все эти процессы и динамика влияют на среднего африканца, является тем, что касается политики в Африке, или, по крайней мере, должно быть в центре внимания изучения.

[OceanofPDF.com](https://oceanofpdf.com)

Глава 2

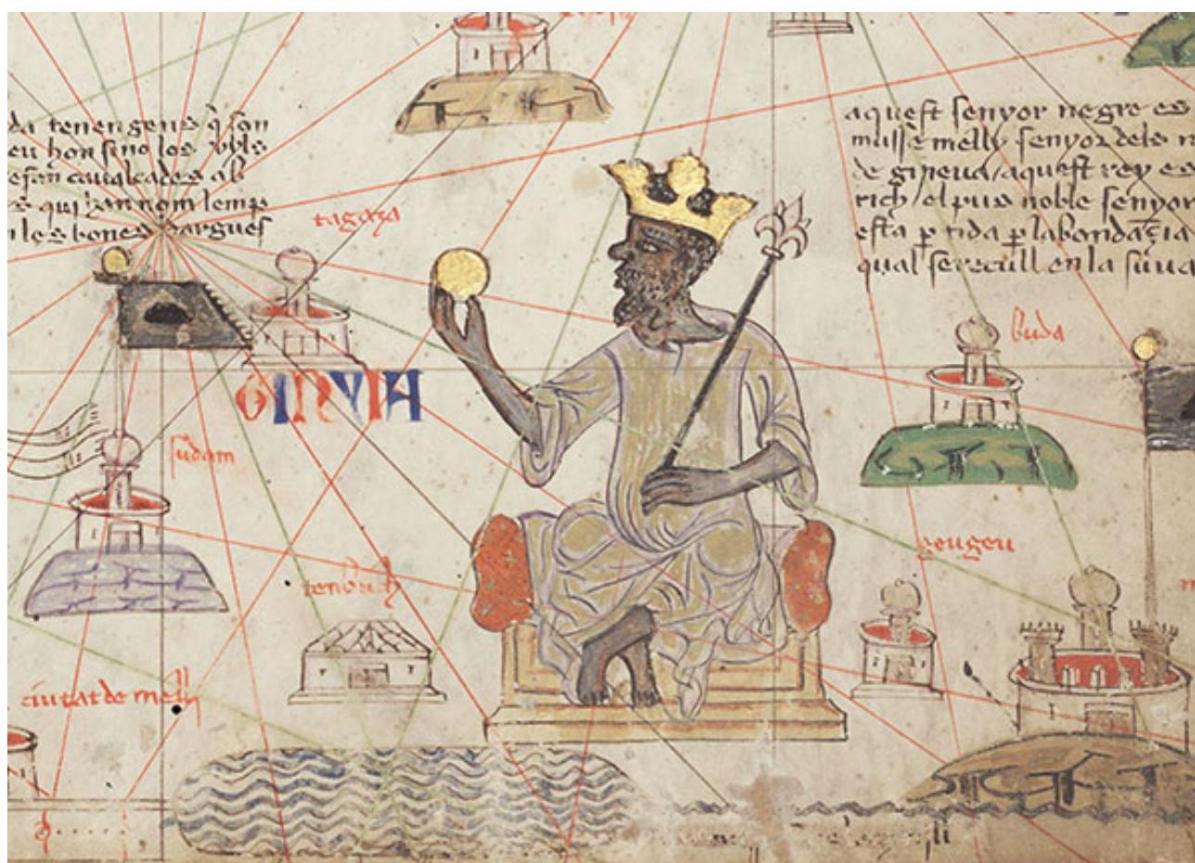
Доколониальные политические системы и колониализм

Доколониальная Африка характеризовалась большим разнообразием обществ. Большинство доколониальных обществ в Африке были основаны на общинных ценностях в том смысле, что они были автономными единицами, и что члены сообщества принимали прямое или косвенное участие в повседневной организации сообщества. Земля находилась в общественной собственности и, как правило, не могла быть куплена или продана, хотя скот и другое имущество находились в личной собственности. За несколькими редкими исключениями (такими как пигмеи в Центральной Африке и сан в Южной Африке), земледелие, иногда скотоводство, а иногда и сочетание того и другого давали средства к существованию.

Африканское сельское хозяйство было хорошо адаптировано к почве и погодным условиям, с которыми сталкивались фермеры. В малонаселенных местах, часто страдающих от нехватки воды, сельское хозяйство обычно носило кочевой характер. Что касается инструментов, широко использовалось железо, а в Западной Африке процветало литье из бронзы и латуни. Хорошо развитые сельскохозяйственные системы наряду с металлообработкой предполагают, что существовал высокий уровень трудолюбивой деятельности. Следовательно, общества должны были быть стратифицированы, и фермеры производили достаточно продуктов питания, чтобы гарантировать содержание квалифицированных рабочих, таких как кузнецы, гончары и ткачи. Они, в свою очередь, предоставили инструменты, оружие и одежду, необходимые всем. Такой образ жизни, особенно в центральной и южной Африке, не позволял производить продукцию выше прожиточного минимума, и такая экономика не стремилась к накоплению богатства.

В доколониальной Африке было большое разнообразие политики и правительства, и все они были связаны с типом практиковавшихся экономических систем. Охотники-собиратели

практиковал форму первобытного коммунизма, в то время как в других местах можно выделить три широкие системы: большие централизованные королевства и империи; централизованные королевства среднего размера; и широко разбросанных вождей. Централизованные королевства управлялись монархами с абсолютной властью и были похожи на свои европейские и азиатские аналоги. Манса Муса из Мали (рис. 1), Сундьята Кейта и Сонни Али из империи Шонхай претендовали на божественное право на царство, как и члены королевской семьи в Европе. Суверены управляли обширными судебными системами, в которых чиновники и вожди вассалов сохраняли свои должности в доверительном управлении короля. Такие должности зависели от лояльности монарху. Примерами таких империй являются нубийцы и аксумиты в Восточной Африке, Мали и Сонгаи в Западной Африке, шона и зулусы в Южной Африке. В этих системах не было разделения властей; король и его двор выполняли исполнительную, законодательную и судебную функции. Относительно сложные методы управления и налогообложения позволили собрать экономические ресурсы.

1. Визит Мансы Мусы из Мали в Каир (из Каталонского атласа, 1375 г.).

Централизованные королевства среднего размера были организованы в города-государства со структурами власти, аналогичными ранее упомянутым системам, но в меньшем масштабе. Действительно, различие между двумя типами царств заключалось в их территориальном охвате. Средние королевства, как правило, были урбанизированными, и короли осуществляли большой контроль.

Король и совет советников обсуждали законотворчество, наблюдали за применением законов и выступали посредниками между просителями. Монарх доминировал в доступе к ключевым ресурсам, таким как земля и доход от налогообложения, и командовал армией. Примерами централизованных доколониальных государств среднего размера являются королевства Ойо и Ифе в Нигерии, Асанта в Гане, королевства Буганда и Буньоро в Уганде, а также города-государства Бенин, Момбаса и Малинди. Некоторые из этих штатов были известны своими значительными городами и городами и служили торговыми центрами, особенно в Сахеле. Другие прославились своими культурными и интеллектуальными достижениями, например Тимбукту. [На карте 1](#) указаны некоторые из основных доколониальных королевств.

Карта 1. Доколониальные королевства Африки.

Наконец, широко разрозненные государства представляли собой ацефальные сообщества (т. е. у них не было королей, вождей или очевидной централизованной элиты), и поэтому колонизаторы считали их «безгосударственными», когда сталкивались с ними. Однако на самом деле такие сообщества имели хорошо организованные системы управления. Общественные нормы соблюдались, а нарушители наказывались. Эти типы политической системы действовали на уровне деревень, и если был условный лидер, этот пост часто был ротационным. Сильный акцент на

совместное принятие решений означало проведение широких консультаций. Кроме того, лидерские роли могут быть распределены по сельским советам старейшин, возрастным группам или тайным обществам. Система ценила сдержки и противовесы полномочий вождей, а власть сознательно не контролировалась отдельным лицом. Поговорка сетсвана о Кгоси ке Кгоси ка Бато («вождь — это вождь народа») отражает идеал. Примерами таких систем управления являются игбо в Нигерии, сомалийцы, нуэр и динка в Южном Судане, масаи в Кении и Танзании и тонга в Замбии.

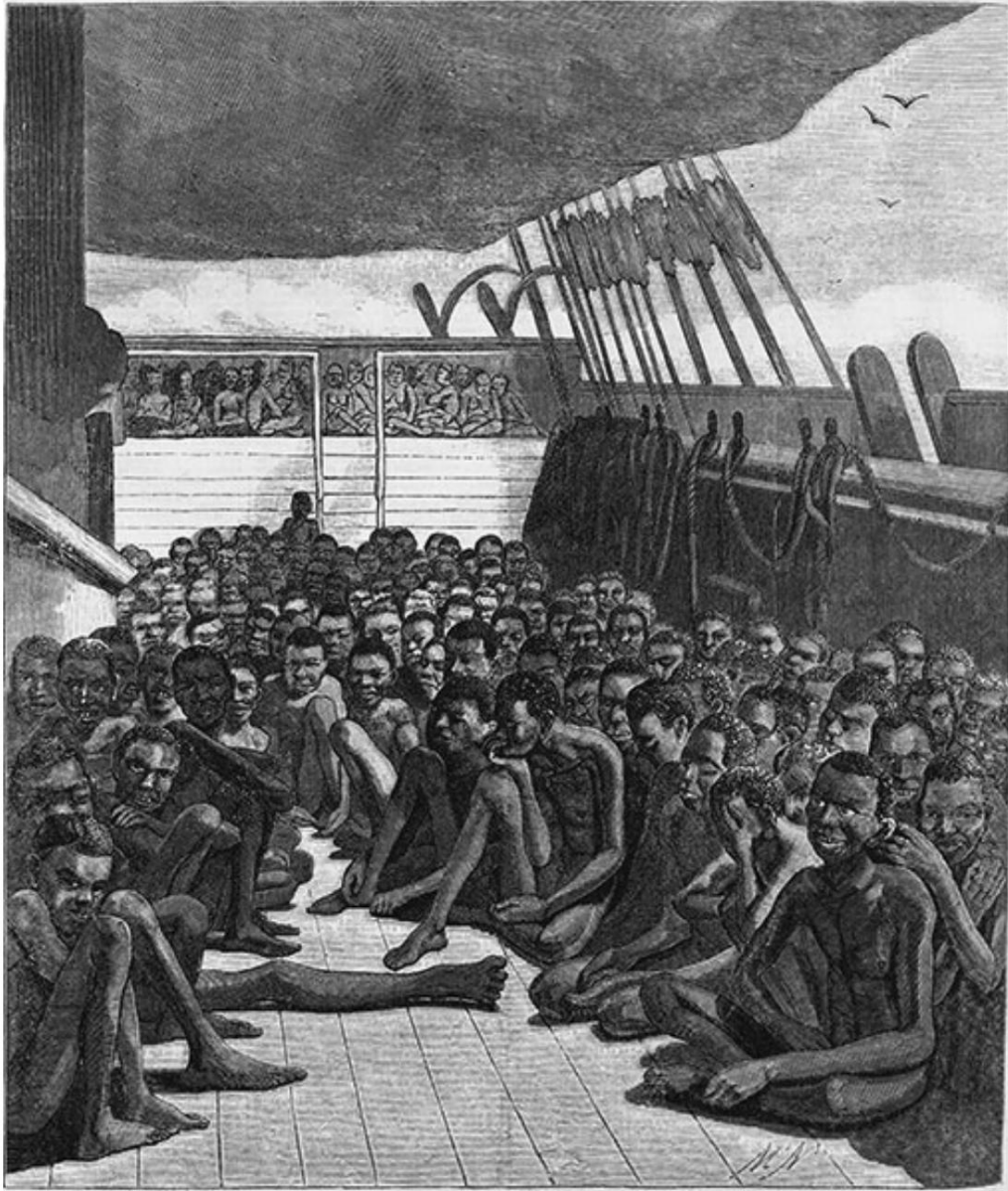
Независимо от уровня экономической организации и производства, а также типа существующих систем управления, наибольшее влияние на местном уровне оказывали семейные или родственные связи. Политическая и социальная идентичность, как правило, была больше связана с принадлежностью, например, с общим языком, чем с тем, чтобы быть жителем определенной территории. Развивалась торговля между прибрежными городами и внутренними регионами, и различные африканские народы были объединены общей религией, торговыми связями и военной властью. Жесткие демаркированные границы вообще были неизвестны.

Работоторговля

До промышленно развитого уровня рабства у арабов и европейцев (рис. 2) рабство принимало форму контракта, когда люди становились рабами, будучи военнопленными, будучи в долгу перед семьей, будучи похищенными или совершившими преступление. Рабы не были личной собственностью, а принадлежали коллективу семьи. Раб фактически принадлежал семье и стал тесно в нее включен.

Женщины-рабыни пополняли ряды женщин, которые были основными фермерами в сельскохозяйственных обществах, и часто случалось так, что ребенок рабыни рождался свободным и присоединялся к семье как равный. Дело в том, что до развития арабской и европейской работоторговли африканцы не занимались масштабной торговлей продажей африканцев в рабство.

Когда это действительно возникло, африканские порабитители обычно захватывали и продавали отдельных лиц и группы, принадлежащие к другим обществам, таким образом, асанти продавали захваченных йоруба европейцам, амхара занимались работоторговлей нуэров арабам и т. д. Враждебность между группами развилась в результате.

2. Африканская работорговля.

Начиная с 15 века трансатлантическая работорговля развивалась, когда африканцев насильно переправляли из западной, центральной и восточной Африки в европейские колонии в Америке. Работорговля, такая как рынки через Сахару, Индийский океан и Красное море, предшествовала этому. Согласно Трансатлантической базе данных работорговли, между 1525 и 1866 годами 12,5 миллионов африканцев были отправлены в Новый Свет, в то время как было подсчитано, что четырнадцать миллионов африканцев, большинство из которых женщины, были проданы мусульманам.

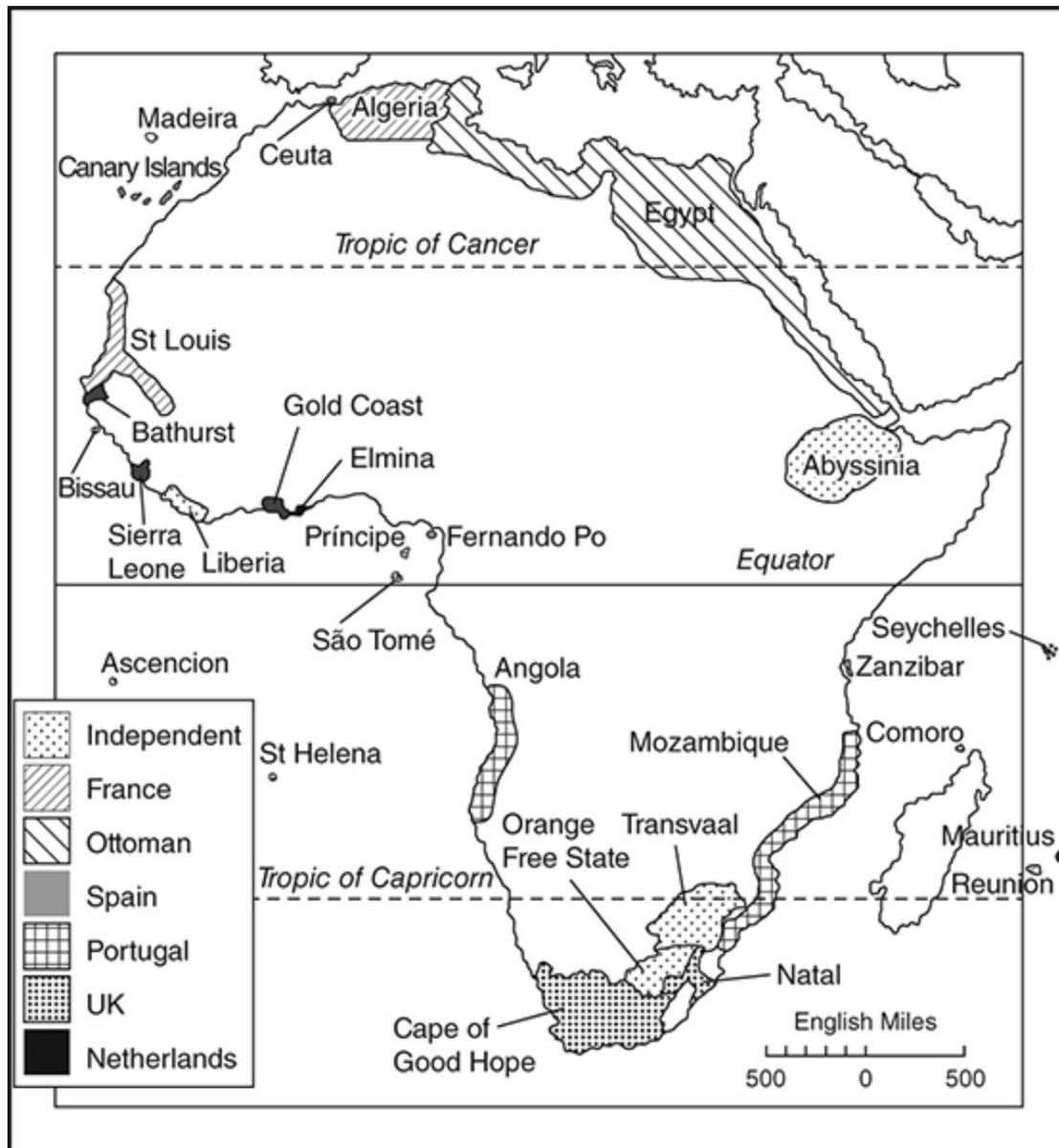
мира, в первую очередь арабами, с середины 7 века и далее (арабское порабощение чернокожих африканцев продолжается и сегодня в Мавритании и Судане). К 1800 году население континента составляло половину того, что должно было бы быть без работорговли. Конечным результатом трагедии стало повсеместное отсутствие безопасности и жестокость в пострадавших районах, а также содействие развитию за пределами Африки. Как заметил Эрик Уильямс, работорговля сыграла решающую роль в продвижении промышленной революции. В равной степени торговля оказала разрушительное воздействие на институциональное, социальное и экономическое развитие пострадавших обществ. Антагонизм между различными общинами обострился, что привело к историческому недоверию, которое продолжается и сегодня. Доколониальные институты были разрушены, политическая и социальная раздробленность стала обычным явлением, в то время как местная экономика находилась в застое или ориентировалась на обслуживание работорговли.

Это факт, что те районы Африки, из которых было вывезено больше всего рабов, сегодня являются самыми бедными. Это особенно прискорбно, учитывая, что те части Африки, из которых было вывезено больше всего рабов, были как раз наиболее развитыми до работорговли. По словам Натана Нанна, если бы работорговли не было, то сегодня не существовало бы 72% среднего разрыва в доходах между Африкой и остальным миром, а 99% разрыва в доходах между Африкой и другими развивающимися странами не существовало бы. не существует. Другими словами, если бы не было работорговли (и колониализма), континент не был бы самым слабо развитым регионом мира. Короче говоря, работорговля сыграла решающую роль в формировании значительной части Африки не только с точки зрения уровня экономического развития, но и в социальной и политической сфере. Большие участки континента превратились в хаос, открытые для дальнейшего нападения со стороны внешних сил.

Колониализм

Фактическая колонизация в большинстве частей Африки пришла поздно; только в конце 19 века европейцы стремились фактически контролировать территорию за пределами некоторых анклавов в западной и южной Африке, как показано [на карте 2](#). До этого европейское присутствие было ограничено побережьем, где между европейцами и африканцами развивались сложные торговые сети (хотя и в них преобладало рабство). Однако когда произошел колониализм, европейские

правление навсегда изменило Африку. Культурное и социальное развитие, наряду с экономической сферой, были безвозвратно изменены, в основном отрицательно.

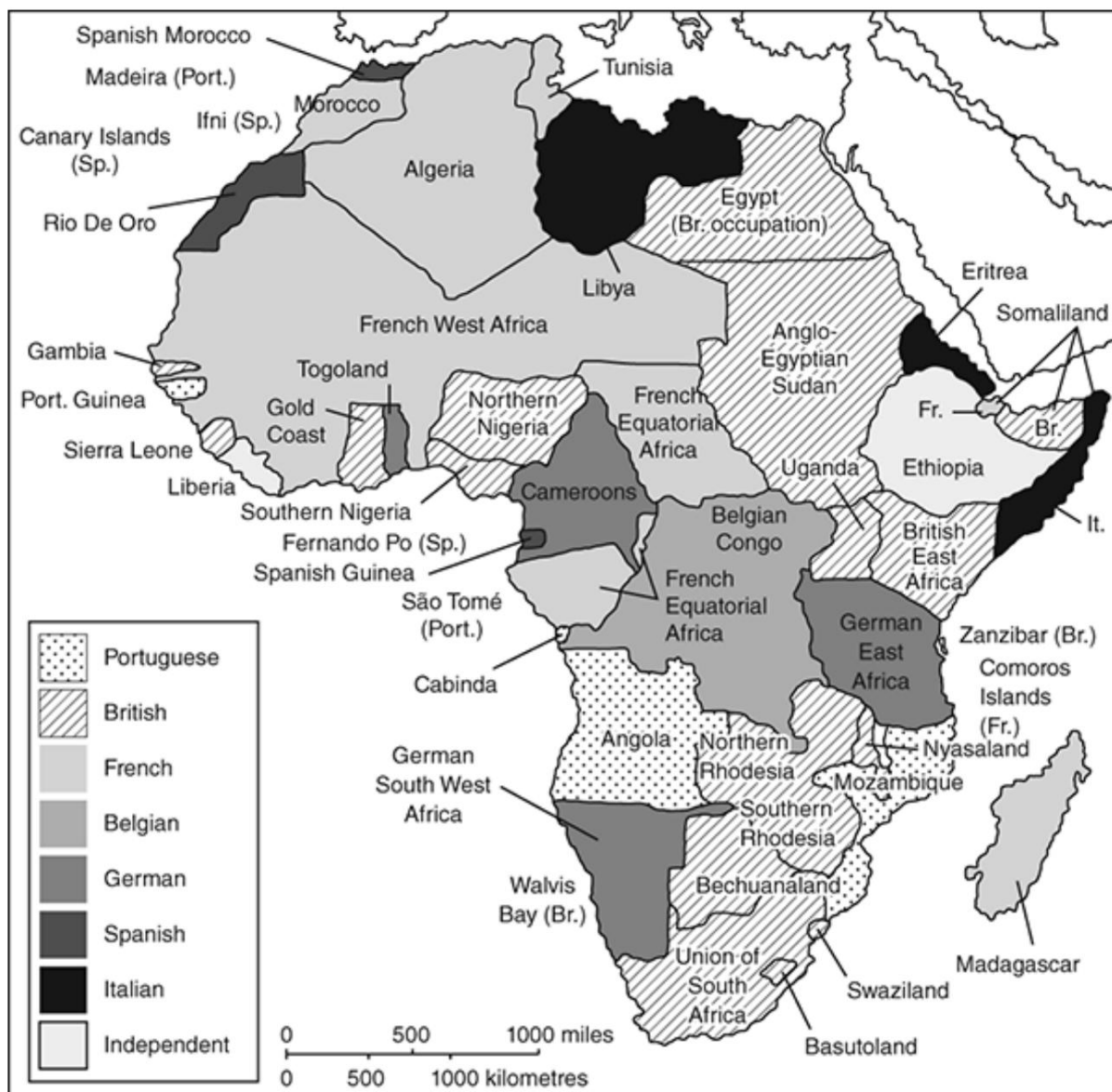

Карта 2. Африка в 1870 г., накануне колониальной экспансии.

Целью колониализма было эксплуатировать и извлекать физические, человеческие и экономические ресурсы территории, чтобы максимизировать выгоды для колонизаторов. Те европейские страны, которые участвовали в этом, занимались преобразованием африканских экономик в торговые системы, основанные на сырьевых товарах.

посредством чего природные ресурсы Африки экспортировались в метрополию для производственных целей. Взамен товары, произведенные в Европе, ввозились обратно в колонии. Развитие таких экономик блокировало естественное развитие Африки и искажало континент в зависимые отношения с Европой, где африканские экономики подчинялись нуждам и интересам колонизирующих наций. Первоначально являясь источником рабочей силы за счет работорговли, по мере того, как европейская власть над Африкой развивалась, континент деформировался таким образом, что последствия этого продолжают и сегодня.

В 1807 году британцы объявили работорговлю вне закона, и началась «законная торговля». Африка стала ценным источником сырья для питания быстро индустриализирующейся Европы. Торговля характеризовалась широким распространением товарных культур, которые обменивались на европейские товары. Прекращение работорговли и последующий переход к экспорту натуральных продуктов из Африки еще больше интегрировали континент в капиталистическую мировую экономику. Так называемая «борьба за Африку» началась с того, что король Бельгии Леопольд II взял на себя контроль над бассейном реки Конго. Леопольд попросил международного признания его личной собственности в Конго, и на фоне опасений, что европейцы в конечном итоге столкнутся друг с другом в Африке, канцлер Германии Отто фон Бисмарк инициировал конференцию для Европы, чтобы синхронизировать захват земель. После долгих переговоров Леопольду было предоставлено Свободное государство Конго, и был установлен принцип «эффективной оккупации», согласно которому колониальные территории в Африке признавались. Правление Леопольда впоследствии привело к жестокой кровавой бане, унесшей жизни около десяти миллионов конголезцев. Для остальной части Африки результатом конференции стал Берлинский договор 1885 года. Именно благодаря этому событию африканцы во внутренних районах были включены под европейское правление (хотя и неравномерно), и в основном были установлены границы Африки (часто нелогично): некоторые. Как видно на [карте 3](#), 44 процента колониальных границ представляли собой прямые линии.

Карта 3. Колониальная Африка в 1914 г.

Основная цель «Борьбы за Африку» заключалась в том, чтобы предоставить колониальным странам максимальные экономические выгоды с наименьшими возможными затратами, а ограниченный колониализм был нормой. Это означало, что не было предпринято никаких серьезных усилий для содействия развитию жителей колоний, и было построено только скелетное колониальное государство. Для колонизирующих стран требования их колониальных подданных редко учитывались, и колониализм вынуждал своих подданных производить почти исключительно на экспортный рынок. Эта логика означала, что производство конкретных товаров

было навязано исключение полезности урожая или более широкого воздействия на местную экономику и общество. Таким образом, в Тангании колониальный истеблишмент изменил местное сельское хозяйство с натурального производства продуктов питания на выращивание хлопка и сизаля. В Западной Африке экономика сосредоточилась на какао, арахисе или других подобных товарных культурах. Традиционные диеты были изменены, так как основные продукты, такие как просо и сорго, стали игнорироваться. Это часто приводило к отсутствию продовольственной безопасности.

Колониализм также стремился ограничить импорт в Африку товарами из страны-колонизатора, при этом экспорт также контролировался. Это ограничивало любую свободу выбора с точки зрения того, что можно было купить и продать. Поскольку африканцам не давали свободно продавать свою продукцию, они были вынуждены заниматься экономикой. Местные земледельцы уже не могли определять, какие культуры выращивать: выбор за них сделали европейцы.

Колониальные территории, предназначенные для обогащения метрополии, должны были оплачивать расходы на собственное развитие и управление. Налогообложение торговли было одним из ключевых способов достижения этого, при этом большая часть доходов колониального государства поступала от торговли. Однако этот доход редко тратился на удовлетворение потребностей африканцев, а вместо этого шел на развитие инфраструктуры для дальнейшего облегчения эксплуатации. Большинство автомобильных и железнодорожных систем, построенных в этот период, были ориентированы на побережье для вывоза товаров; между колониями или внутри них не было развито транспортное сообщение. В противном случае налоги платили за колониальную бюрократию и безопасность — другими словами, африканцы платили за собственное угнетение.

Колониализм интегрировал Африку в глобальную экономическую систему, возникшую в конце 19 века. Однако африканцы были включены как неравные и зависимые коллеги. Экономическое здоровье Африки стало очень уязвимым к росту и падению цен на сырьевые товары, которые сами определялись европейскими вкусами и требованиями. Африканский контроль над этой ситуацией практически отсутствовал. Это правда, что некоторые отдельные африканцы выиграли от этого процесса, но это было крошечное меньшинство, в основном проживающее в прибрежных районах и / или обслуживающее потребности колониальных держав. Однако именно из таких слоев африканского общества должен был появиться зарождающийся крошечный средний класс со своими собственными устремлениями, которые позже привели к требованиям самоуправления.

Типы колониального правления

Важно признать, что на самом деле в Африке существовали разные типы колониального правления. Все наверняка основывались на эксплуатации труда и ресурсов континента, но различия оказывали влияние на то, как осуществлялась политика на разных территориях. Одним типом было прямое правление, в основном практикуемое французами и бельгийцами. Это были централизованные системы управления, базирующиеся в колониальных городах, в которых подчеркивалась идея ассимиляции, посредством которой африканцы могли эволюционировать, становясь «цивилизованными» и, таким образом, эволюцией. Термин «ассимиляция» произошел от французского слова *assimiler*, что означает «заставлять походить». Таким образом, политика ассимиляции была направлена на то, чтобы сделать африканцев во французских колониях похожими на французских граждан посредством распространения французской цивилизации (*mission Civilisatrice*). Этот подход берет свое начало во Французской революции с ее лозунгами свободы, равноправия, братства, которые считались универсальными ценностями. Идея, по крайней мере на бумаге, заключалась в том, что эти права должны распространяться на всех, кто был французом, независимо от расы. На практике это было в основе своей расистским, поскольку возводило подражание европейским нравам в центральный аспект контроля. Более того, поскольку французы считали свои колонии заморскими территориями Франции, конечной целью было включить колонии как продолжение самой Франции, а не как отдельные образования. В 1958 году Шарль де Голль действительно заявил, что *tous Français, de Dunkerque à Tamanrasset* («от Дюнкерка до Таманрассета, все по-французски»), последний находится глубоко на юге Алжира.

Стандартных мер для определения статуса *évolué* не существовало, но в бельгийских и французских колониях кандидат должен был свободно владеть французским языком, быть христианином и иметь определенный уровень посленаучного образования. В политическом плане это привело к разделению африканских обществ, поскольку большинство *évolués* стремились к привилегиям, недоступным для основной части африканского населения, и активно выполняли роль посредника между колониальной администрацией и коренными жителями. Правители коренных африканских народов игнорировались в большинстве аспектов такого управления, и фактически проводилась политика, намеренно ослабляющая местные институты. Примечательно, что европейские государственные служащие присутствовали на всех уровнях колониального правительства, вплоть до местных дел. Это означало, что к моменту обретения независимости большинство территорий, находившихся под прямым управлением, обладали крошечными

число образованных африканцев, большинство из которых в любом случае считали себя превосходящими и отличными от остального местного общества.

Напротив, британцы использовали косвенное правление для управления своими африканскими колониями. Этот метод использовал местных африканских правителей для надзора за колониальным правлением, хотя на высших уровнях управления британские бюрократы сохраняли контроль. Эта политика была впервые популяризирована лордом Лугардом, который занимал пост губернатора Нигерии в период с 1914 по 1919 год. По сути, британцы предполагали, что все африканцы были организованы в «племена», каждое из которых имело «вождей». Так было не всегда, и там, где это было так, создавались племена и/или вожди. В любом случае, как выразился Лугард:

Свобода и саморазвитие могут быть наилучшим образом обеспечены туземному населению, если предоставить ему свободу управлять своими делами через своих собственных правителей, соразмерно их уровню развития, под руководством британского персонала и подчиняясь законам и политике администрации.

Те местные правители, которые были назначены, несли ответственность за сбор налогов от имени британцев. Как ключевые посредники, вожди были обязаны поддерживать мир и порядок. Они также помогали в наборе рабочей силы для колониального сельского хозяйства и добычи полезных ископаемых, а также в мобилизации людей для строительства дорог и железных дорог. В большей части Британской Западной Африки, где практиковалось не прямое правление, велось «крестьянское сельское хозяйство», когда крестьяне выращивали товарные культуры. Обязанность вождей здесь заключалась в надзоре за своими подданными и обеспечении производства.

Хотя эта система была менее навязчивой, чем прямое правление (а также менее затратной для британцев), она привела к усилению межобщинных разногласий и предоставила статус и власть местным «большим людям» способом, который был неизвестен в большей части доколониальной Африки. Общины были жестко разделены на племена, и это способствовало разобщению, поскольку каждая община формально была вынуждена существовать отдельно от других. В свою очередь, те традиционные лидеры, которые были кооптированы, часто рассматривались как коллаборационисты, которые потеряли легитимность, которую они, возможно, когда-то имели как правители сообщества. Ведь именно местные вожди проводили и гарантировали политику от имени колонизаторов. Такие вожди были в значительной степени неподотчетны людям, которыми они правили, будучи скорее ответственными перед назначившей их колониальной властью. Следовательно,

власть стала чем-то чуждым и навязывалась обществам. Это наследие незаконных стилей правления должно было иметь серьезные последствия для постколониальной Африки. Кроме того, как колониальные агенты, большинство вождей по своей природе были консервативны и фактически часто выступали против независимости, поскольку это подрывало их привилегированное положение. Во многих постколониальных государствах одним из первых требований к новому государству было выхолащивание власти вождей.

Третий тип колониализма заключался в том, что европейские поселенцы иммигрировали в значительных количествах. Эти иммигранты планировали сделать колонии своим постоянным домом, но, конечно, там, где они имели бы повышенный статус. Таким колониям были предоставлены особые политические и экономические права, и территория более или менее явно управлялась в их интересах. Таким колониям была присуща дискриминация коренного населения, а также массовый захват переселенцами лучших земель. Апартеид был логическим завершением такого правления. Примеры колоний поселенцев включают Кению и Алжир (где проживало 1,6 миллиона французских поселенцев). Однако большинство из них находились на юге Африки: в Южной Африке, Замбии и Зимбабве, а также на португальских территориях Анголы и Мозамбика. Поскольку на карту поставлено так много поселенцев и поскольку физическое присутствие колониального господства было больше, колонии поселенцев были именно теми районами, где единственный путь к независимости лежал через насилие. Таким образом, затяжные освободительные войны происходили практически во всех штатах поселенцев, от восстания Мау-Мау в Кении до избрания Нельсона Манделы в Южной Африке в 1994 году.

Бесчисленное количество жизней было потеряно в процессе, когда Африка стремилась освободиться от такого чужеродного правления.

Глава 3

Передача власти и колониальное наследие

Колониализм глубоко преобразовал африканские политические, экономические и социальные структуры. Как уже отмечалось, в основе колониализма лежала эксплуатация труда и природных ресурсов Африки на благо метрополий. В течение примерно восьмидесяти лет европейцы не только управляли большей частью Африки (единственными исключениями были Эфиопия и Либерия), они также лишали африканцев образования, необходимого для управления вновь навязанными экономическими и политическими системами, и в значительной степени отказывали в равном обращении со всеми африканцами. Это должно было иметь серьезные последствия для континента по мере его продвижения к независимости в 1960-х годах, поскольку в большинстве случаев не существовало основ, необходимых для построения суверенных, экономически жизнеспособных и политически стабильных африканских государств.

Европейские державы оставили большую часть своих колониальных владений неподготовленными к самоуправлению, одним из худших примеров является Бельгийское Конго. Брюссель впервые заговорил о деколонизации в 1955 году, когда в бельгийском отчете было подсчитано, что развитие правящей элиты в Конго отстает от других европейских колоний как минимум на поколение, и поэтому Конго требовалось как минимум тридцать лет, прежде чем оно было готово к независимости. После беспорядков в колониальной столице в 1959 году Брюссель неожиданно объявил, что выборы за независимость состоятся в 1960 году. На тот момент, с населением около пятнадцати миллионов человек, в Конго не было офицеров африканской армии и конголезцев во всей армии со званием выше сержанта; только три африканских менеджера на всей государственной службе; только шестнадцать конголезцев имеют университетское или высшее образование (в основном богословие); и не конголезец

врачи, юристы или инженеры. Неудивительно, что страна, по размерам превосходящая Западную Европу, быстро погрузилась в анархию (от которой так и не оправилась).

Хотя бельгийцы, возможно, были самыми вопиющими, вряд ли они были уникальными. В 1950 году (то есть за семь лет до обретения независимости) на колониальной административной службе в том, что должно было стать Ганой, было в общей сложности трое африканцев. Что касается Франции, то до 1946 года только французские граждане могли быть приняты в Национальную школу Франции d'Outre-Mer, школу для колониальных бюрократов. В 1954 году, за шесть лет до того, как большая часть Французской Африки стала независимой, в Школе было всего два африканских студента. В Мозамбике за 500 лет португальского правления не было подготовлено ни одного африканского врача.

Идея о том, что африканцы должны или даже могут править сами, была принята только поздно. Действительно, только после Второй мировой войны, когда она оказала огромное влияние на Европу, особенно в экономическом плане, деколонизация действительно рассматривалась как вариант. Эволюционализм внезапно стал важным в колониальной политике, и были намечены планы по развитию минимальной социальной инфраструктуры, которую ранее обеспечивали миссионеры. Хотя средства были получены от экспорта сырьевых товаров, цены на которые после войны резко выросли, от колониальной финансовой самодостаточности отказались и начали оказывать помощь, чтобы каким-то образом дать толчок «развитию». Это привело к внезапному относительному расширению досягаемости колониального государства и в то же время стимулировало ожидания относительно того, для чего существует государство. Молодые африканцы, которые в 1950-х годах начали в большом количестве выходить из средних школ (и университетов в 1960-х), стали рассматривать государственную службу как естественную конечную цель образования (во всяком случае, зачастую это была единственная возможность трудоустройства для образованных африканцев).). Расширение колониального государства, а затем африканизация для заполнения постов и/или замены европейцев предоставили огромные возможности. В то время в Европе существовал консенсус в отношении того, что государство должно играть активную роль в экономике посредством национализации. Экономическое планирование и институционализация государства во многих сферах экономики считались здравым смыслом и действительно поощрялись колонизаторами.

Важно отметить, что тип экономики, развившейся в условиях колониализма, привел к ситуации, когда посредники из Сирии, Ливана и Индии доминировали в большинстве экономик за пределами колониальных торговых монополий и где отсутствовало крупное поселенческое население. Колониализм в большинстве случаев серьезно препятствовал развитию коренного среднего класса, и этот пробел заполняли торговцы иностранного происхождения. Отсутствие основных отраслей промышленности и достаточной инфраструктуры, противостояние с доминирующими европейскими корпорациями и вытеснение на местном уровне иностранными торговцами, единственным решением проблем, возникших при обретении независимости, была плановая экономика. Однако для этого не хватало навыков, технических знаний и

Начался нерешительный процесс развития, который, однако, был слишком поздним для быстро растущих призывов к деколонизации, и во многих отношениях европейцы были захвачены событиями. Африканский национализм быстро вырос после войны под влиянием разоблаченного мифа о европейском превосходстве. Независимость Индии от Великобритании в 1947 году и поражения Франции и Голландии в Азии дали наглядные примеры того, что колониальное правление не было вечным. В частности, решающее значение имело поражение французской армии при Дьенбьенфу во Вьетнаме в 1954 г.; на следующий день после окончания битвы Париж объявил об уходе из Индокитая. Два года спустя деколонизация приобрела непреодолимый импульс после разгрома в Суэце.

Мировое мнение, особенно мнение Соединенных Штатов, вместе с угрозой советской интервенции вынудили Великобританию и Францию уйти. Недвусмысленно показано реальное расположение сил в послевоенном мире.

Стало ясно, что и США, и Советский Союз выступали против прямого колониализма, предпочитая проявлять свою мощь косвенными средствами — идеологическими, экономическими и военными. Экономическое давление на европейцев оказывали Соединенные Штаты, которые стремились лишить Москву морального превосходства по мере углубления холодной войны, а также открыть новые возможности для американских корпораций. Советский Союз, со своей стороны, активно поддерживал независимость Африки как средство ослабления капиталистического мира (наряду с искренней приверженностью антиколониализму). Утомленная войной общественность в Европе отказалась от дальнейших жертв ради сохранения заморских колоний, и в Европе росли антиколониальные настроения, часто сочувственно присоединявшиеся к небольшим, но шумным африканским агитаторам, набранным из среднего класса, которые

требовал самоуправления. Выражение африканской силы в виде забастовок, создания массовых организаций и агитации интеллектуалов усиливало давление.

Как упоминалось ранее, в колониях поселенцев часто требовалось кровопролитие, чтобы сместить колонизаторов. В Кении зверства, совершенные как британцами, так и лоялистами кикуйю против повстанцев мау-мау, вызвали состояние террора в 1950-х годах; в то время как в Алжире массовые убийства, совершенные французскими военными, борцами за освобождение, и нападения «око за око» между коренными алжирцами и белыми поселенцами привели к гибели около 750 000 человек. Обе страны обрели независимость в начале 1960-х годов с этим наследием. В других местах европейское население держалось гораздо дольше. [Таблица 2](#) показывает постепенное обретение независимости африканскими странами.

Таблица 2. Даты независимости африканских стран (в хронологическом порядке независимости)

Страна	Дата независимости	Бывшая власть
Эфиопия (Аксум)	100 г. н.э.	—
Либерия	26 июля 1847 г.	Американская колонизация Общество
Египет	28 февраля 1922 г.	Великобритания
Южная Африка	11 декабря 1931 г.	Великобритания
Ливия	24 декабря 1951 г.	Франция, Великобритания — ООН
Судан	1 января 1956 г.	Египет, Великобритания
Марокко	2 марта 1956 г.	Франция
Тунис	20 марта 1956 г.	Франция
Гана	6 марта 1957 г.	Великобритания
Гвинея	2 октября 1958 г.	Франция
Камерун	1 января 1960 г.	Франция — ООН опека
Идти	27 апреля 1960 г.	Франция — ООН опека
Мали	20 июня 1960 г.	Франция
Сенегал	20 июня 1960 г.	Франция
Мадагаскар	26 июня 1960 г.	Франция
ДРК (как Республика Конго)	30 июня 1960 г.	Бельгия
Сомалиленд	26 июня 1960 г.	Великобритания
Сомали (как сомалийский Республика, с Сомалиленд)	1 июля 1960 г.	Италия — под опекой ООН
Бенин (как Дагомей)	1 августа 1960 г.	Франция
Нигер	3 августа 1960 г.	Франция

Буркина-Фасо (как Верхняя Вольта)	5 августа 1960 г.	Франция
Берег Слоновой Кости	7 августа 1960 г.	Франция
Чад	11 августа 1960 г.	Франция
МАШИНА	13 августа 1960 г.	Франция
Конго-Б	15 августа 1960 г.	Франция
Габон	17 августа 1960 г.	Франция
Нигерия	1 октября 1960 г.	Великобритания
Мавритания	28 ноября 1960 г.	Франция
Сьерра-Леоне	27 апреля 1961 г.	Великобритания
Танганьика	9 декабря 1961 г.	Великобритания
Бурунди	1 июля 1962 г.	Бельгия — ООН опека
Руанда	1 июля 1962 г.	Бельгия — ООН опека
Алжир	3 июля 1962 г.	Франция
Уганда	9 октября 1962 г.	Великобритания
Занзибар*	10 декабря 1963 г.	Великобритания- протекторат
Кения	12 декабря 1963 г.	Великобритания
Малави	6 июля 1964 г.	Великобритания
Замбия	24 октября 1964 г.	Великобритания
Гамбия	18 февраля 1965 г.	Великобритания
Ботсвана	30 сентября 1966 г.	Великобритания
Лесото	4 октября 1966 г.	Великобритания
Маврикий	12 марта 1968 г.	Великобритания
Эсватини (как Свазиленд)	6 сентября 1968 г.	Великобритания
Экваториальная Гвинея	12 октября 1968 г.	Испания
Гвинея-Бисау	10 сентября 1974 г.	Португалия

Мозамбик	25 июня 1975 г.	Португалия
Кабо-Верде	5 июля 1975 г.	Португалия
Коморы	6 июля 1975 г.	Франция
Сан-Томе и Принсипи, 12 июля 1975 г.		Португалия
Ангола	11 ноября 1975 г.	Португалия
Сейшелы	29 июня 1976 г.	Великобритания
Джибути	27 июня 1977 г.	Франция
Зимбабве	18 апреля 1980 г.	Великобритания
Намибия	21 марта 1990 г.	Южная Африка — ООН мандат
Эритрея	24 мая 1993 г.	Эфиопия
южный Судан	9 июля 2011 г.	Судан

Примечание: * Слился с Танганьикой 26 апреля 1964 г. и образовал Республику Танганьика и Занзибар; впоследствии 28 октября 1964 г. переименована в Объединенную Республику Танзания. ЦАР = Центральноафриканская Республика. Республика; Конго-В = Республика Конго (Браззавиль); ДРК = Демократическая Республика Конго.

Там, где не было крупных поселенцев, независимость была меньше. кровавая, и формальная власть постепенно переходила к африканцам. Тем не менее, многие из дней независимости, возможно, были шарадами, где колониальные державы устроили грандиозную демонстрацию отказа от суверенитета, но где базовые структуры контроля остались прежними. Колониализм была основана на экономической эксплуатации, и хотя африканские националистические политическое давление после Второй мировой войны стало непреодолимым, метрополии, безусловно, стремились защитить свои экономические интересы. Продолжать чтобы извлечь выгоду из Африки, колониальные державы создали государства, находившиеся в эффект, зависимость с относительно послушными элитами сохранится дела как обычно. Этому способствовало то, что многие националистические движения, выступавшие за независимость, просто просили положить конец иностранному господству на бюрократических должностях; Настоящий экономические и политические структуры господства редко подвергались сомнению, и были, по сути, с готовностью приняты новой местной кликой.

Кроме того, на международном уровне, когда новые африканские государства были допущены в глобальную систему, они сделали это на самых нижних уровнях

глобальная иерархия. По сути, процесс деколонизации создал большое количество самых искусственных в мире государств с очень слабой внутренней легитимностью и экономической базой, которые в основном не способствовали национальному строительству. Кроме того, когда Организация африканского единства (ОАЕ) при своем образовании в 1963 г. признала принцип нерушимости существующих колониальных границ, стало очевидно, что деколонизационная борьба носит ограниченный характер. Очень немногие африканские лидеры стремились бросить вызов этой реальности, и те, кто это сделал, такие как Кваме Нкрума из Ганы и Патрис Лумумба из Конго (рис . 3), были быстро уничтожены: Лумумба был убит в 1961 году, а Нкрума был свергнут в результате переворота в 1966 году.

3. Арест/захват Патриса Лумумбы из Конго.

К несчастью для континента, деколонизация произошла в разгар холодной войны. Это поощряло идеологические марионетки и эффективные государства-сателлиты, где значение имели не внутренние структуры власти и требования общества, а скорее, к какому лагерю присоединялось то или иное африканское государство. Политическая подотчетность и мнения заинтересованного населения не имеют значения. Такая динамика быстро привела к появлению диктатур, которые получили смелость благодаря безоговорочной поддержке внешних союзников. В то же время части Африки стали территорией для различных опосредованных войн, спонсируемых двумя сверхдержавами. Конечным результатом стало распространение огромного количества оружия по всему континенту, разрушение и без того изношенной инфраструктуры, а также гибель и перемещение миллионов африканцев. Были попытки обойти дуалистический вариант «или/или» с помощью таких инициатив, как Движение неприсоединения (ДН), и ряд лидеров, таких как Джулиус Ньерере из Танзании и Кеннет Каунда из Замбии, искренне пытались избежать вовлечения Африки в противостояние сверхдержав. Однако реальность такова, что большинство африканских лидеров явно или неявно выбирали ту или иную сторону. Однако в целом по умолчанию предполагалось поддерживать разную степень теплых отношений с Западом и, в частности, с бывшей колониальной державой.

Лишь несколько стран сделали выбор в пользу советской стороны, а именно Ангола, Бенин, Кабо-Верде, Конго-Б, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мадагаскар, Мозамбик и Сейшельские острова. Эфиопия и Сомали фактически перешли на другую сторону в середине 1970-х годов, когда бывшая монархическая Аддис-Абеба стала столицей советских намерений в Африке после свержения Хайле Селассие. Динамика холодной войны серьезно исказила африканскую политику на всем континенте, что еще больше осложнило способность новых стран бросить вызов наследию колониализма, которое они унаследовали ([карта 4](#)).

Карта 4. Постколониальная Африка.

Наследие колониализма

Наследие колониализма живет сегодня в бесчисленных формах. Ключевое наследие — экономическое, которое оказывает огромное влияние на политическую сферу. Коренная проблема низких экономических показателей Африки после обретения независимости заключается в асимметрии между ролью континента в мировой экономике и тем, как мир проник в Африку. Говоря в широком смысле,

негибкость глобальной системы в значительной степени не позволила африканским экономикам выйти из своей роли основных производителей. Причинами этого могут быть продолжающаяся слабая инфраструктура; отсутствие доступа к технологиям; укоренившаяся позиция промышленно развитых стран; ограничения большинства африканских внутренних рынков; и политика на Севере, препятствующая выходу африканских производителей на зарубежные рынки.

Как уже отмечалось, в колониальный период (и после) структура внешней торговли Африки определялась прежде всего потребностями метрополий. Как уже упоминалось, африканские страны в основном экспортируют природные ресурсы и импортируют промышленные товары, и эта структура торговли не претерпела существенных изменений с момента обретения независимости. В результате возникло противоречие между моделями производства и потребления, которое Исса Шивджи называет «структурным расчленением», когда в Африке наблюдается «расчленение между структурой производства и структурой потребления». То, что производится, не потребляется, а то, что потребляется, не производится». Это несоответствие послужило ключевым фактором отсталости континента и оказало огромное влияние на политэкономия большинства африканских стран. Это главное наследие колониального господства, и оно проявляется в трех основных статьях экспорта с их долей в общем объеме экспорта отдельных африканских стран (см. [Таблицу 3](#)).

Таблица 3. Три основных экспорта африканских стран

Country	Product I (%)	Product II (%)	Product III (%)
Algeria	Petroleum (40.0)	Natural gas (15.3)	Light oils (12.1)
Angola	Petroleum (96.0)		
Benin	Petroleum (40.1)	Light oils (13.6)	Cotton (9.6)
Botswana	Diamonds (72.9)	Processed diamonds (8.0)	Nickel (6.4)
Burkina Faso	Gold (65.2)	Cotton (19.8)	
Burundi	Coffee (46.1)	Tea (17.3)	Tantalum (6.9)
Cameroon	Tuna (23.0)	Mackerel (14.6)	Other fish (13.8)
Cape Verde	Petroleum (50.1)	Cocoa (11.4)	Wood (6.7)
CAR	Wood (60.8)	Cotton (20.6)	
Chad	Petroleum (95.2)		
Comoros	Cloves (53.4)	Vanilla (14.5)	Ships for breaking up (12.6)
Congo-B	Petroleum (78.9)	Copper (9.9)	
Côte d'Ivoire	Cocoa (47.1)		
Djibouti	Charcoal (16.2)	Coffee (14.7)	Sesame (6.5)
DRC	Cathodes (37.6)	Copper (22.1)	Petroleum (16.8)
Equatorial Guinea	Petroleum (68.2)	Natural gas (23.5)	

Eritrea	Copper (93.7)		
Ethiopia	Sesame (24.7)	Coffee (24.2)	Cut flowers (9.8)
Gabon	Petroleum (81.3)	Manganese (8.5)	
The Gambia	Cashews (36.6)	Wood (27.6)	Groundnuts (5.0)
Ghana	Petroleum (32.5)	Cocoa (19.8)	Gold (19.7)
Guinea	Petroleum (40.4)	Aluminium (35.6)	Gold (10.8)
Guinea-Bissau	Cashews (75.0)	Wood (19.8)	
Kenya	Tea (15.9)	Cut flowers (11.5)	Petroleum (8.1)
Lesotho	Diamonds (40.2)	Clothes (17.1)	
Liberia	Iron (40.7)	Ships (13.9)	Rubber (12.9)
Madagascar	Nickel (24.0)	Vanilla (9.1)	Cloves (4.7)
Malawi	Tobacco (59.7)	Tea (8.0)	Sugar (6.2)
Mali	Cotton (43.0)	Gold (34.2)	Sesame (6.2)
Mauritania	Iron (42.4)	Gold (11.4)	Octopus (7.3)
Mauritius	Fish (13.8)	Sugar (9.3)	Clothes (6.8)
Mozambique	Aluminium (20.7)	Precious stones (16.8)	Light oils (8.8)
Namibia	Diamonds (28.0)	Zinc (13.7)	Fish (6.8)
Niger	Light oils (32.3)	Petroleum (19.7)	Sesame (16.2)
Nigeria	Petroleum (81.4)	Natural gas (12.3)	

Rwanda	Tantalum (27.0)	Tin (19.8)	Coffee (15.5)
São Tomé and Príncipe	Cocoa (61.2)	Ships for breaking up (13.3)	Chemicals (5.6)
Senegal	Gold (16.8)	Fish (10.3)	Phosphoric acid (7.3)
Seychelles	Tuna (72.9)		
Sierra Leone	Iron (76.8)	Diamonds (8.1)	
Somalia	Sesame (29.0)	Goats (24.2)	Camels (22.8)
South Africa	Gold (8.9)	Iron (6.1)	Platinum (5.5)
South Sudan	Petroleum (99.8)		
Sudan	Petroleum (66.1)	Sesame (7.7)	
eSwatini	Drink concentrates (24.3)	Sugar (15.1)	Chemicals (10.8)
Tanzania	Gold (15.5)	Tobacco (10.3)	Sesame (6.5)
Togo	Gold (24.6)	Petroleum (18.2)	Electrical energy (6.2)
Uganda	Coffee (30.1)	Sesame (6.3)	Cement (5.5)
Zambia	Copper (59.7)	Tobacco (5.8)	
Zimbabwe	Tobacco (39.9)	Chrome (10.9)	Sugar (6.9)

Примечания: ЦАР = Центральноафриканская Республика; Конго-В = Республика Конго; ДРК = Демократическая Республика Конго.

Источник: Всемирный банк, «Всемирное интегрированное торговое решение» (<https://wits.worldbank.org>).

С точки зрения управления многие африканские государства считаются слабыми в том смысле, что их способность предоставлять общественные блага невелика. Эта слабость является результатом наследия, завещанного колониализмом, а затем чрезвычайно усугубленного плохим управлением. Как уже упоминалось, колониализм приложил очень мало усилий для развития Африки или колониального государства, и, таким образом, при обретении независимости большинство новых правительств оказались в государствах с неадекватным контролем над своими территориями за пределами городских центров. Слабая политическая база новых африканских стран мешала им с

начинать.

Африканские националистические движения развивались относительно поздно, и когда они пришли к власти, они столкнулись с искусственными государствами, окруженными часто иррациональными границами и слабым чувством национальной принадлежности. Появившиеся новые правящие классы были в основном из урбанизированного мелкого среднего класса. Капитализм в форме колониализма не действовал в Африке как преобразующий агент, как в Европе, в изменении общественных отношений и освобождении экономики. В Европе замена сельской и ремесленной экономики промышленной революцией увеличила производственный потенциал за счет роста фабрик и массового урбанизированного рабочего класса, однако в Африке, в то время как местная ремесленная промышленность была разрушена, торговля не развивалась, кроме товарных культур и добычи полезных ископаемых. Та африканская рабочая сила, которая была задействована в таком производстве, ограничивалась в основном неквалифицированными, низкооплачиваемыми должностями.

Следовательно, за очень немногими исключениями (в основном на юге Африки), рабочий класс был минимальным и не играл серьезной роли в политике после обретения независимости. Вместо этого зарождающийся средний класс играл ключевую политическую роль в обеспечении лидерства. Следствием этого было то, что, выдавая себя за представителей всех африканцев, их материальные интересы часто совпадали с интересами метрополии. Противоречие между образованными националистами и колониальными державами не было особенно глубоким, поэтому ключевой функцией новых лидеров стало выступление в роли посредников и привратников между их экономикой и мировой системой. Такие акторы мало интересовались сельским населением и не чувствовали перед ним ответственности. Конечным результатом было то, что в тех африканских государствах, где было предпринято мало усилий для противостояния колониальному наследию, иерархия доморощенного государственного аппарата, от вождей до деревенских старост или женщин, сохранилась после

независимости, в то время как в тех африканских государствах, которые стремились изменить систему управления, в целом возникла централизованная деспотическая система. Главы районных и местных уровней сохранялись на назначаемой и неизбираемой основе, подотчетной только новому государству. В некоторых странах, таких как Кения, были сохранены законы колониальной эпохи, поддерживающие правовую основу таких систем управления.

Конечно, во время обретения независимости возникли разные идеологические взгляды на независимую Африку. Хотя большинство новых правителей выступали за продолжение существующих экономических и политических отношений с метрополиями (хотя и с новыми флагами и гимнами), были лидеры, которые действительно выступали за реальную независимость, континентальное единство и левую политику в отношении развития под руководством государства. Такие лидеры, как Нкрума, Ньерере, Секу Туре из Гвинеи и (позднее) Томас Санкара из Буркина-Фасо, были склонны заручаться поддержкой профсоюзов, студентов и интеллектуалов.

Размышляя о предстоящих проблемах, Нкрума рано осознал напряженность между двумя типами постколониального руководства:

В динамике национальной революции обычно присутствуют два местных элемента: умеренные представители профессионального и «аристократического» класса и так ... называемые экстремисты массового движения. возвращение за обещание экономической помощи. Так называемые экстремисты — это люди, которые не обязательно верят в насилие, но требуют немедленного самоуправления и полной независимости. Это люди, которые заботятся об интересах своего народа и знают, что эти интересы могут служить только их собственным местным лидерам, а не колониальной власти.

Учитывая плачевное состояние большинства государств и экономик после обретения независимости, а также консенсус в отношении развития под руководством государства, неудивительно, что большинство новых африканских государств первоначально проводили национализацию и направляли экономический рост под руководством государства. Как отметили Джон Сол и Колин Лейс:

После обретения независимости — между 1955 и 1965 годами — общепризнанными были структурные слабости экономического положения Африки, и все стороны предполагали, что для их преодоления потребуется активное вмешательство государства. Хотя ожидалось, что Африка по-прежнему будет зарабатывать себе на жизнь, играя свою традиционную роль экспортера сырья, «государство развития» должно было накапливать излишки сельскохозяйственного сектора и использовать их для удовлетворения инфраструктурных и других потребностей индустриализации, основанной на замещении импорта. .

Здесь следует отметить, что изначально во многих африканских странах наблюдался сильный экономический рост и уровень развития (примерно с 1960 по 1975 год). Относительная доля занятости в обрабатывающей промышленности за этот период почти удвоилась, как и доля добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности. Начало экономии за счет масштаба, применение новых технологий и другие разработки означали, что это был золотой век показателей роста Африки. Акцент на государственных инвестициях и национальном развитии был основан на импортозамещающей индустриализации (т.е. на диверсификации отечественного производства с целью снижения зависимости от иностранного импорта). Такая политика требовала централизованной мобилизации капитала, планирования и управления сверху. Государство в этот период значительно расширилось, что было необходимо, учитывая состояние, в котором колонизаторы оставили Африку, и задачи национального развития. Однако проблемы оставались и росли по мере продвижения континента. На практике было мало попыток договориться об отношениях между метрополиями и их бывшими колониальными владениями, и предпринятые усилия были саботированы враждеб-

Попытки автономного национального развития должны были столкнуться с тем фактом, что массовая бедность, отсталость и зачастую гротескные уровни неравенства не могли быть решены за одну ночь. В некоторых странах отсутствовали огромные капитальные ресурсы, необходимые для устранения наследия колониализма. Кроме того, западные державы стремились гарантировать, что африканские страны не смогут создать основы для экономической независимости. Вмешательство, направленное на подрыв развития, проявилось в европейской политике по расширению и усилению неблагоприятной торговой политики, унаследованной от колониального периода, до ограничения иностранных инвестиций в области экономики африканской страны, которые непосредственно ускорили бы добычу. Действительно, систематически преследовалось сохранение Африки в зависимом положении от Запада, чему во многих странах способствовали уступчивые африканские лидеры. Эти новые элиты считали само собой разумеющимся, что они должны быть лидерами, и стало очевидным, что многие считали немыслимым, что их можно заменить или даже бросить им вызов. Если правящая клика привела страну к независимости, развилась зачастую хронически персонифицированная система контроля, в которой самозванные «отцы нации» считали себя находящимися в таком же отношении к своим гражданам, как отец к своим детям.

Отсутствие развития, унаследованное от колониализма, также использовалось новыми элитами для оправдания «единства» и однопартийных государств, часто ссылаясь на идею о том, что страна либо слишком бедна, либо слишком занята, чтобы заниматься «политикой». Как заявил Кваме Нкрума, «на нынешнем этапе экономического развития Ганы все сообщество должно действовать в национальных интересах». Государственное и национальное строительство поощряло централизацию власти и создание политических монополий. Особенно в этнически или религиозно разделенных новых государствах устранение политической конкуренции рассматривалось как «необходимое средство» для управления социальными разногласиями и искоренения «трайбализма». Однако каким бы ни было конкретное построение постколониального государства в Африке, подавляющее большинство быстро превратилось в интервенционистские, но неэффективные государства, которым не хватало человеческого капитала, необходимого для управления современной экономикой. Новые государства фактически задушили (и без того слабо развитую и зависимую) экономику в контексте автократии, где социальные разногласия и крайний уровень бедности и неравенства поставили под сомнение саму легитимность государства. Наследие политической сегрегации, расовой дискриминации, колониальных определений и разделений в сочетании с наследием экономического грабежа и деформирующими последствиями холодной войны наряду с глобальной экономической системой, сфальсифицированной в пользу Запада. Все это объединилось, чтобы создать враждебную с

Глава 4

Примат политики патронажа

Говоря о чем-то столь широком, как «африканская политика», необходимы обобщения, а применимость понятий к отдельным африканским странам носит условный характер. При этом нельзя отрицать, что большое количество постколониальных африканских стран, ограниченных формальными границами и имеющих международное присутствие в различных международных организациях, таких как Организация Объединенных Наций, функционируют совершенно иначе, чем обычное понимание того, что такое официальное государство. и должен делать. Это, конечно, неудивительно, но для понимания политики на этом континенте концепция неопатримониализма во многом стала стандартным инструментом анализа.

В формально-бюрократических государствах власть распределяется фиксированным образом в виде «официальных обязанностей», в то время как власть строго разграничена правилами и положениями. Кроме того, в идеале на государственной службе работают только квалифицированные лица, и «связи» не должны быть частью процесса найма. Эти три элемента составляют бюрократическую власть и являются опорой современного государства, по крайней мере, в теории. Иерархия и уровни власти, очевидно, существуют, но такие системы позволяют регламентированно обжаловать решения нижестоящей инстанции в вышестоящей инстанции. Государственные служащие отделены от своей частной жизни; а общественные деньги и техника оторваны от частной собственности чиновника. Правила более или менее стабильны и публичны, а бюрократы должны быть беспристрастными и не могут отдавать предпочтение родственникам, друзьям и т. д. Однако этот тип государства возник совсем недавно. Он развивался вместе с капитализмом и требованиями к упорядоченному государству для регулирования и защиты интересов класса капиталистов. До современных государств нормой была геронтократия (т.е.

старейшинами), патриархальность (т. е. абсолютная власть короля на основе родства, являющаяся личной прерогативой монарха) и патримониализм (где власть была произвольной, а управление более широким населением находилось под непосредственным контролем правителя). Действительно, патримониализм был социальным порядком, при котором покровители обеспечивали лояльность и поддержку клиентов, даруя им выгоды из государственных ресурсов. Это может быть лучше всего подытожено взглядом Людовика XIV на власть во Франции с его фразой *l'état, c'est moi*.

Неопатримониализм

Приставка «нео» указывает на новую версию патримониализма. Короче говоря, неопатримониализм — это место, где существуют покровительство, клиентелизм, погоня за рентой и т. д., но также существуют структуры современного государства. Здесь под клиентелизмом понимается обмен конкретными услугами и ресурсами; и погоня за рентой, когда отдельное лицо или группа получают ресурсы от другого лица или лиц в результате «благоприятного» решения в отношении некоторой государственной политики (например, разрешение нефтяной компании работать на территории государства в обмен на оплату). Система основана на хорошо понятной, хотя и неравной, взаимности; в то время как действие политических институтов и политики (в идеале безличных в современном государстве) вместо этого в значительной степени зависит от осуществления персонифицированной власти. Это и есть «политика веранды», о которой упоминалось ранее. В неопатримониальных системах отделение публичного от частного признается (пусть даже только на бумаге) и, безусловно, публично демонстрируется через наблюдаемые проявления современного государства — флаг, правительство, бюрократия и т. д. Однако в практическом плане частная и публичная сферы обычно не разделены, и внешняя видимость государственности часто является фасадом, скрывающим реальную работу системы.

Во многих африканских странах государственная бюрократия, унаследованная от колониального периода, какой бы слабой и неэффективной она ни была, стала еще более недееспособной и жестко ограниченной в своих официально заявленных обязанностях. Действительно, персонал во многих государственных бюрократиях имеет тенденцию развивать свой собственный набор интересов. На индивидуальном уровне главной заботой является обеспечение безопасности работы и благополучия для себя и своих иждивенцев. В таком контексте господствующая логика еще больше искажает роль государственного служащего в сторону от идеального

означало быть лояльным к государству, а не к режиму, находящемуся у власти. Более того, многие африканские бюрократические аппараты часто укомплектованы отчаявшимися людьми, которые находятся под давлением с разных сторон (например, семьи, клиентов, покровителей), чтобы они продолжали либо зарабатывать деньги, либо действовать в качестве привратника к какому-то сегменту государственных ресурсов. Разделение щедрот, которые могут быть получены от формального положения в государстве, ожидается и считается долгом лица, занимающего этот пост. Ожидается, что те, у кого есть возможность, будут использовать власть и ресурсы, находящиеся в их распоряжении, и неспособность сделать это, вероятно, вызовет ожесточенное осуждение со стороны тех, кто рассчитывает извлечь выгоду из ситуации.

В целом постколониальные африканские лидеры полагались на принудительный контроль и покровительство путем захвата власти над государством, а не путем создания функционирующей беспристрастной администрации. Хотя, конечно, клиентелизм и покровительство не являются уникальными для Африки, тип интенсивного неопатримониализма, который мы можем наблюдать на больших участках континента, действительно заслуживает внимания. Можно сказать, что такие режимы демонстрируют четыре характеристики. Во-первых, они практикуют клиентелизм, чтобы получить и сохранить политическую поддержку. Политическая власть сосредоточена на предоставлении и получении услуг в ходе обмена, который идет от уровня деревни до президента. Практика покровительства может заключаться в личных услугах, таких как назначение на важные государственные посты, но часто включает в себя более приземленные действия, такие как оплата школьных сборов отдельных лиц или общин, счетов за электричество и воду или раздача инструментов, семян и удобрений для сельского хозяйства. Прямая раздача наличных также популярна, обычно с (ложным) подтекстом, что покровитель лично распределяет свои собственные деньги, а не средства, незаконно присвоенные государством.

Во-вторых, в основе этого клиентелизма лежит доступ к государственным ресурсам, контролируемый руководителями, придерживающимися строгой логики. В результате граница между публичной и частной сферами чрезвычайно размыта. В этом контексте третьей характеристикой является централизация власти, как правило, вокруг президентского поста, который, в свою очередь, обычно находится в столице. Наконец, неопатримониальные государства представляют собой гибридные режимы, в которых неформальные механизмы политической власти сосуществуют с формальными атрибутами современного государства. Эти режимы являются гибридами, потому что правящие элиты полагаются на оснащение государства, даже если они постоянно подрывают его в своих собственных целях.

преимущество. Ежедневно правительство при неопатримониальном режиме напоминает балансирование для поддержания определенной степени политической стабильности, удовлетворяя сторонников режима и ослабляя его противников.

Важно отметить, что ресурсы, извлекаемые из государства или экономики, используются как средства для поддержания поддержки и легитимности, с сопутствующим эффектом, что контроль государства эквивалентен контролю над ресурсами, что, в свою очередь, имеет решающее значение для того, чтобы оставаться «большим человеком». (и в основном это мужчина, а не женщина, см. [главу 5](#)). Синдром большого человека — это квазитрадиционный набор патерналистских практик, возвышающих человека над другими. Многие африканские элиты считают, что они единственные, кому суждено править и чувствовать себя выше закона, что предназначено только для «маленьких людей», простых граждан, а не больших людей. Контроль государства служит двум целям: смазке сетей покровительства и удовлетворению эгоистичного стремления элит к самообогащению, во многих случаях весьма впечатляющим образом. Большие люди используют богатство (часто полученное незаконным путем), чтобы показать, что они более великодушны, чем их противники. Как иронично замечает Ахмаду Курума в своем вымышленном обращении с африканским президентом:

[Президент] должен казаться самым богатым человеком в стране. У того, кто обладает высшей исполнительной властью, нет ни будущего, ни влияния в независимой Африке, если он не выставляет напоказ тот факт, что он самый богатый и самый щедрый человек в своей стране. Настоящий, великий африканский лидер дарит подарки неустанно, каждый день.

Такие ситуации помогают объяснить глубокое нежелание африканских президентов добровольно передавать власть и почему очень многие африканские режимы заканчиваются беспорядочно, часто в результате переворотов. В большинстве случаев демократический вариант либо отсутствует, либо не соблюдается проигравшим — ставки просто слишком высоки, поскольку, как только человек выходит из-под контроля доступа к государственным ресурсам, сохранение его статуса крупного человека и возможность обогащаться становится практически невозможной. Таким образом, политика в Африке имеет тенденцию быть игрой с нулевой суммой.

Объяснение явления

В большинстве африканских стран экономика недиверсифицирована, и доступ к основным ресурсам для большинства зависит от пребывания внутри государственного аппарата. Впоследствии покровители награждают сторонников синекурами в правительстве.

а бюрократия — это организации, в которых сотрудники являются не столько агентами государственной политики, сколько собственниками, распространителями и даже значительными потребителями власти и ресурсов государства. Раздача бюрократических должностей стала важным способом, с помощью которого лидеры могут заручиться поддержкой. Клиентелизм занимает центральное место в неопатримониализме с широко распространенными сетями клиентов, получающих услуги и ресурсы в обмен на поддержку. Это хорошо понимают и даже ожидают во многих африканских странах. Действительно, осуществление персонализированного обмена, клиентелизма и коррупции может быть интернализовано. В некоторых странах считается нормальным воровать государственные средства, если появляется возможность, особенно если они затем используются на благо не только отдельного человека, но и членов его или ее сообщества. Это называется пребендализм. Такие практики могут осуждаться только в той мере, в какой они приносят пользу кому-то другому или другим сообществам, а не себе и своей группе.

В размышлениях о том, почему это может быть так, очень помогает работа нигерийского политолога Питера Экеха. Эке упомянул две публичные сферы, которые он назвал изначальной и гражданской общественностью. Эти две сферы демонстрируют разные права и гражданские обязанности и, хотя и связаны, имеют разные стандарты морали. В первую очередь потому, что государство, оставленное колониализмом, обладало минимальной легитимностью и не было встроено в африканские общины достаточно долго, чтобы трансформировать африканское общество.

Таким образом, колониализм оставил две общественные сферы: туземный сектор и современный общественный сектор. В первобытном секторе высоко ценится нравственность, но эта область не имеет реального экономического вознаграждения; он используется скорее для того, чтобы завоевать уважение и безопасность. Напротив, гражданская общественная сфера предназначена исключительно для экономической выгоды. Это импортированная чуждая система, основанная на незнакомых ценностях и кристаллизовавшаяся в западном государственном устройстве. Это царство аморально; человек не обязан отдавать. Экех утверждал, что африканцы являются членами двух обществ и будут использовать гражданскую общественную сферу для получения выгоды, если это возможно, чтобы они могли помогать своим сообществам и завоевывать уважение. В таких обстоятельствах морально и законно быть тем, кого жители Запада называли бы «корруптированными», чтобы укрепить свое положение в изначальном обществе. Эти две группы населения вместе формируют африканское гражданство и создают противоречивое представление о том, что представляет собой хороший гражданин.

Национальное развитие и широкая продуктивная экономика гораздо меньше заботят элиты в таких системах, чем продолжение прибыльного использования ресурсов для личной выгоды правителя и его или ее клиентелистских сетей. В то же время бюрократия развила свой собственный набор интересов (личное выживание) и логику как организации, которые еще больше искажают свою роль от идеального современного государства к разрозненному набору скелетных институтов, лишенных большинства способностей, кроме как действовать. как хищники для населения или привратники к ресурсам. Подобная среда привела к созданию целого ряда политически связанных лиц, которые зависят от щедрости государственной элиты и действуют в качестве опорного электората, выступая посредниками между крупными мужчинами или женщинами наверху и массами внизу. В таких условиях государство становилось все более хищническим.

Одна из фундаментальных проблем таких систем заключается в том, что они порождают сильное недовольство отдельных лиц и групп, которые исключены и, следовательно, лишены доступа к ресурсам. Именно в этом смысле правящим классам во многих африканских государствах не хватает консенсуса в управлении обществом. Под правящим классом мы подразумеваем высшую политическую элиту и бюрократов, ведущих представителей торговли, зарождающийся средний класс и высших чинов органов государственной безопасности. Первые годы постколониального национализма в Африке были, вообще говоря, попыткой построить государственный проект, который объединил бы общество вокруг большого количества вопросов, чем просто недовольство империалистическими державами. Однако этот проект быстро превратился в автократию, особенно в связи с резким ухудшением экономических условий после нефтяного кризиса середины 1970-х годов. Поскольку правящие элиты не могли руководить государством, которое большинство общества считало легитимным, они вернулись к другим системам управления, чтобы доминировать над противниками и заручиться поддержкой. Они обычно выражались как в угрозе и фактическом применении насилия, так и в немедленной выплате материальных благ сторонникам в контексте неопатримониальных режимов. Без этих двойных стратегий, в целом неблагоприятных для долгосрочного развития и политической стабильности, правящие элиты многих африканских стран не могут поддерживать порядок. Возникла четкая модель руководства, которая просто служит узким интересам правящих элит, которые тем временем демонстрируют пренебрежительное пренебрежение к основным потребностям и интересам простых африканских граждан.

Такого рода политическая культура имела важные последствия для Африки, не в последнюю очередь глубоко негативно влияя на общую обстановку в области безопасности. В частности, это способствовало гражданским конфликтам и многочисленным попыткам свержения действующих режимов. Способы управления во многих африканских странах также поощряли деспотизм и непредсказуемость, причем последняя, конечно же, является проклятием для построения стабильного порядка и всестороннего развития. В результате на протяжении большей части постколониального периода большая часть Африки находилась в ловушке цикла социальных конфликтов, как на экстремальном уровне войн в Либерии или Сьерра-Леоне, так и на более приземленном этапе, когда государства колеблются от одного кризиса к другому. Политическая история различных африканских государств может быть истолкована как вращающаяся вокруг борьбы за власть и выживание, которая отодвинула на задний план все другие заботы. Конечно, в основе всего этого лежит неразвитость континента.

Действительно, создание проекта, который охватывает национальное развитие и широкомасштабную продуктивную экономику, не является приоритетом для многих африканских элит. Вместо этого больше усилий направляется на обеспечение продолжения системы, которая позволяет выгодно использовать ресурсы для личной выгоды правителя и его или ее клиентских сетей. Как объясняет Бертран Бади:

С одной стороны, экономическое развитие — это цель, которую должен преследовать каждый глава государства... С другой стороны, чересчур активная политика развития рискует привести к нескольким негативным последствиям: она приведет к повышению компетентности технократической элиты по сравнению с хрупкой политической элитой, разрушит социальные пространства и будет способствовать формированию гражданского общества, способного уравновесить политическую систему, да и вообще, нейтрализовать неопатримониальные стратегии.

Такие тенденции особенно проблематичны в богатых природными ресурсами странах Африки.

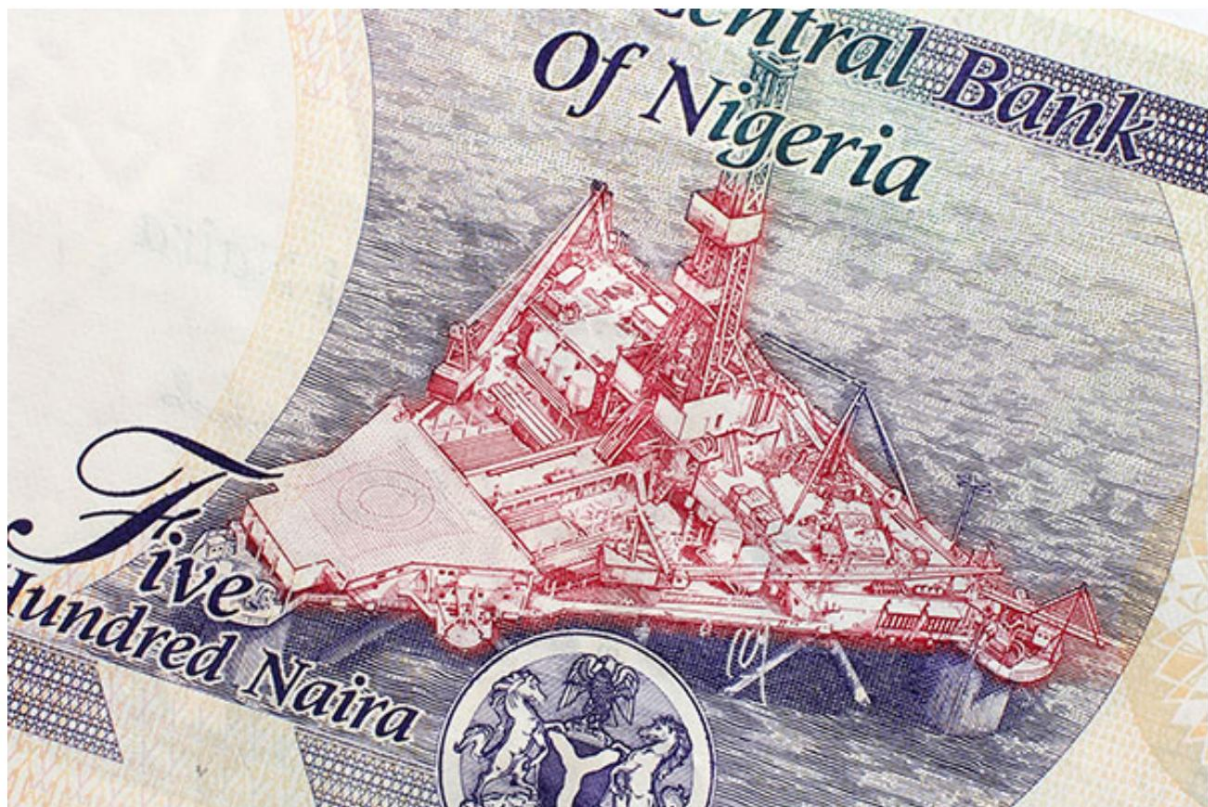
Экстрактивное состояние

Колониализм включил Африку в мировую экономику в основном как анклавную экономику, зависящую от одного или двух товаров или полезных ископаемых. Анклавная экономика — это экономика, которая экспортирует добываемые продукты, сосредоточенные в относительно небольших географических районах. Хорошими примерами являются рудники провинции Шаба в Конго, каучуковые плантации Либерии и медные рудники Замбии. Это означает, что доход

производство физически ограничено небольшими регионами, а основные рынки сбыта продукции находятся за пределами страны. Это делает общее экономическое состояние географических районов за пределами анклава подчиненным, если не неважным, для тех, кто находится у власти. В таких обстоятельствах идея о том, что ресурсы следует направлять на «национальное развитие», в основном не стоит на повестке дня, поскольку создание богатства и выживание не зависят от продуктивного развития, а зависят от контроля над отдельными районами страны. (т.е. где шахты и плантации) или путем манипулирования рынком из личных соображений власти и прибыли.

К несчастью для Африки, доступ к ренте для распределения по патронажным сетям и, таким образом, сохранения ключевой поддержки может основываться на захвате относительно ограниченных географических районов. Другими словами, инвестиции в инфраструктуру и продвижение политики, которая приносит доход элитам, но также приносит пользу широким слоям населения (например, сельскохозяйственная политика, охватывающая большие слои общества), не требуются. Богатые ресурсами страны с анклавной экономикой на самом деле не нуждаются в функционирующих государствах или развитой национальной инфраструктуре для получения доходов власть имущих. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры, такие как Ангола, два Конго, Экваториальная Гвинея, Либерия, Нигерия и Сьерра-Леоне.

Государства, которым удалось относительно избежать таких негативных последствий, — это те государства, в которых элиты не просто полагаются на анклавное производство для получения своих доходов. Одним из примеров является Сенегал с его встроенным экспортным растениеводством, охватывающим большие слои населения, а Ботсвана с элитой, основанной на владении скотом и экспорте говядины (для чего нужны инфраструктура и инвестиции), является другим, хотя и обладающим некоторыми особенностями. анклавной экономики с ее алмазной промышленностью. Ни одна из стран не свободна от политики покровительства, но ни одна из них не основана просто на усилиях по созданию и поддержанию возможностей извлечения ренты для элит. Другой пример — Южная Африка с ее диверсифицированной и относительно зрелой капиталистической экономикой. Но, если оставить в стороне эти примеры, в широком смысле чистый эффект на политическом уровне характера личного правления заключается в подрыве любого чувства широкой общественной подотчетности за пределами непосредственных сетей (рис . 4).

4. Нефтяная скважина в Нигерии.

Итоговые замечания

Проблемы развития Африки остались из-за сочетания исторических факторов (колониальное наследие), структуры глобальной системы и того факта, что многие африканские лидеры не смогли провести радикальные экономические и политические реформы и контролировать дееспособные административные государства. Это связано с тем, что лидеры континента, будь то настоящие президенты или влиятельные бюрократы, продолжают вести клиентелистскую политику, которая защищает их привилегированное положение в обществе и обеспечивает доступ к ресурсам, даже когда развитие остается в ловушке, а широкие массы страдают. Существует мало доказательств того, что эта ситуация коренным образом меняется; на политической арене многих африканских стран доминирует узкая группа элит, которые находятся на вершине системы в течение многих лет, часто с момента обретения независимости.

Логика политики во многих африканских странах такова, что ее деятельность в значительной степени основана на императивах покровительства и направляется ими. Долгосрочное развитие и широкая инклюзивность более или менее не стоят на повестке дня во многих странах. Хотя необходимо полностью осознавать структурные ограничения, история постколониальной Африки в достаточной мере продемонстрировала, что пагубное экзогенное влияние работает наряду с разрушительными талантами доморощенных элит и что одновременные экономические и политические изменения на континенте чрезвычайно сложны и трудны.

Здесь, конечно, необходимо подчеркнуть разнообразие Африки; не все африканские государства соответствуют всем описанным выше характеристикам. В некоторых странах существует высокий или средний уровень разделения публичного и частного, форма бюрократического неопатримониализма с относительно сильным государством с функционирующей государственной службой, монополизирующей власть через формализованные государственные структуры. Примеры включают Эфиопию, Эритрею, Танзанию и Сенегал. В других странах политические системы могут демонстрировать среднее или низкое разделение государственного и частного, с существованием широких слоев олигархических погонщиков ренты, действующих вместе с государственными институтами или вместо них, в основном через сети покровительства. Примеры здесь включают Нигерию, Камерун, Замбию и, по сути, большую часть Африки. Наконец, существуют крайние формы покровительственной политики, султанистские неопатримониальные режимы, в которых существует минимальное разделение публичной и частной сфер. В таких режимах очевидна крайняя концентрация власти вокруг президента, и система представляет собой почти чистое личное правление. Примерами здесь могут быть два Конго, Зимбабве, Ангола, Габон, Эсватини и Экваториальная Гвинея.

Есть также примеры африканских стран, которые на самом деле не соответствуют неопатримониальной модели. Такие государства, как Ботсвана, Маврикий, Кабо-Верде и, возможно, Руанда, Южная Африка, Намибия (и, в меньшей степени, Гана и Сейшельские острова) будут помещены где-то между бюрократической неопатримониальной моделью и современной западной государственной моделью. Страны также могут переходить от одного широкого типа к другому. Например, при Сани Абача (1993–1998) Нигерия была султанским режимом с поразительным уровнем коррупции и очень персонализированной системой управления. Сегодня Нигерия, вероятно, находится на границе между этой и олигархической моделью.

хотя следует подчеркнуть, что такие классификации ни в коем случае не являются точной наукой.

Тем не менее, в целом, многие африканские лидеры, хотя они регулярно осуждают коррупцию и трайбализм, поддерживают неформальные сети, которые являются основой их власти и которые в корне коррумпированы в западном понимании и усугубляют социальную напряженность по отношению к тем, кто находится за пределами покровительственных петель. Поиски легитимности в первобытной публике, как утверждает Эке, требуют выполнения обязательств, не имеющих ничего общего с появлением «нейтральной» гражданской публичной сферы в форме современного государства. Вместо этого это осуществляется через связи, основанные на таких отношениях, как дружба, родство, региональные или этнические отношения. Таким образом, политика характеризуется существованием формальных институтов (пусть даже нефункционирующих) и приверженностью элиты (пусть даже риторической) разделению публичной и частной сфер, даже при процветании неформальных норм. Таким образом, политическая культура и логика представляют собой смесь формальных и неформальных институтов, правил, норм и практик с персонализмом, клиентелизмом и покровительством, обеспечивающим легитимность в среде, где победитель получает все. Все это основано на изменчивых политических союзах, основанных на погоне за властью (и деньгами), а не на вопросах политических принципов или идеологий. Африканские лидеры контролируют государство, но это государство, которое их собственные методы ежедневно подрывают.

Глава 5

Женщины в африканской политике

Гендерное неравенство на континенте варьируется в зависимости от истории, культуры, колониального наследия и уровня экономического развития каждого сообщества. Однако в целом неравенство вполне реально и напрямую влияет на возможности активного участия женщин в политических процессах в Африке. Прямым результатом такого неравенства является то, что, хотя в некоторых странах большинство избирателей составляют женщины, те, кто обладает властью и властью, и те, кто избирается на должности в государстве, в основном мужчины. На сегодняшний день очень немногие женщины занимали должности глав государств и правительств, где и находится реальная власть, как показано в [таблице 4](#). Следует отметить, что Рут Перри была председателем Государственного совета, когда Фактически, из-за гражданской войны не существует эффективного либерийского государства.

Таблица 4. Женщины-главы государств и правительств африканских стран

Name	Country	Office	Start	End	Length of term
Ruth Perry	Liberia	Chair, Council of State	3 September 1996	2 August 1997	333 days
Ellen Johnson-Sirleaf	Liberia	President	16 January 2006	22 January 2018	12 years, 6 days
Ivy Matsepe-Casaburri	South Africa	Acting President	24 September 2008	25 September 2008	14 hours
Joyce Banda	Malawi	President	7 April 2012	31 May 2014	2 years, 54 days

Политическое участие жизненно важно для хорошо функционирующей демократии любого типа. В большинстве стран мира (в том числе на Западе) женщины недопредставлены, а на уровне принятия решений доминируют мужчины. В Африке это не менее верно, а в некоторых странах исключение по признаку пола означает, что

женщины маргинализированы во многих политических процессах. Следует отметить, однако, что существуют аномалии, такие как Руанда, которая занимает первое место в мире с точки зрения гендерного представительства и где женщины составляют более 60 процентов парламентариев. Однако в целом женщины часто оттесняются на второй план, а общество структурно разделено по полу на неравных условиях. Например, африканские женщины занимают 66 процентов всех рабочих мест в неформальном несельскохозяйственном секторе, но получают лишь 70 центов на каждый доллар, заработанный мужчинами.

На самом деле, если женщины не будут более полно интегрированы в национальную экономику, это дорого обойдется Африке. Гендерное неравенство только на рынке труда, по оценкам, обошлось странам Африки к югу от Сахары примерно в 95 миллиардов долларов в год в период с 2010 по 2014 год. Объяснение очевидного гендерного неравенства в Африке кроется в культурных и социальных традициях, на которые сильно повлияли экономические, политические, а также идеологические аспекты траектории развития Африки как до, так и после колониального периода. Хотя верно то, что африканские женщины всегда были активны в сельском хозяйстве, торговле и других экономических сферах, определенные гендерные роли со временем изменились, и это повлияло на роль женщин в формальных политических процессах.

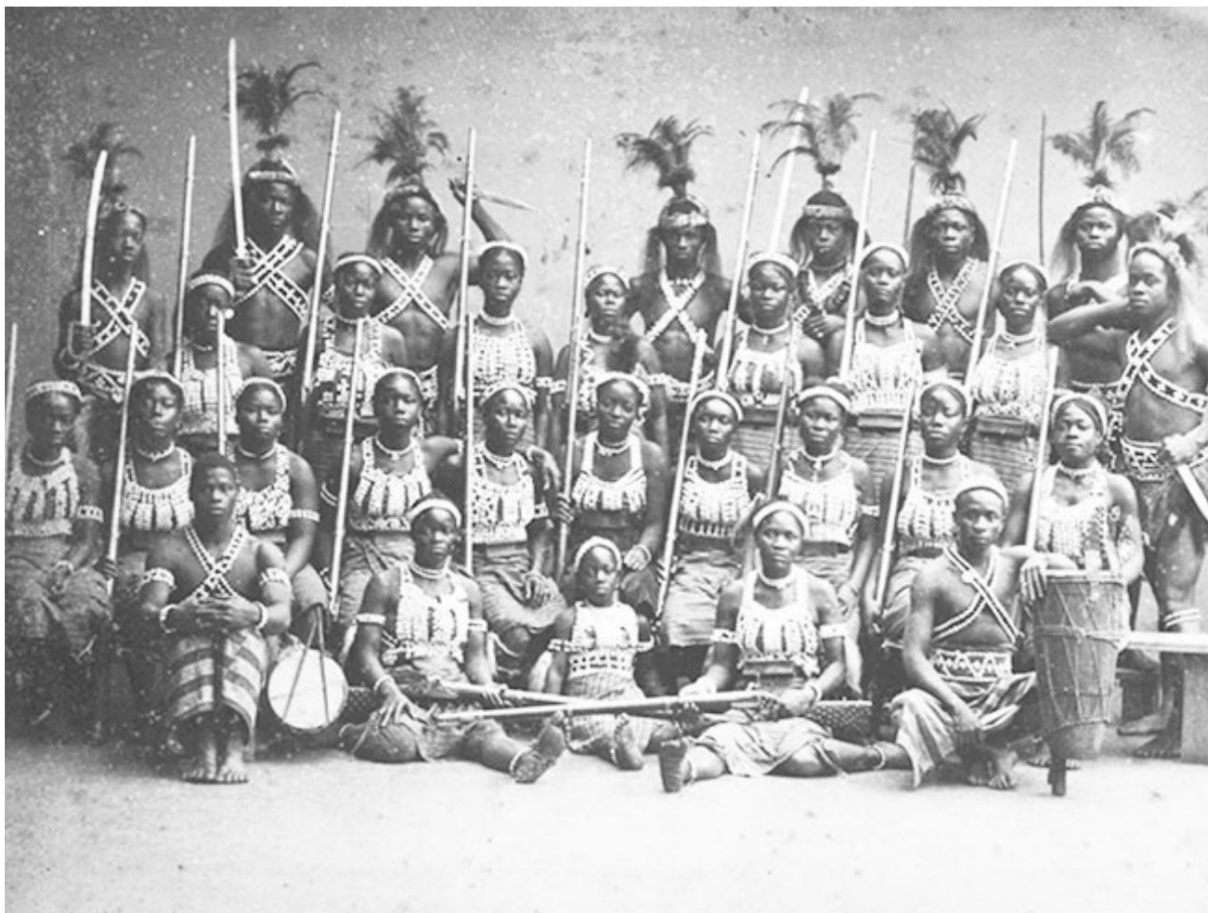
Доколониальная ситуация

Доколониальная эпоха была периодом, когда в африканских политических системах существовали самые разные вариации. Различия существовали между охотниками-собирающими и сельскохозяйственными обществами, между централизованными и нецентрализованными системами, а также между формальным владением должностями и неформальной домашней или общественной властью. Несмотря на эти различия, неравенство между полами в Африке не всегда благоприятствовало мужчинам до европейских вторжений. Во многих общинах женщины выполняли функции королевы или королевы-матери, участвуя в управлении обществом и выступая в качестве наставника вождя-мужчины. Структуры коренных народов обычно позволяли женщинам организовывать свои собственные общественные дела без чрезмерного вмешательства со стороны мужчин; в некоторых случаях существовали двойные системы, разбитые по признаку пола. Народные целители, многие из которых были женщинами, также играли существенную роль. Благодаря рождению и уходу за детьми некоторые женщины приобрели обширные знания о травах и целебных свойствах, и это часто означало, что они играли важную религиозную роль. В Камеруне, например, общественное движение Такембенг, согласно устной традиции, обладало мистической силой, черпаемой из репродуктивных ролей женщин.

и проводили ритуалы остракизма против отдельных лиц в их общинах. Сила такой власти сохраняется и сегодня, когда женщины Такембенга часто возглавляют марши протеста.

В отличие от широкого влияния внедрения капитализма в Африку, доколониальные жены во многих обществах не полностью зависели от своих мужей и часто могли обращаться к возрастным ассоциациям и лидерам с некоторой степенью власти. Домохозяйства были экономическими единицами с общей ответственностью, и женский вклад в домашнее хозяйство в качестве фермеров или торговцев был жизненно важен. Это давало им некоторое преимущество в обществе, а авторитет можно было продемонстрировать в виде прямой руководящей роли, управления за кулисами или с домашней точки зрения в очаге.

Различные роли, которые мужчины и женщины играли в доколониальных африканских обществах, часто разграничивались. Как правило, женщины занимались обработкой продуктов питания, ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми и пожилыми людьми, а также маркетингом и продажей излишков продуктов. Мужчины классически собирали урожай, охотились ради еды и защищали общину с оружием в руках (хотя женщины-воительницы Дагомеи демонстрировали вариацию этих норм) (рис. 5). Конечно, роли распределялись по полу, но гендерные роли дополняли друг друга, и такое уравнивание было жизненно важным для процветания общества. В широком смысле женщины играли определенные роли в сообществе, и, как правило, женщины занимали дополнительное, а не подчиненное положение по отношению к мужчинам.

5. Амазонки Дагомеи.

Однако это не идеализация доколониальной Африки; действительно были общины, в которых существовали социальные структуры, препятствовавшие полной реализации женщинами своих способностей. Многие исламские общества подпадали под эту категорию, и по мере того как ислам распространялся по Западной Африке, его нравы превратили ранее неустойчивые отношения в жесткие обязанности и обязательства. С исламом распространился обычай изолировать женщин от общества, и общественная роль женщин стала ограниченной. Были выработаны новые социальные принципы относительно того, какой должна быть идеальная мусульманка. Например, в северной Нигерии женщины долгое время занимались текстильным производством, но когда в 1809 году был основан халифат Сокото, исламские законы запрещали женщинам обучаться портным, ткачам и вышивальщицам. Отныне женщинам разрешалось только прясть, что ограничивало их возможности зарабатывать. Кроме того, в некоторых обществах традиционное наследование престолов

вождь был матрилинейным; после прихода ислама патрилинейность стала господствующей. Более того, хотя ислам высоко ценил образование, оно предназначалось только для мальчиков. В других странах брачные системы способствовали патриархату. Традиционные обычаи, такие как договорные браки для укрепления межобщинных связей, левиратные браки (когда брат умершего мужчины обязан жениться на вдове своего брата), наследование вдов, принудительные детские браки, полигамия и приданое, ставят женщин в невыгодное положение. Тем не менее доколониальные африканские гендерные отношения в целом дополняли друг друга.

Последствия колониализма

Гендерные роли, как и почти все другие социальные структуры, пострадали от европейского колониализма. Несмотря на различный эффект, общий колониализм оказал пагубное влияние на гендерные отношения в Африке, изменив положение женщин в обществе и их способность играть в нем роль, которая одновременно наделяла их полномочиями и вызвала уважение. Причиной этого было прежде всего навязывание патриархальных ценностей и экономической системы, которую колониализм принес в Африку. Колониализм появился в Африке как раз в то время, когда в Европе существовали жесткие гендерные роли. Нормой домохозяйств, возглавляемых мужчинами, когда мужчина уходил на работу, а жена оставалась дома, находясь в полной финансовой и социальной зависимости, считалась естественной и правильной. Таким образом, колониальные власти не могли понять (или уважать) различные социальные структуры, когда они встречались в Африке. Точно так же доминировала та экономическая система, которая достигла своего апогея в середине 19-го века, когда частная собственность была священной, классовые различия были острыми, а людям (т.е. мужчинам) нужно было работать, чтобы зарабатывать деньги, чтобы выжить. Типичные общинные ценности, существовавшие до этой системы, в Европе были отвергнуты, в некоторых случаях насильственно. Их заменило индивидуалистическое и женоненавистническое общество, что контрастировало с большей частью африканской этики.

Действительно, следует помнить, что Африка была официально колонизирована в период расцвета европейского патриархата. Экономический и правовой статус женщин в Европе снизился с ростом капитализма и индустриализации. Дом является супружеской единицей, где замужняя женщина не обладает отдельной правосубъектностью в соответствии с общим правом. В идеальном среднем классе

Викторианский дом, женщины и дети (как идеализированные, так и инфантилизированные одновременно) были ограничены частной домашней сферой и полностью зависели от мужчины-главы семьи. Женщины не могли владеть имуществом; они сами были собственностью. Когда эта модель была перевезена в колонии, роли и привилегии женщин из числа коренных народов не учитывались. Колониальная система отдавала предпочтение мужчинам, игнорируя гендерные модели коренных народов в землепользовании, сборе урожая, видах компенсации и женских знаниях. По всему континенту были отменены женские сельскохозяйственные системы, а мужчинам было предоставлено образование, оборудование и стимулы для выращивания новых товарных культур. Колониальные правовые системы в равной степени давали мужчинам привилегии и позволяли им продавать землю, изгонять женщин и загонять их на менее продуктивные участки земли. Пониженный экономический статус, с которым столкнулись женщины, был переведен в политику, что привело к тому, что женщины были отстранены от процессов принятия решений. То формализованное образование, которое было введено (прежде всего миссионерами), благоприятствовало мальчикам. Кроме того, колониализм установил формальные несправедливые процессы в отношении женщин, в том числе законы, запрещающие женщинам жить в сельской местности, когда мужчины уезжали в городские центры, чтобы работать на шахтах или заниматься другим наемным трудом. Колониальное правление также дало возможность местным лидерам и посредникам из числа коренных народов рационализировать (а в некоторых случаях изобретать) «традицию» таким образом, чтобы отдавать предпочтение авторитетным фигурам-мужчинам и еще больше оттеснять женщин и молодежь. Таким образом, ценности, навязанные колониализмом, прямо и косвенно структурировали гендерное неравенство и отсталость женщин в африканских обществах.

Постколониальная Африка

Как отмечалось ранее, африканские общества сильно различались по вкладу женщин в общество, и затем эти различия были изменены, в первую очередь в худшую сторону, колониальным опытом. После обретения независимости большинство новых штатов предоставили женщинам избирательное право. Однако социальные нормы часто приводили к сильному противодействию женщинам, играющим особенно видную роль в политике. Даже во время борьбы за независимость женщины часто оказывались в стороне от женских крыльев политических партий. Практический эффект заключался в том, что эти крылья в основном занимались «женскими проблемами», в то время как «настоящее» ядро политики оставалось в руках мужчин. Тип политики покровительства, практикуемый после обретения независимости, с его акцентом на «больших людей», также способствовал

убеждение, что политическая арена не место для женщин. Те женщины, которым удается прорваться, часто являются родственницами авторитетных политиков или (реже) богатых бизнесменов, и, таким образом, проявляется классовый аспект маргинализации женщин. Конечно, и мужчины, и женщины пострадали из-за нестабильности и беспорядка, характерных для ряда африканских государств, которые усугубили отсталость. Однако это приобрело гендерный аспект, поскольку женщины, как правило, находятся в нижней части кучи.

Основной причиной того, что женщины не могут играть полноценную роль в политике в Африке, является давление со стороны общества. Предполагаемая естественная роль мужчин как общественных лидеров основана на идее, что они имеют власть над женщинами. Это право мужчин часто запрещает женщинам играть видные роли в политике, поскольку предполагается, что политическая жизнь является исключительно территорией мужчин. Безусловно, африканские женщины осознают и часто не одобряют природу политики в Африке и то, как она выражается с гендерной точки зрения. Они могут критиковать культурные обычаи и патриархальные взгляды, увековечивающие неравенство (хотя, как правило, не решаются судить о часто религиозных основаниях, которые могут способствовать этому). Однако, хотя женщины могут критически относиться к патриархальным нормам, воспроизводящим исключение женщин из политики, они, как правило, не решаются оспаривать статус-кво. Это связано с тем, что их нужно рассматривать как «респектабельных» женщин в рамках общественного понимания роли женщины.

Действительно, во многих обществах считается, что главная роль женщины — это «респектабельная» жена и мать, которая дорожит семейной жизнью и знает свое место. Таким образом, женщину, участвующую в политике, можно обвинить в том, что она нарушает общественные условности, действует вне дома, возможно, вдали от надзора мужа, в среде, которой она не принадлежит, и общается с неродственными мужчинами на общественной арене. . Только проститутки или женщины, негодные мужчинам из-за различных недостатков характера, могли бы сделать такое. Кроме того, учитывая, что многие политические собрания организуются вечером в нерабочее время, считается, что женщина, участвующая в таких сборищах, явно спит с присутствующими мужчинами или занимается другими гнусными действиями. Выйдя замуж, начинающая женщина-политик должна заручиться поддержкой своего мужа. в

В вышеупомянутом социальном контексте муж, соглашающийся на политическую роль своей жены, вполне может подвергнуться презрению за то, что потерял контроль над своей женщиной. Из-за насмешек или страха перед ними женщине может быть очень проблематично заручиться поддержкой мужа. Это сложно, поскольку поддержка мужа, помимо требований финансовой щедрости, рассматривается как важнейшее предварительное условие для участия женщин в политике. Эта поддержка, конечно, может быть прекращена в любое время, что обычно разрушительно для положения женщины-политика в обществе. Нормы респектабельности, материнства и домашней ответственности сильно отговаривают многих женщин от участия в политической жизни. Несмотря на все это, в последние годы женщины начали мобилизоваться.

Политическая мобилизация

Одной из интересных особенностей современной африканской политической жизни является то, что в последние годы увеличилось количество женских организаций. На континенте существуют большие различия в характере и эффективности женских групп давления. С появлением новых технологий также развились континентальные сети активистов, которые воодушевили некоторых женщин добиваться большей справедливости. Такие движения, которые сосредоточены на статусе женщин в обществе, неизменно являются результатом процессов, которые могут переопределять гендерные роли. Однако это не означает, что все организации прогрессивны; некоторые женские группы были поглощены консервативной программой защиты традиционных женских ролей в семье перед лицом предполагаемых лишаящих прав и возможностей тенденций, таких как урбанизация и модернизация.

Такие группы нельзя назвать феминистскими в традиционном смысле этого слова.

Организации, которые можно считать феминистскими, — это группы, бросающие вызов патриархальным взглядам. В них используется гендерный анализ общества и ставятся под сомнение политические, экономические и социальные структуры, лежащие в основе мужского господства и лишаящие женщин прав и возможностей. Примеры включают женские группы, мобилизованные вокруг сексуального здоровья или прав собственности. Пандемия ВИЧ/СПИДа в большей части Африки, например, послужила акушеркой для различных женских организаций, которые сначала сосредоточились на стратегиях профилактики инфекций, но перешли к более широким гендерным вопросам в обществе. В других странах африканские женщины постепенно расширяли свою роль в

общества путем создания кредитных ассоциаций для мелких женщин-торговцев и развития женских фермерских ассоциаций для обмена методами ведения сельского хозяйства и сельскохозяйственными знаниями, а также обществ взаимопомощи для развития сетей поддержки. Действуя таким образом, женщины проявляют определенную степень автономии, даже если они находятся в замещающих пространствах, отличных от традиционного общества, в котором доминируют мужчины.

Африканские женщины также создали коалицию и сети защиты интересов для формирования политики. Эти сети позволили женщинам воодушевлять последователей на низовом уровне вплоть до уровня государственной политики. Кроме того, растущее присутствие африканских женщин-активисток на международном уровне свидетельствует о более широкой тенденции. Кенийский политический активист-эколог и лауреат Нобелевской премии Вангари Маатаи является символом такого развития событий, но есть и многие другие. Рост Интернета ускорил этот процесс, мгновенно позволив женщинам со всего континента и за его пределами вступить в контакт друг с другом. Освободительная сила информационных и коммуникационных технологий, несомненно, будет и впредь стимулировать мобилизацию женщин в Африке. Остаются серьезные проблемы, не в последнюю очередь социальные нормы, которые в некоторых странах препятствуют активному участию женщин в официальной политике. В равной степени экономический статус женщин очень сильно влияет на то, как они сталкиваются с патриархальными установками. Тем не менее, если понимать политику вне официальных институциональных выражений парламентов и министерских должностей, женщины уже находятся в центре политики в Африке.

Постконфликтные общества

Наконец, интересным явлением в Африке является то, что в странах, которые пережили затяжные конфликты, как правило, более высокий уровень политического представительства женщин, чем в странах, которые не подвергались насилию. Постконфликтная Либерия была первой африканской страной, избравшей женщину-президента (в 2006 г.), в то время как в Уганде в 1994 г. женщина была вице-президентом. поддерживается с 2003 года.

Страны, которые вышли из серьезного политического насилия, быстрее продвигали права женщин и голосовали за женщин на политические должности, чем менее конфликтные африканские государства. Кроме того, такие постконфликтные страны пошли дальше в изменении законов и конституций, чтобы обеспечить

большого гендерного равенства и обеспечения более надежных правовых гарантий в отношении семейного права, прав на землю и гендерного насилия. Африка не уникальна в этом отношении, но это заслуживающая внимания тенденция.

В таких обществах, вне политической жизни, женщины, как правило, более заметны в торговле, гражданском обществе, научных кругах и других учреждениях.

Изменения в отношении к женщинам и их роли в обществе, по-видимому, объясняют это явление. Во время войны женщины получают новые обязанности в обществе и экономике, часто для того, чтобы взять на себя ответственность мужчин, которые непосредственно вовлечены в насилие. В то же время женщины были в авангарде движений за мир, требующих прекращения конфликта. Затем они выиграли от перехода к миру, настаивая на большем равенстве. Поскольку большинство женщин не участвовали в насилии, они обладают определенной степенью доверия, которой нет у мужчин; они могут рассматриваться как политически нейтральные и/или не запятнанные конфликтом и, таким образом, как чистые руки.

Таким образом, во время мирных переговоров определенный политический капитал может быть потрачен на включение гендерных вопросов в мирные соглашения, которые затем просачиваются в более широкие слои общества и открывают больше возможностей для участия женщин. Постконфликтные государства вполне могут иметь квоты для женщин-кандидатов на выборах, распространение изнасилований во время конфликта вполне могло изменить отношение к сексуальному насилию, и в целом к проблемам женщин относятся более серьезно. Финансирование международным сообществом программ, связанных с этими вопросами, вполне может способствовать закреплению прогресса. Ясно, что только несколько стран пошли по этому пути, и это определенно не та модель, которой можно или следует следовать. Однако интригует тот факт, что общества, пережившие разрыв с прошлым — посредством насилия или революции — имеют тенденцию иметь новые нормы и институты, которые вполне могут способствовать продвижению большего гендерного равенства.

Глава 6

Роль идентичности в африканской политике

Распространенное мнение об африканской политике состоит в том, что доминирует идентичность, в основном этническая политика, и что это глубоко искажает управление, ослабляет чувство национальной идентичности, способствует нестабильности и, в худшем случае, приводит к насилию. Однако, как и все другие политические явления в Африке, реальность недостаточного развития объясняет ситуацию более ясно. Учитывая уровень своего развития, Африка не более разделена по идентичности, чем другие части мира. Примечательно, однако, что за исключением тех случаев, когда имела место какая-либо форма индустриализации (в первую очередь на юге Африки), класс был слабым организующим средством, а другие формы социальной идентичности — в первую очередь этническая и религиозная — доминировали.

Следует отметить, что при изучении Африки этническая принадлежность, в частности, вызывала споры. Это в первую очередь из-за колониальной фиксации на «племенах», которые рассматривались как отражение досовременного образа жизни, отдававшего предпочтение исконным связям. Колониальные администраторы приложили огромные усилия для классификации и разграничения различных групп в Африке, что привело к утверждению, что Африка состоит из тысяч «племен», говорящих на бесчисленных языках. Конечно, все они ненавидели друг друга и поэтому нуждались в европейцах для поддержания мира. Так родилось одно из оправданий колониального господства. Даже сегодня слово «племя» часто употребляется в негативном смысле, подразумевая примитивизм и отсталость. Такие народы, как хауса (тридцать пять миллионов человек), фулани (двадцать семь миллионов) и зулу (одиннадцать миллионов), до сих пор считаются некоторыми «племенами», в то время как датчане (пять миллионов), валлийцы (2,6 миллиона) и Мэн (80 000 человек) никогда не навешивали на себя этот ярлык, что свидетельствует об этом менталитете.

Верно, что в обществах со слабым классовым сознанием обычно возникают другие идентичности, такие как религия, национальность, этническая принадлежность и т. д., которые могут быть организующим принципом, вокруг которого может происходить политическая мобилизация. Тем не менее, политика идентичности является симптомом отсталости Африки, а не ее причиной, и важность такой политической мобилизации отражает гораздо более глубокие структурные проблемы, стоящие перед многими постколониальными государствами. Что касается этнической принадлежности, то она сама по себе является чем-то сконструированным, и различные сообщества, которые теперь называются этническими группами, возникли во время колониального правления, когда возникло чувство единства, часто в ответ на инопланетное правление. Как правило, этнические группы были скорее открытыми, чем статичными; группы появлялись и исчезали, меняли свои названия и спорили о том, кто является, а кто не является подлинным членом сообщества. Однако, несмотря на то, что идентичность, безусловно, в какой-то степени сфабрикована, она также безошибочно реальна и живет своей собственной жизнью. Усугубляемая отсталостью и другими факторами, политика идентичности приобретает реальный статус.

До колониальной эпохи, как уже отмечалось, различные части Африки функционировали как сообщества с государственными институтами в определенном месте, где территория и определенная идентичность в значительной степени пересекались. Примерами могут служить королевства Дагомея (современный Бенин), Буганда (Уганда) и Розви (Зимбабве) (рис. 6). В других местах существовали сообщества, в которых идентичности иногда пересекались и имели место языковые и культурные заимствования наряду с различными типами управления между разными сообществами. В основном африканские общества основывались на представлениях об идентичности, таких как семья, родословная, клан или сообщество.

Свободные федерации этих групп с общими культурными, религиозными и языковыми чертами были доколониальными единицами социально-экономических институтов и информированных отношений с другими соседними сообществами.

6. Руины Великого Зимбабве.

Колониальное правление, объединявшее различные общины (некоторые из которых традиционно враждебно относились друг к другу), в основном привело к возникновению сегодняшней ситуации, когда существует очень мало национальных государств (в том смысле, что относительно однородный народ населяет суверенное государство). Количество таких государств, а именно Лесото, Сомали и Эсватини, демонстрирует, насколько глубоким было влияние колониализма на прежние политические системы. В остальной части Африки большинство государств являются поликультурными, часто с самыми разнообразными сообществами, будь то этнические, религиозные или региональные по своему характеру, проживающие в пределах границ страны.

Колониальное правление

Колониальные державы неизменно стремились снизить затраты на управление своими территориями, поэтому объединение общин в колониальные единицы было нормой. Эта административная экономия за счет масштаба и минимизация

бюрократические издержки привели к созданию крупных колониальных государств, в состав которых входили многочисленные общины. Например, Экваториальная французская Африка со столицей в Браззавиле включала в себя то, что сегодня является странами Чад, Центральноафриканская Республика, Камерун, Республика Конго и Габон. Западная Африка со столицей в Дакаре состояла из нынешних Мавритании, Сенегала, Мали, Гвинеи, Кот-д'Ивуара, Буркина-Фасо, Бенина и Нигера. В таких обстоятельствах колониальному правлению часто приходилось разрабатывать стратегии, чтобы скрыть реальную слабость имперских режимов. Очень немногие колониальные территории имели значительное количество войск или администраторов из метрополий; средний британский окружной комиссар отвечал за территорию размером с Уэльс.

Таким образом, особенно британцы практиковали создание союзов с традиционными элитами, известное как «косвенное правление».

Однако благодаря опоре на местные структуры (а в некоторых случаях и созданию новых) властные отношения на местном уровне изменились, а различия между общинами обострились. Когда практиковался политический контроль через доверенных лиц, это возвышало одних над другими, как индивидуально, так и коллективно. Эта система была основана на якобы однородных сельских «племенных» районах, в каждом из которых были свои «племенные» лидеры, которые действовали как децентрализованные деспоты от имени колониализма. Эта политика привела на некоторых территориях к созданию новых «племен», поскольку колонизаторы разделили африканские общины на отдельные области, каждая со своими вождями, поощряя разделение и различия. Здесь следует отметить, что африканские общества не были просто пассивными в этом процессе, а акторы внутри этих сообществ были активными участниками, повышая свой статус.

Кроме того, колониальное правление контролировало как миграцию между различными районами, так и права собственности, ограничивая их «коренными жителями» локализованного района. Это еще больше способствовало дроблению среди африканского населения. Установление колониальных границ также повлияло на межобщинные отношения. Очевидно, что в то время, когда в Берлине проводилась граница, местная ситуация на местности была во многом неактуальна для рассмотрения карандашных линий на картах, нарисованных европейцами.

Используя классическую тактику «разделяй и властвуй», местные социальные структуры в Британской Африке были сохранены. Однако часто колонизаторы отдавали предпочтение людям из меньших сообществ, у которых часто были претензии к более доминирующим группам. Затем им предоставят западное образование, а затем назначат на должности на колониальной государственной службе или в полиции. Эта эксплуатация (а в некоторых случаях и создание) общинных различий служила для подавления панэтнической организации против колониализма. В других местах использовалась религия; в Нигерии колониальное правление объединило религию и этническую принадлежность, чтобы даже сегодня стать выдающимися маркерами идентичности. Практический эффект косвенного правления заключался в том, что оно разделяло африканские народы на искусственно созданные классификации различий, которые часто сохранялись еще долго после ухода колонизаторов. Таким образом, дисбаланс при колониализме усилил антагонизм между сообществами. Например, в Нигерии христианский Юг достиг более высокого уровня социального развития, чем мусульманский Север, а в Уганде протестантская баганда опередила все остальные группы. Асанте, бемба и кикуйю имели такое же привилегированное положение по сравнению с другими общинами в Гане, Замбии и Кении соответственно. С момента обретения Кенией независимости межобщинные отношения фактически характеризовались враждебностью всех кенийских групп по отношению к кикуйю. Во французских колониях Париж централизовал колониальные правительства и стремился ассимилировать послушных жителей во французский язык и культуру. Это создало новую элитную группу галлизированных администраторов, которые часто чувствовали себя выше «туземцев», сохранивших свои общинные привязанности. Спустя десятилетия после обретения независимости франкоязычная Африка изобилует элитой африканцев, которые считают себя чернокожими французами и женщинами и обращаются к Парижу за советом и поддержкой.

Кроме того, колонизация была основана на господстве и не имела легитимности. В качестве защитных механизмов от этого чужеродного правления африканцы часто прибегали к солидарности с традиционной идентичностью; этническая принадлежность была одной из них, наряду с религией. Эти самогруппировки обеспечивали дух товарищества, чувство собственного достоинства и, в свою очередь, становились местами сопротивления колониализму. Однако они также разделили общественное пространство Африки по идентичности. По мере роста урбанизации на многих африканских территориях мигранты из сельских районов часто тяготели к этим ассоциациям, еще больше укрепляя этнические или религиозные аспекты политической организации среди колонизированных. Лидеры

те, кто вышел из этих групп, естественно, получили поддержку на основе того, как были сформированы их организации.

В целом можно сказать, что колониальные власти конкретизировали разногласия между поработченными. В то время как европейцы и другие иммигранты (например, индийцы или ливанцы) подчинялись гражданскому праву, коренные жители подчинялись обычному праву, которое было свойственным каждой общине.

Таким образом, африканцы стали племенными аборигенами в рамках системы управления, которая включала их в набор взаимоисключающих категорий, каждая со своими отдельными обычаями и владениями. На локальном уровне элиты коренных народов использовали свою недавно усиленную власть, исходящую от колониальной власти, для охраны своих собственных общин. Это не только предотвратило любую местную мобилизацию против колониализма (что на практике могло бы бросить вызов позициям местных вождей), но также позволило развить преувеличенную форму управления сверху вниз, которая лишила простых людей прав и возможностей.

Период деколонизации еще больше способствовал политизации идентичности.

Многочисленные националистические движения зародились в группах идентичности, в основном на этнической или религиозной основе. Пока у разных групп был общий враг (то есть колонизаторы), было желательно сотрудничество.

Однако такое сотрудничество начало рушиться накануне обретения независимости, поскольку разные лидеры ухитрились прийти к власти. В более широкой среде, где классовая идентичность была в значительной степени неразвита, те политические лидеры, которые происходили из более крупных сообществ, часто использовали политику идентичности для усиления своей политической поддержки. Именно здесь на первый план вышли трайбализм (незаконная эксплуатация этнической идентичности в политических целях) и сектанство. По мере приближения независимости центр политической деятельности сместился с антиколониализма на схемы получения как можно большего. Сообщества, которые чувствовали, что они окажутся в невыгодном положении или навсегда останутся в статусе меньшинства после ухода европейцев, начали беспокоиться о том, что их оттеснят на второй план или доминируют другие, в некоторых случаях их традиционные враги. Произошел внезапный рост гражданских организаций, основанных на идентичностях, требующих гарантий и принимающих форму партий, стремящихся к федерализму, правам меньшинств, автономии или даже откровенному сепаратизму. Беспокойство по поводу доминирования «Другого», на этот раз другого местного

а не европейское, стало присущим многим африканским странам, движущимся к свободе.

Хороший пример этой тенденции можно найти в Нигерии, где основные административные единицы были построены британцами, чтобы соответствовать географическому местонахождению трех основных этнических групп. Когда националистические организации начали настаивать на большем самоуправлении, Лондон передал власть этим областям, предоставив самоуправление под контролем региональных премьеров. Три главных националистических вора в законе, Ннамди Азикве на востоке, Обафеми Аволово на западе и Альхаджи Ахмаду Белло на севере, решили сосредоточить свою власть в своих родных регионах, а не продолжать контролировать центральное правительство, контролируемое Великобританией. Таким образом, в Нигерии быстро доминировали три региональные партии, которые сами опирались на этническую идентичность для поддержки. Таким образом, к моменту обретения независимости Нигерия родилась уже расколота противоборствующими лояльностями и сильными региональными характеристиками, которые никак не способствовали национальному единству или политике, способной преодолеть этнические и религиозные разногласия. Биафранская война (1967–1970 гг.) стала результатом взаимных подозрений и антагонизма, организованных по религиозному и этническому признаку и сосредоточенных вокруг доступа к материальным благам (например, к нефти).

В других местах, например в Руанде и Бурунди, колонизаторы явно отдавали предпочтение одной группе перед другой, что привело к огромному неравенству с точки зрения уровня образования и общего благосостояния между доминирующими тутси и обездоленными хуту (которые составляли большинство населения).

Накануне обретения независимости бельгийские власти перешли на другую сторону и начали поддерживать хуту. Результатом стало политическое насилие и абсолютное закрепление этнической принадлежности как маркера политики в этих двух странах. Результатом стал геноцид 1994 года.

Африка после обретения независимости

Подавляющее большинство африканских лидеров, пришедших к власти после ухода европейцев, просто взяли на себя управление колониальным государством, сделав очень мало для изменения его структуры и логики. Первоначально многие африканские лидеры стремились отказаться от политики идентичности, по крайней мере, на словах. Национальный

единство было поднято: национальные девизы большинства африканских стран, таким образом, подчеркивают единство: *Unité, Travail, Progrès* (Бурунди), *Unidad, Paz, Justicia* (Экваториальная Гвинея) и *One Zambia, One Nation* являются примерами. В других местах, например в Гане, организация партий по этническому признаку была объявлена незаконной, в то время как Джулиус Ньерере, сам сын вождя, стремился искоренить разобщенность, продвигая сильное чувство танзанийского национализма.

Однако другие лидеры стремились использовать идентичность для собственной выгоды. Джомо Кеньятта из Кении стал мастером этнических интриг, создавая союзы различных этнических групп под верховенством Кенийского африканского национального союза. Его преемник, Даниал арап Мои, перевел эту манипуляцию на другой уровень после преемственности, в результате чего Кения сегодня хронически разделена по этническому признаку. В Кот-д'Ивуаре Феликс Уфуэ-Буаньи привлек к работе различные этнические общины, пронизательно распределив государственные должности, добившись того, чтобы все известные группы чувствовали свою долю в жизни страны. Управление патронажем действительно стало важным способом, с помощью которого многие постколониальные лидеры решали проблемы, связанные с этнической принадлежностью, религией или регионализмом. Хотя ресурсов для смазки системы было достаточно, такие манипуляции в какой-то степени работали. Однако после того, как экономика многих африканских государств с середины 1970-х гг. пришла в упадок, способность питать такие системы быстро уменьшилась. По мере роста оппозиции нормальным явлением стали централизация власти, все более репрессивные методы управления и отказ в основных правах. Многие лидеры поддались мнению, что доверять можно только их сообществу, и, в свою очередь, это вызвало реакцию со стороны более широких слоев общества, которые чувствовали себя исключенными. Это часто выражалось в усилении напряженности между общинами.

Действительно, по мере того как мечта о независимости начала угасать, а новым странам пришлось столкнуться с отсталостью, неравенством и махинациями внешних сил, постколониальное государство становилось все более репрессивным и сосредоточивалось вокруг небольшой клики политических акторов. Эта централизация власти по авторитарному принципу подчеркивала политику идентичности, поскольку в ответ люди обращались к группам солидарности. Это было особенно актуально, если некоторые группы стремились навязать свои языки и религию другим. Если государство считалось «захваченным» представителями определенной группы, лица, не входящие в эту группу, склонны идентифицировать государство как нелегитимное и

служение только интересам определенной этнической группы, региона или религии. Таким образом, идентичность стала еще более политизированной. Политическая мобилизация тогда все больше принимала форму эффективного соревнования между различными группами. Эта политика основывалась не на каких-либо значимых политических программах, а просто на том, какая партия какую группу представляет. Системы покровитель-клиент, которые стали доминировать в политике во многих африканских странах, также были организованы вокруг идентичности для создания и поддержания сетей поддержки.

Результатом стало введение борьбы и конкурирующих фракций, основанных на исключительности, основанной на принадлежности к определенной группе идентичности. В подавляющем большинстве случаев эта группа идентичности была основана на этнической принадлежности и/или религии. В таких ситуациях идентичность становится очень реальной, а идеологии возникают в результате межгрупповых враждебных действий. Нечлены становились предполагаемыми соперниками, даже если их социальный статус был идентичным. Затем религия и этническая принадлежность стали полезным ресурсом для манипуляций политиков и других предпринимателей. Точно так же, как колонизаторы практиковали тактику раскола, многие постколониальные лидеры используют идентичность как средство для достижения цели: перенаправить народное разочарование от них к Другим.

Демократизация и идентичность

С конца 1980-х годов в Африке наблюдалось всеобщее движение к либеральной демократии. Под давлением как местных избирателей, так и внешних субъектов многие африканские государства прошли процесс официальных выборов. Обещав изменить способ управления, в разных странах продолжалась манипуляция идентичностью в политических целях. Вместо создания межобщинных политических партий, основанных на политических принципах и реальной политике, когда многие африканские государства перешли от однопартийного правления к многопартийной демократии, конфигурации идентичности развивались по партийной линии. Действительно, в многопартийной демократии продолжались плохое управление, коррупция и политика покровительства, в то время как некоторые политические лидеры поощряли шовинизм. Например, в Кении этническая политика и часто насилие были свидетелями всех выборов, проводившихся с 1991 года, когда Кения приняла многопартийную демократию, а в Центральноафриканской Республике политики манипулировали идентичностью, чтобы противопоставить христиан мусульманам. Фактически, в то время как страны

оставались однопартийными государствами, идентичностью можно было легче управлять, если не подавлять. Однако конкурентная политика в некоторых странах высвободила весь политический динамизм, ранее сдерживаемый.

Важно отметить, что демократизация часто происходила бок о бок с неолиберальными программами структурной перестройки (ППС), продвигаемыми Западом. Эти проекты реформ привели к беспрецедентному росту экономического неравенства, значительному сокращению продолжительности жизни и чрезвычайному росту доли африканцев, живущих в условиях абсолютной нищеты. Это также было связано с ухудшением состояния сельских секторов и огромным оттоком населения в городские районы. Сокращение числа государственных служащих и социальных служб в рамках ППД привело к опустошению многих штатов, уменьшив их способность действовать и сузив эффективную власть и без того слабых штатов до ограниченной территории вокруг столицы и крупных городов.

Дерегулирование и либерализация расширили политизацию ключевых сегментов национальной экономики, поскольку они перешли из-под государственного контроля в частные руки, и многие правящие элиты разбогатели за счет коррумпированного управления. Там, где они происходили из определенных групп, нечлены, как правило, считали это незаконным общинным захватом национального богатства. В то же время ухудшение состояния и последующая конкуренция за контроль над ресурсами в ситуации роста бедности и неравенства усиливали как горизонтальное, так и вертикальное неравенство между различными сообществами и внутри них. Например, снижение государственного потенциала и контроля над ресурсами по мере продолжения приватизации означало сокращение ресурсов, доступных политическим деятелям для обслуживания своих покровительственных сетей и смягчения растущего неравенства между различными группами. Кроме того, ослабление государственного потенциала привело к тому, что к концу 1980-х гг. возникла ситуация, когда управление находилось в кризисе, а государство считалось неспособным решить нарастающие проблемы. Политические предприниматели вступили в брешь, пообещав, что они будут защищать и продвигать интересы конкретных сообществ посредством мобилизации вокруг политики идентичности. Результатом стал дальнейший раскол общества.

Опыт Африки показал, что переход к демократии может быть сопряжен с неопределенностью, а в условиях неравенства и отсталости это может разжигать этнические и религиозные страсти. Проблема заключается в том, как низкий уровень развития и неравенство сочетаются с

неуверенность, которую испытывают члены общества, переживающие переходный период. Общинная конкуренция может возродиться в такой среде, формируя большую часть фактического перехода к демократии, а затем и последующую практику функционирования этих якобы либеральных демократий. На самом базовом уровне борьба за выживание в условиях относительного дефицита может, когда общественное пространство открывается для состязаний, породить или усилить существующее соперничество между сообществами. Чем более ограничены доступные ресурсы, тем больше вероятность того, что политика идентичности станет проблематичной. Если политика касается того, кто что, когда и как получает, политическая мобилизация по линии идентичности дает ответ: мы, а не они.

Заключительные мысли

Идентичность сама по себе не проблематична. Можно — и это обычно — предпочитать общаться с единомышленниками, и это не означает, что человек враждебно настроен по отношению к другим группам. Проблема политики идентичности в Африке заключается в том, как ее наиболее негативные проявления, в первую очередь трайбализм и сектанство, используются акторами для получения материальной выгоды и политической поддержки. Проблемы, возникающие из-за обращения к идентичности, чтобы скрыть эксплуатацию со стороны богатых и предотвратить солидарность по классовому признаку, возникают во всем мире и ни в коем случае не являются уникальными для Африки. Однако осложняющим ситуацию в Африке фактором является слабость надежных институтов для контроля и сведения к минимуму антагонистической политики по линии идентичности, а также наследие колонизации, в значительной степени закрепившее довольно статичное представление о «племенах», которыми легко манипулировать хищники. элиты.

Однако важно отметить, что некоторые из отмеченных ранее патологий не являются затруднениями, связанными с религией или этнической принадлежностью; это проблемы, связанные с определенной политической динамикой в Африке, которая материализуется вокруг вопросов идентичности. Повторяю, они являются симптомами, а не причинами того недуга, который охватывает некоторые африканские страны: идентичность сама по себе не является причиной проблем Африки. Проблема, скорее, в отсутствии осмысленного развития и в том, как использовались ярлыки и идентификация. Конфликты (включая геноцид в Руанде) были реакцией на неудачные проекты развития и последующее неравенство, которое это породило. Идентичность в этих случаях становится козлом отпущения за все, что пошло не так.

Следовательно, решения таких проблем должны касаться рассматриваемых политических вопросов, а не идентичности.

Конечно, группы часто имеют свои собственные предубеждения и стереотипы в отношении друг друга, но эти взгляды обычно не превращаются в конфликты на уровне людей, если только ими не манипулируют и не организуют политические лидеры. Элиты находят в предрассудках и стереотипах благодатную почву, на которой они могут найти поддержку своим политическим и экономическим устремлениям. Выражение своих целей в общих терминах придает им большую легитимность, точно так же, как национализм использовался для того, чтобы бить в барабаны войны в других местах. Основными бенефициарами таких устремлений являются элиты. Идентичность явно является инструментом, используемым людьми по разным причинам (политическим, социальным, экономическим и т. д.), а не чем-то, что исходит «естественно» изнутри, и в этом отношении Африка ничем не отличается от любой другой страны мира. Однако ключевым вопросом является природа постколониальной африканской политики (основанной на покровительстве) и относительная редкость. Это означает, что вопрос о контроле (и разделении или распределении) государственной власти и ресурсов усугубляет социальную напряженность, и это время от времени может быть мобилизовано по принципу общины. Экономическая маргинализация является гораздо более надежным ориентиром, чем идентичность, в отношении возникновения социальных конфликтов. Как писал Алексис де Токвиль: «Устраните второстепенные причины, вызвавшие великие потрясения мира, и вы почти всегда обнаружите, что в основе лежит принцип неравенства».

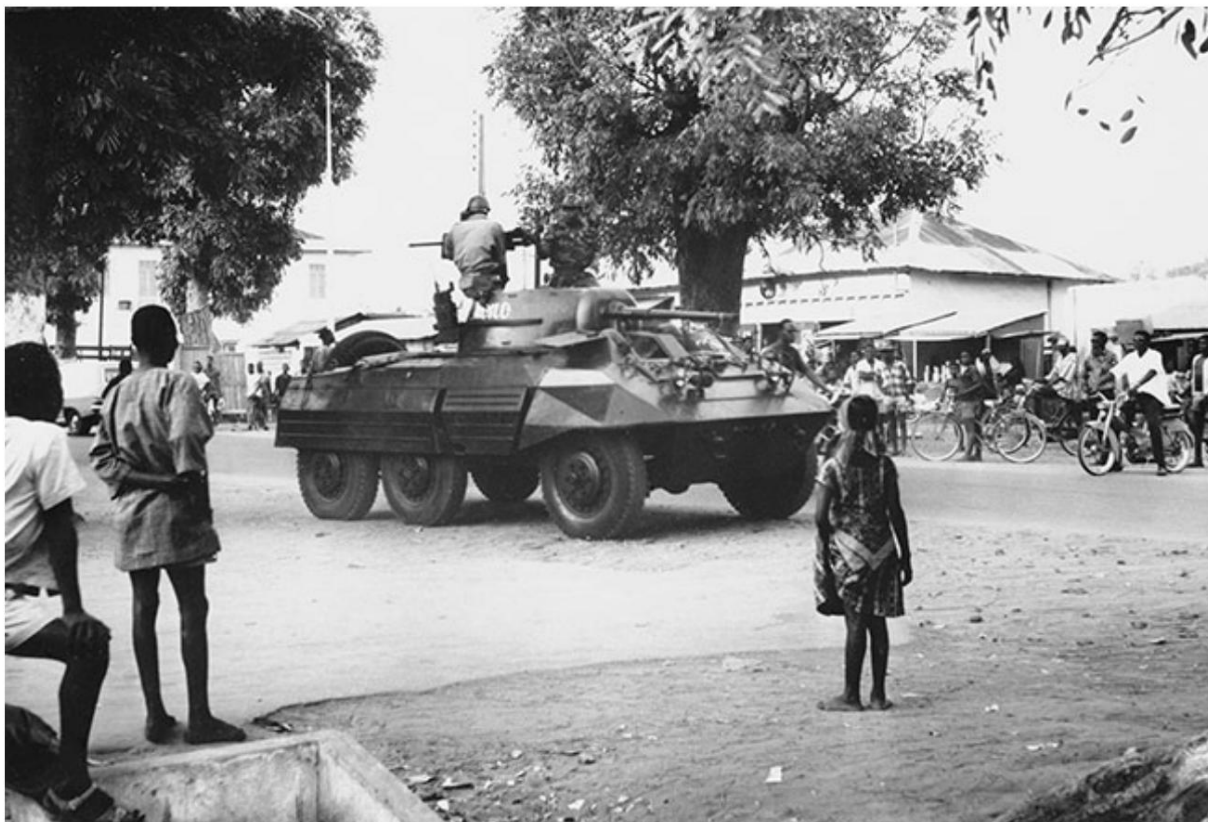
Глава 7

Военные в африканской политике

Государственный переворот — внеконституционная или насильственная смена власти, буквально «забастовка против государства». Африка была одним из континентов, наиболее пострадавших от переворотов и другого вмешательства вооруженных сил в политику: с 1960-х годов в Африке произошло более 200 переворотов, около половины из которых были успешными. Очень немногие страны наслаждались непрерывной демократией с момента обретения независимости, а до 1990-х годов военные перевороты были «нормальным явлением» во многих странах. Действительно, между 1960 и 1982 годами почти 90 процентов независимых африканских государств стали жертвами переворотов, попыток переворота или заговоров. Эта тенденция началась очень рано, в постколониальную эпоху, когда первый переворот произошел в Того менее чем через три года после обретения независимости. С 1960-х по 1990-е годы в Африке происходило в среднем около двадцати успешных переворотов за десятилетие, период, который характеризовался махинациями времен холодной войны, экономическими кризисами и растущей делегитимацией многих постколониальных режимов. В то время очень немногие лидеры ушли из власти после поражения на выборах. Некоторые действительно ушли на пенсию добровольно (Аден Абдулла Осман в Сомали в 1967 году, Леопольд Сенгор в Сенегале в 1980 году, Ахмаду Ахиджо в Камеруне в 1982 году и Джулиус Ньерере в Танзании в 1985 году), но большинство из них сделали это после того, как сами выбрали. В другом месте быть главой государства в африканской стране было явно рискованным занятием. Из различных субрегионов Африки в Западной Африке произошло наибольшее количество переворотов (как успешных, так и неудавшихся), за ними последовали центральная и восточная Африка, а на юге Африки было меньше всего переворотов.

За большинством переворотов следовало формирование военного правительства того или иного типа, но после этого получались разные результаты. В конце концов,

армия не монолитна, и различные группировки внутри нее могут совершить переворот. Как правило, старшие военные офицеры часто ассоциируют себя с политическим классом, находящимся у власти, и имеют значительный личный интерес в поддержании статус-кво. Младшие офицеры склонны отождествлять себя со своим поколением среди политической элиты и бюрократии; если это поколение само неблагоприятно к существующему политическому порядку, его сочувствующие когорты в армии могут развернуться, чтобы изменить систему. Тем не менее, ключевым званием, совершающим переворот, обычно являются полковники и другие средние чины. Они имеют под своим командованием значительное количество солдат, а также имеют доступ к военным коммуникациям и поставкам оружия. Конечный результат любого такого вмешательства бывает разным. В некоторых случаях соперники свергли первоначальных лидеров переворота; в других случаях военные возвращались в свои казармы, хотя угроза новой интервенции никогда не была далекой. В других местах, и это стало тенденцией с 1990-х годов, те, кто пришел к власти в результате переворота, «цивилизовали» свой статус, сняв форму и проведя выборы (разной степени достоверности), чтобы узаконить свой статус глав государств (рис. 7) .

7. Последствия переворота, Котону, 1965 год.

Во всех случаях политическая культура страны, подвергшейся военному заступничеству, необратимо меняется. Действительно, примечательной характеристикой военных переворотов является то, что почти каждый переворот сопровождается последующим ответным переворотом или связанным с ним заговором и интригой; перевороты имеют тенденцию порождать другие перевороты. Причины, последствия и принцип, по которому якобы был совершен переворот, могут различаться, но как только военный джин выпущен из бутылки, его очень трудно загнать обратно. Действительно, как только военные нарушают ключевой принцип своей роли в обществе — армия подчиняется государству — первоначальное вмешательство вызывает цепную реакцию. Хорошим примером в этом отношении является Бенин. Получив независимость в 1960 году, в 1963 году правительство было свергнуто в результате государственного переворота, который возглавил начальник штаба армии. Хотя год спустя президентом был избран гражданский человек, в 1965 году к власти снова пришли военные. Два года спустя к власти пришла соперничающая фракция в армии, но в 1969 году назначенный ими президент был свергнут. Президентские выборы, состоявшиеся в 1970 году, были отменены.

а в 1972 году власть захватил офицер среднего звена, который снова перешел к гражданскому правлению только в 1991 году.

Размышляя о переворотах в Африке, мотивы, побуждающие военных делать то, что они делают, можно разбить на различные факторы. Некоторые, похоже, были спровоцированы широко распространенным в обществе недовольством характером и политикой правящего политического класса. Эти перевороты часто пользуются широкой народной поддержкой (по крайней мере, на начальном этапе) и оправдываются необходимостью «осушить болото» некомпетентных и коррумпированных политиков. Придя к власти, лидеры переворота обычно берут на себя обязательства СМИ уважать гражданские свободы, способствовать экономическому развитию и закладывать прочную основу для возвращения к демократии. Такие обещания часто поначалу влияют на общественное мнение, особенно на неграмотных и необразованных, которые рассматривают военных как мессию.

Захват радио- и телестанций обычно является первоочередной задачей лидеров переворота, чтобы они действительно могли успокоить общественность.

Однако, предпринятые якобы для улучшения общественного порядка, эффективности или искоренения коррупции, обычно не происходит фундаментального сдвига в структуре власти: такие перевороты принимают форму простых музыкальных стульев на высших уровнях общества. В результате они могут повторяться снова и снова. С этими типами переворотов в некоторой степени связаны те интервенции, которые предпринимаются для вытеснения правительства, которое считается неспособным или не желающим защитить государство от внутренних или внешних проблем. Опять же, они могут быть сначала популярными. Другие типы менее способны пользоваться поддержкой. Перевороты, мотивированные главным образом амбициями отдельных лиц, использующих вооруженные силы для захвата власти и последующего вознаграждения за нее, явно преследуют собственные интересы, как и интервенции, вызванные фактическими или воображаемыми жалобами военных институтов на правящий режим (часто вокруг оплаты и привилегий). Возможно, наиболее разрушительными являются те интервенции, когда армия пытается предотвратить массовое участие и социальную мобилизацию.

Это, как правило, худший вид, потому что многие гражданские лица могут быть убиты.

Однако выявить истинные мотивы заговорщиков крайне сложно, учитывая, что все они оправдывают свои действия ссылками на «национальные интересы». Часто только ретроспективный анализ может помочь объяснить, что привело к вмешательству. В любом случае также вероятно, что мотивы и намерения или то, чего надеются достичь лидеры переворота, со временем меняются, в некоторых случаях довольно быстро.

Тем не менее, можно провести различие между теми переворотами, которые явно служат интересам политического истеблишмента, и теми, которые могут послужить катализатором существенного разрыва с прошлым. Это различие, безусловно, имело гораздо большее значение в течение первых трех десятилетий независимости, когда революционные перевороты предвещали весьма драматические социальные преобразования. Свержение Хайле Селассие в Эфиопии в 1974 году, пожалуй, наиболее символично, наряду с переворотом Томаса Санкары в 1983 году в Верхней Вольте (ныне Буркина-Фасо). В этих и других случаях военные захватили власть, а затем приступили к институционализации политической и экономической программы реформ с переменным успехом и долговечностью. Однако, по крайней мере, у этих вмешательств был какой-то проект. Большинство переворотов в Африке, напротив, характеризовались последующей инерцией, воспроизведением существующих проблем в обществе и часто сопровождалось дальнейшим закрытием политического пространства.

Природа военного правления

По определению, военный режим строится на силе и принуждении, а не на согласии. Военные – это не демократии, а глубоко иерархические институты, для которых характерны по существу диктаторские нормы. По самому своему *modus operandi* они несовместимы с конституционной демократией. В результате, когда военные захватывают власть, два доминирующих фактора, как правило, определяют время их пребывания у власти. Во-первых, это потребность (выраженная или иная) доминировать над гражданским обществом. Альтернативные голоса или возможные места оппозиции (интерпретируемые через военную призму как недобросовестное неповиновение) недопустимы. Во-вторых, желание сохранить военную базу власти порождает сильную диктаторскую позицию. Хотя гражданское население часто приветствует это, обычно быстро наступает разочарование в военном правлении, и чтобы сохранить контроль, военные должны прибегать к неприкрытой силе. Уровни этого могут быть разными, но сообщение, которое необходимо отправить недисциплинированному гражданскому населению, состоит в том, что армия командует. Следовательно, военные режимы, как правило, испытывают тревожное пренебрежение к закону и быстро вырождаются, просто оставаясь у власти, считая себя выше правовых ограничений. В таких обстоятельствах мало ответственности или уважения к правам граждан, поскольку высшая власть в отношении законности действий правительства принадлежит не судам, а военным. В любом случае законы, процессы и институты прав обычно отменяются или

строго ограничены, часто в условиях «чрезвычайного положения». Типичные события, связанные с переворотами, включают приостановку действия конституции, роспуск политических партий и строгое ограничение гражданских свобод. Все это свидетельствует о желании военных нейтрализовать ограничения на осуществление ими государственной власти.

Военные добиваются этого разными способами. Во-первых, это наделение себя законодательной и исполнительной властью, большей, чем обычные юридические процессы. Это достигается за счет того, что военные изолируют себя от судебного надзора, часто за счет полного увольнения судей и приостановки работы судов. Другой, упомянутый ранее, является ограничением гражданских свобод. Поскольку были введены чрезвычайные полномочия, это относительно легко сделать, и пострадавшие лица не могут обратиться за помощью.

Наконец, военные часто берут на себя функции арбитра, используя трибуналы, укомплектованные военными или послушными членами судебной системы. Таким образом, военные суды заменяют гражданских магистратов с предсказуемыми результатами.

Во многих африканских странах политика часто вращается вокруг личностей, а не идеологии. В таких обстоятельствах все очень быстро становится личным. Одной из особенностей военного правления является то, что лидеры переворота часто используют возможность, предоставленную им захватом власти, чтобы свести старые счеты, заставить замолчать врагов прежнего режима и отомстить. В таких ситуациях перевороты могут быть довольно кровавыми, поскольку расплата за фактическое или предполагаемое оскорбление достоинства военных может выражаться в насилии.

В равной степени устранение потенциальных соперников как внутри, так и вне вооруженных сил является понятным рациональным действием лидеров переворота. В конце концов, если создается прецедент, предполагающий военное свержение гражданского правительства, то нет никаких моральных барьеров для других элементов, использующих ту же тактику для замены новых должностных лиц.

В целом, военное правление имеет тенденцию наносить серьезный ущерб государству. Граждане, которые не подчиняются вооруженным силам или не присоединяются к ним, исключаются из экономической и социальной деятельности страны, а политический класс может исчезнуть. С другой стороны, лояльность и поддержка вооруженных сил могут значительно улучшить карьеру и принести значительное богатство; есть многочисленные примеры, когда деятели, связанные с переворотами,

обогатились. Наихудшим примером на сегодняшний день, вероятно, является Сани Абача, который возглавил военный переворот, а затем контролировал Нигерию с 1993 по 1998 год. До 4 миллиардов долларов иностранных активов были прослежены до Абачи, его семьи и их представителей после его смерти. Другие военные правители были, возможно, менее амбициозны, но разграбление государства было характерной чертой большинства армейских режимов, несмотря на тот факт, что после прихода к власти обуздание коррупции и продвижение надлежащего управления якобы были главной причиной вмешательства военных.

Почему так много переворотов?

Во всех случаях участие военных в политической сфере является симптомом более широкого структурного недуга в постколониальном государстве. Хрупкость государства и его слабое влияние на легитимность, усугубляемое поведением тех, кто находится у власти, имеют решающее значение. На момент обретения независимости не существовало местного бизнес-класса, который обладал бы масштабами и глубиной, чтобы взять власть в свои руки. Скорее, государство было передано группе лидеров, которые быстро приступили к преобразованию политического управления в личное богатство. Очевидные достижения этих политиков в обогащении самих себя, своих семей и клик разжигали зависть и конкуренцию.

Учитывая, что во многих странах возможности изменить политический класс посредством голосования были ограничены или отсутствовали, единственными агентами, способными осуществить изменения, стали военные. В условиях затяжного экономического кризиса и несостоятельности политического руководства межэлитные распри и затянувшиеся политические кризисы могут привести к разочарованию и утрате доверия к гражданскому правительству. Меры по борьбе с экономическим кризисом (такие как контроль над ценами, валютные ограничения, повышение налогов, девальвация и т. д.), как правило, непопулярны, и поэтому гражданские режимы кажутся парализованными. В этих обстоятельствах прибытие военных на мгновение создает возможность перемен.

Факторы, внутренние для самих вооруженных сил, также могут играть роль. Большая часть военного руководства в Африке была отправлена за границу для обучения и часто считает себя выше, лучше образованным и более профессиональным, чем политический класс. Замена неуклюжих любителей их самонадеянной дисциплиной и ноу-хау может соблазнить некоторых офицеров. Военный истеблишмент является сильной политической силой во многих африканских странах, и его

лидеры могут считать себя способными «очистить нацию» от коррумпированных политиков. В таких случаях имеет место форма «бонапартизма», при которой существует вера в необходимость сильного государства, основанного на сильном мужчине или женщине и вокруг них. Таких кандидатов обычно поставляют военные. Преторианство (т.е. контроль над обществом силой) тогда рассматривается как «решение» всех проблем страны.

Если офицерский класс действительно захватывает власть, он обычно может полагаться на уступчивость младших чинов, учитывая, что унтер-офицерские чины часто состоят из рекрутов-крестьян, плохо образованных и иногда проявляющих плохую дисциплину. «Типичной» африканской армии часто сильно недоплачивают, и она может быть незнакома с профессиональными кодексами, предписывающими невмешательство в гражданские дела. Членство в вооруженных силах дает солдатам статус и власть, что, конечно же, значительно возрастает, когда армия захватывает власть. Затем господство над гражданским населением предоставляет всевозможные возможности для рядовых членов, и это факт, что солдаты, как известно, были искателями богатства, грабителями собственности и взяточниками, открыто участвующими в деятельности по самообогащению. дулом пистолета и через запугивание.

Также может играть роль «этнический/религиозный фактор». По всей Африке социальная напряженность и беспорядки часто выражаются в политике идентичности. Одним из аспектов колониального наследия, подготовившим почву для некоторых переворотов, был тот факт, что империалисты часто набирали и продвигали военных в соответствии с их этническим происхождением, а не заслугами. В Нигерии предпочтение отдавалось хауса, а в Уганде северяне считались более «воинственными», чем остальное население. Это означало, что на момент обретения независимости в вооруженных силах доминировали одна или две группы с общим происхождением, которые часто придерживались менталитета бункера по сравнению с остальным населением. Результаты были предсказуемы.

Как уже упоминалось, личные амбиции и стремление к власти некоторых ключевых военных игроков также способствовали переворотам. Были примеры, когда офицеры руководили переворотами, чтобы восстановить утраченный престиж или предотвратить надвигающуюся чистку. Действительно, межличностные столкновения происходили между гражданской и военной элитами и провоцировали захваты власти, причем некоторые

примерами являются Уганда в 1971 году, Конго-Киншаса (тогда называвшаяся Республика Конго; теперь ДРК) в 1968 году и Дагомея (ныне Бенин) в 1967 году. Действия военных в Зимбабве в конце 2017 года, чтобы заменить Роберта Мугабе и предотвратить возможность прихода к власти его жены была явно мотивирована личными амбициями и желанием предотвратить неизбежную «уборку дома», если Грейс Мугабе станет главой государства.

Хотя различные общие факторы широко распространены на континенте, не во всех странах случаются регулярные перевороты, а в некоторых никогда их не было. Не существует жесткого и быстрого стечения обстоятельств, позволяющих серьезно прогнозировать, где может произойти следующий переворот. Действительно, вероятность переворота, по-видимому, не зависит от какой-либо топографии (например, численности населения, территории, обеспеченности природными ресурсами, социально-экономического развития, этнического разнообразия и т.п.). Точно так же различаются типы действующих правительств, типы бюрократии или продвижение конкретной политики экономического развития, а также статус и роль вооруженных сил в истории стран. В лучшем случае мы можем отметить несколько предварительных факторов, которые, кажется, указывают на уязвимость страны перед переворотом.

Первый и, пожалуй, самый важный — это характер политической культуры данной страны. Это часто связано с уровнем легитимности, который был установлен, а затем сохранен формирующимся политическим классом. В некоторых странах этого никогда не существовало в каком-либо значимом смысле. Однако в других странах национальный проект развития и строительства дееспособного государства с четко очерченными властными позициями означал, что военный переворот в большинстве случаев немыслим и вряд ли получит поддержку населения.

В других штатах политический класс удерживал власть слабо и часто откровенно коррумпировано, и население не получило никаких заметных преимуществ. В таких обстоятельствах, особенно когда демократическое пространство закрыто, военный вариант кажется привлекательным. Другими словами, там, где гражданское общество и институты слабы, а политика коррумпирована и вызывает разногласия, военные могут победить, если им представится возможность. Момент возможности часто зависит от поиска харизматичного военачальника и использования народной поддержки. Однако это не жесткое и быстрое правило. Например, до переворота 1994 года Гамбия считалась одной из самых стабильных стран Африки с непоколебимой демократической репутацией.

И наоборот, страны с крайне коррумпированными и авторитарными режимами, такие как

Камерун, Ангола и Эритрея избежали участи большинства континент (хотя попытки различной значимости предпринимались).

Снижение переворотов

Сразу после окончания холодной войны казалось, что частота количество переворотов в Африке пошло на убыль, а в период с 2000 по 2003 год не было вообще перевороты. Хотя с тех пор было несколько случаев, общая частота переворотов сейчас намного ниже, чем в предыдущие десятилетия, поскольку указаны в [таблице 5](#).

Таблица 5. Количество переворотов в Африке, 1959–2018 гг.

Период	Успешный государственный переворот Попытка / заговор	
	государственные перевороты	
1959–69	22	29
1970–9	20	35
1980–9	20	63
1990–99	16	60
2000–9	4	27
2010–18	6	21

Один из важных факторов снижения вероятности переворотов, связанный с политическая культура – это характер реформы управления, которая произошла в многие африканские страны. Перевороты продолжались , но по сравнению с предыдущие эпохи, они уменьшились с появлением многопартийной политики. Хотя это и не совсем надежный критерий, похоже, что демократии, которые обладают относительным уровнем легитимности, менее подвержены влиянию военных вмешательства. Хотя во многих странах демократический процесс хрупок и неполным, растет согласие в том, что институционализированные изменения правительства через избирательную урну должно быть единственным способом, которым режим может быть законно заменен. Таким образом, любые другие меры для получения власти становятся все более неприемлемыми для населения. Культура правления закон, конституционализм и демократия все больше подрывали перевороты

тенденции. Хотя перевороты, очевидно, не полностью исчезли с африканской сцены, на континенте в этом отношении наблюдается прогресс.

Кроме того, политическая культура на континентальном уровне изменилась с созданием Африканского союза (АС). Поспешность, с которой региональные и панконтинентальные организации теперь осуждают и отстраняют от членства государства, которые пережили перевороты, послала четкий и убедительный сигнал о том, что неконституционные смены правительства больше не принимаются без возражений (как в период ОАЕ) и что членство региональных и континентальных органов указывает на принятие некоторых основных норм. Раньше военачальники, возможно, захватили власть, а затем цеплялись за нее практически без критики со стороны своих коллег, поскольку соблюдение ОАЕ принципа невмешательства означало явное отсутствие энтузиазма в отношении принятия практических карательных мер в случае и в случае переворотов. выяснилось.

Это изменилось, и теперь такие группы, как Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Восточноафриканское сообщество (ВАС), Сообщество развития юга Африки (САДК) и Африканский союз (АС), активно выступают против таких мероприятий. Например, Учредительный акт АС включает четко сформулированные принципы продвижения демократии и надлежащего управления и запрещает перевороты. В результате последствия изоляции из-за запретов на поездки, санкций и приостановки членства в организациях теперь налагают на лидеров переворота издержки, которых до сих пор не было.

Заключительные замечания

Помимо непосредственных причин переворотов, которые, как уже отмечалось, могут быть многочисленными и непредсказуемыми, можно выделить два набора причин, которые приводят к перевороту в Африке. И то, и другое имеет глубокие корни и связано с природой политической экономики континента. Все африканские страны глубоко зависят от внешних сил, неподконтрольных им, особенно с точки зрения их экономики, которая почти полностью зависит от внешнего спроса. Таким образом, экономический контроль в распоряжении политических лидеров ограничен. Это означает, что разрешение затяжных экономических кризисов часто выходит за рамки полномочий тех, кто контролирует государство; цены на сырьевые товары растут и падают независимо от какой-либо политики, которая может быть принята или нет.

Независимо от того, является ли управление функциональным или нефункциональным, положение конкретного товара на мировом рынке может быть решающим фактором, который

лежит в основе бесконечного состояния отсталости и сопутствующей искаженной политической культуры. Второй структурный фактор может быть связан с давлением, с которым сталкивается постколониальное африканское государство, которое обычно выражается в высоком уровне персонализма, политике покровительства и коррупции.

В целом продолжительное военное правление на континенте еще больше ослабило африканское государство и послужило делегитимации существующих институтов, внося еще большую неопределенность в политический процесс. Там, где та или иная идентичная группа доминировала в вооруженных силах, перевороты также способствовали дальнейшему расколу общества по религиозному и культурному признаку. По самой своей природе военное управление обедняет и без того слабое гражданское общество и переносит авторитарные ценности военных в гражданскую жизнь. Это способствует разрушению того, что «нормальная» политика могла существовать до интервенции. Политическая культура, ориентированная на навязывание политического процесса командно-административной структуре, укоренилась, и ее может быть трудно разрушить. Наконец, и, возможно, столь же серьезным, как и все другие последствия, является то, что перевороты оставляют остатки неуверенности и страха в африканском государстве. Поскольку военные нарушили табу на вмешательство в политику, вопрос, который может оставаться в умах политического класса (да и населения в целом): когда военные нанесут следующий удар?

Глава 8

Демократия в Африке

При обсуждении вопроса о «демократии» в Африке необходимо отметить, что большинство анализов сосредоточено на формальных процедурах, связанных с западными либеральными системами правления. Безусловно, внимание международного сообщества приковано к выборам и к тому, можно ли их считать «свободными и справедливыми». Другие существенные вопросы, связанные с расширением прав и возможностей, развитием и справедливостью, неизменно упускаются из виду, а форма избирательного фетишизма доминирует над внешним участием и интересом к политике Африки.

Тем не менее, до конца 1980-х годов очень немногие африканские страны переживали длительные периоды электоральной демократии. Действительно, таким статусом пользовались только Ботсвана, Гамбия (до 1994 г.) и Маврикий. В других странах большинством стран правили автократы разных мастей, от пожизненных президентов (как в малавийской Гастингс-Банда) до более мягких глав государств, которые, хотя и не были тиранами, обычно управляли государствами, не считая необходимым проводить регулярные выборы и проверять их популярность (или иначе).

Первое столкновение современной Африки с формализованной либеральной демократией произошло в форме различных законодательных органов, оставленных уходящими колонизаторами.

В большинстве бельгийских, британских и французских колоний были дарованы несколько рудиментарных копий их собственных типов государственных систем (португальцы, фашистская диктатура в то время, когда их империя рухнула, оставили свои колонии в хаосе). Тем не менее в первые годы независимости большинство африканских лидеров быстро наложили свой отпечаток на государства, которые они взяли под свой контроль, реструктуризовав или даже упразднив различные институты, которые они контролировали, часто ссылаясь на их непригодность в качестве колониального бремени, неподходящего для африканских условий. .

Идеи о

в частности, африканские формы демократии часто использовались для оправдания по существу властных режимов. Такие лидеры, как Кеннет Каунда из Замбии, Кваме Нкрума из Ганы и Джулиус Ньерере из Танзании, утверждали, что требуется национальное единство, а многопартийная демократия подрывает его. Однопартийные системы правления стали нормой по всей Африке, и в условиях холодной войны, когда режимы поддерживались практически без вопросов, пока лидер заявлял о своей верности «правильной» стороне, диктатуры процветали.

«Волна демократизации»

Поскольку соперничество между сверхдержавами исчезло после распада Советского Союза в 1991 году, исчезла и безусловная поддержка, которая так долго поддерживала многих недемократических африканских правителей. Впоследствии в 1990-е годы большая часть Африки пережила упадок однопартийных или беспартийных режимов и введение многопартийных систем. Возможно, это было самое важное изменение в политике Африки со времен обретения независимости. Эта демократическая волна в Африке была вызвана различными причинами. Во-первых, народное недовольство годами плохого правления достигло критической точки. Это, в сочетании с угасанием способностей различных стареющих африканских лидеров, означало, что перемены витают в воздухе, чему неизмеримо способствовало окончание холодной войны и вытекающая из этого готовность доноров оказать давление на авторитарные режимы, чтобы они изменились. «Демонстрационный эффект» в Восточной Европе, где были свергнуты давние режимы, еще больше воодушевил активистов оппозиции. Они часто были связаны с широким кругом политических функционеров, которые были оставлены в запустении существующими режимами и которые охотно выдвигали себя как лица перемен. Усиление условий помощи со стороны доноров и стремление международного сообщества к «хорошему управлению» наконец помогли поддержать переходный период.

Впоследствии формальная избирательная демократия стала гораздо более распространенной: в период с 1989 по 2000 год в 35 странах было проведено более одного тура выборов, а в 39 из 48 африканских законодательных органов входили представители более чем двух отдельных политических партий. Постепенно вводились нормы ограничения президентских сроков и требования о проведении свободных и честных выборов, и с тех пор выборы стали обычным явлением. Однако качество африканского

Демократии неравномерны, и ожидания того, что политическая культура континента изменится в результате институционализации регулярных выборов, в ряде стран не оправдались. Проблематично то, что демократия, продвигаемая донорами в Африке, относится к системе, с помощью которой поддерживаются те элиты, которые обещают «реформы» и «либерализацию» и продвигают интересы Запада. Участие населения в принятии решений ограничивается периодическим выбором руководства посредством тщательно организованных выборов. Продвижение такой демократии сыграло важную роль во многих случаях в лишении прав большинства путем введения многопартийной интонации как панацеи от проблем Африки, в то же время укрепляя правящие элиты. Как выразился Джонатан Мойо:

Утверждение, что большинство африканских правительств в настоящее время являются демократическими, основано на спорных представлениях о демократии внешнего происхождения. Кроме того, это утверждение не имеет эмпирической основы. Это правда, что многопартийные выборы в настоящее время являются обычным явлением в Африке, но эта истина не описывает фундаментальное развитие. Изменение носит стратегический, а не существенный характер.

В таких формулировках призыв покончить с коррупцией и бесхозяйственностью (приветствуемый призыв по любым меркам) и стремление к демократической подотчетности (опять же, с чем можно полностью согласиться) стали связаны с довольно узким пониманием демократии. Таким образом, в то время как многие африканские государства претерпели «демократизацию», такие проекты в основном были недолговечными и/или содержали то, что можно рассматривать только как демократический фасад. Достаточно только подумать о типе переходов, которые произошли в таких государствах, как Малави, Мозамбик и Замбия, чтобы признать, что для среднего человека не было достигнуто конкретного прогресса.

Действительно, сама логика личного правления и неопатримониальной политики на континенте означала, что, несмотря на «демократические переходы», в большинстве стран Африки произошли лишь ограниченные изменения в политических структурах. Поскольку политическая власть дает человеку доступ к ресурсам (таможенным доходам, иностранной помощи, возможному налогообложению и, часто, полугосударственным), выборы на континенте представляют собой гораздо больше, чем просто возможность стать главой государства, и являются почти жизненно важными. смерть борется за способность оставаться «большим человеком» (см. главу 4). Политические лозунги о «демократии» и прекращении коррупции являются полезными мобилизационными средствами, и многие простые люди могут даже поверить им, но, захватив

клиенты нового действующего оператора неизменно будут ожидать и требовать материальной выгоды за свою поддержку. Томас Каллахи отмечает, что:

Из личных интересов многие акторы могут поддерживать требования демократии именно потому, что тогда станет легче доступ к государству и его ресурсам. Однако после того, как демократия достигнута, их поведение не способствует ее укреплению. Характеристики патримониальной системы вновь заявляют о себе.

Проблема заключается в том, что ни избиратели, ни политические конкуренты, по-видимому, не выступают против таких систем покровительства, если они понимают, что выгоды приходят в их сторону. Скорее, цель состоит в том, чтобы быть на стороне победителя, и даже если прибыль от такой системы распределяется неравномерно, те, кто находится внутри петли и получает выгоду от таких механизмов, не жалуются — это только тогда, когда они выскальзывают из заколдованного круга. Что жалобы и критика коррупции обычно возникают. «Демократические переходы» конца 1980-х годов вместо того, чтобы укрепить демократию на континенте, вместо этого усилили давление на политических акторов с целью рассеять покровительство.

Тем не менее, даже после политических изменений укоренение демократических ценностей остается относительно неглубоким и скомпрометированным, даже если такие переходы позволили в наши дни услышать больше различных голосов по сравнению с однопартийной эпохой 1960-х и 1970-х годов. В целом африканские страны варьируются от достаточно открытых либеральных демократий до едва замаскированных личных диктатур. Некоторые из них установили открытые и конкурентные демократии, такие как Бенин, Ботсвана, Гана, Маврикий, Сенегал, Южная Африка и т. д.

Другие — это страны, где режимы с различными диктаторскими наклонностями цепляются за власть, часто перед лицом все более осмелившейся оппозиции. К таким странам относятся Бурунди, Демократическая Республика Конго (ДРК), Эфиопия, Уганда, Зимбабве и т. д. В других странах репрессивным правительствам удалось установить достаточный контроль над политической системой, и им нечего опасаться проведения «выборов». Камерун, Чад и Руанда являются яркими примерами в этой категории. Наконец, есть страны, где практикуется прямое господство и где выборы либо вообще не проводятся, либо настолько фарсовые, что не представляют никакой ценности. К этой категории относятся Ангола, Эритрея и Экваториальная Гвинея. Рейтинги, составленные Freedom House, организацией, которая измеряет уровни отдельных

гражданских свобод, утверждает, что по состоянию на 2017 год десять стран были признаны «свободными», девятнадцать — «частично свободными» и двадцать — «несвободными». Для сравнения, в 2009 году учреждение отметило, что девять стран были оценены как «свободные», двадцать три — «частично свободные» и шестнадцать — «несвободные». Другими словами, похоже, что в консолидации либеральной демократии в Африке произошел некий спад. Но это несбалансировано и фактически обусловлено географическим положением: избирательная демократия заметно выросла в южной и западной Африке, в то время как в восточной и центральной Африке произошел спад.

Разные результаты, наблюдаемые в африканских странах, показывают, что сами по себе многопартийные выборы не являются явным признаком фундаментальных изменений в политической культуре, хотя есть признаки того, что со временем это может измениться. Несмотря на то, что электоральный цикл может быть организован со всем фасадом «свободного и справедливого» процесса, его внешняя демонстрация может маскировать различные злоупотребления, которые могут представлять собой уловки со стороны действующей элиты, чтобы появиться с обновленным впечатлением о легитимности. . В самом деле, выборы могут привести к большому разнообразию режимов, которые по своей сути антидемократичны, где переход может быть предотвращен насилием, где могут возникнуть военные олигархии и где могут развиваться новые формы автократии. Выборы в таких случаях могут быть просто методом координации смены режима между политическими и экономическими элитами.

Как было отмечено ранее, политическое правление в Африке в значительной степени иллюстрируется политикой покровительства, часто с укрывшимися большими людьми, поддерживаемыми сетями патрон-клиент, которые используют принуждение и манипулирование политическими процессами, чтобы остаться у власти. В таких обстоятельствах форма политики с нулевой суммой становится доминирующей, когда те, кто находится на вершине власти, крепко держат в своих руках материальные и принудительные средства, чтобы помешать соперникам. Политический успех достигается за счет исключения (или включения) тех, кого считают вероятными соперниками. В таких обстоятельствах верховенство сохраняется за счет по существу коррумпированных методов, а демократические ценности или соображения мало влияют на систему. Хотя форма подотчетности является частью структур патрон-клиент, она в основном функционирует как гарант личной благосклонности и выгоды для ограниченного числа лиц, а не как механизм реализации государственных программ, направленных на широкомасштабное развитие. Система создана для использования государственных ресурсов для создания политических союзов среди социальных элит и между ними. Такие лидеры видят доступ

государству как основному способу накопления богатства и престижа. Следовательно, они проявляют бдительность в стремлении установить контроль и ограничить политическое пространство, которое выходит из-под контроля и, таким образом, угрожает их статусу. Если выборы действительно необходимы, такие акторы проявляют большую осторожность: как однажды заявил бывший президент Республики Конго Паскаль Лиссуба, «выборы организуют не для того, чтобы в итоге оказаться на проигравшей стороне».

Многое из того, что произошло после волны демократизации начала 1990-х, поставило в тупик западных теоретиков демократии. Предполагалось, что выборы возвестят новый способ ведения дел, когда публичному процессу борьбы за власть будет способствовать свободная пресса, активное гражданское общество и другие стандартные показатели открытости. На самом деле эйфория в Африке по поводу выборов, как правило, скрывает ряд основных проблем, которые полностью не исчезли. Главным среди них является отсутствие политической культуры компромисса, но не менее важным является тот факт, что главной целью многих демократических движений было свержение существующего правительства, а не установление работоспособной, свободной и устойчивой системы участия в политике. Конечно, используется язык демократии и свободы, но как только новые кадры закрепляются у власти, бизнес продолжается. Тенденция заключалась в том, что каждый раз, когда организованным общественным движениям удается достичь своих целей, часто после борьбы с действующими у власти, вместо того, чтобы сохранить свою структуру, целостность и автономию, они либо присоединяются к новому режиму, либо присоединяются к различным интересам. группы (обычно основанные на политике идентичности) или распадаются. Затем этот цикл повторяется.

Несмотря на то, что многопартийные выборы могут отдалить Африку от авторитарных покровительско-клиентских структур, многие лидеры научились использовать систему выборов в качестве тактики для повышения легитимности своего контроля. Выборы в различных странах в таких случаях были скорее символическими, чем трансформационными, и заканчивались результатами, в результате которых лидеры и их клики сохраняли свою власть, не подвергаясь каким-либо глубоким изменениям в своем поведении. В их руках остались господство над законодательными и судебными органами, средствами массовой информации и эксплуатация государственных ресурсов. В таких случаях единственное существенное различие между их управлением в контексте электоральной политики и прежней откровенно авторитарной системой заключается в том, что многопартийная политика должна иметь место, по крайней мере, с видимостью

оппозиция. Но это часто слабо и окружено фракциями, и в любом случае его часто можно подкупить обещаниями богатства и привилегий. В этих обстоятельствах доминирующие политические акторы сохранили свою де-факто абсолютную власть, управляя де-юре демократическим государством; главное изменение заключалось в том, что их поведение теперь смягчается якобы более легитимной системой, предполагающей народную поддержку.

Такие явления часто происходят там, где смена руководства не происходила более десяти лет. Примеры здесь включают Камерун, Уганду и Того. Учитывая, что плохое руководство явно является важным фактором, способствующим возникновению многих проблем Африки, способность режимов цепляться за власть, в то же время имея возможность представить себя прошедшими избирательный процесс, является глубоко проблематичной. Это обычно усугубляется поведением международного сообщества, которое часто удовлетворяется видимостью выборов, особенно когда политические или экономические интересы перевешивают любую реальную приверженность демократии в Африке.

Фальсификация результатов голосования, манипулирование прессой, откровенное мошенничество и бойкот выборов оппозиционными партиями — все это помогло заинтересованным сторонам.

На самом деле существует четыре широких модели, согласно которым элиты, стремящиеся сохранить свои лидерские prerogatives, могут цепляться за власть, даже если и когда состоятся выборы. Во-первых, дискредитируя оппозицию как сторонников трайбализма или марионеток иностранных интересов (ярким примером является Зимбабве). Во-вторых, путем уступок, которые легитимируют процесс ровно настолько, чтобы обеспечить одобрение, но поддерживают старый порядок (Камерун и Того). В-третьих, разрешив выборы, но с намерением отвлечь силы оппозиции, пока власть имущие ищут поддержки у народа (Бенин, ДРК). Наконец, переходя в наступление в преддверии выборов, обвиняя представителей оппозиции в коррупции или государственной измене (Малави и Замбия). Все эти процессы препятствуют развитию жизнеспособной избирательной системы, разоружают оппозицию и демонстрируют, что те лидеры, которые отвергают идею конечности своей власти, найдут множество способов ограничить демократию в соответствии со своими потребностями.

Коррупция, конечно, привела к тому, что должностные лица использовали государственные средства для обеспечения своего переизбрания. Выборы обходятся дорого, а проведение кампании требует от кандидата доступа к средствам. Это не характерно для Африки, но контекст означает, что различные злоупотребления служебным положением кажутся обычным явлением на выборах по всему континенту. Использование государственных ресурсов для дальнейшей деятельности во время избирательной кампании, например, использование государственного транспорта для перевозки кандидатов и партийных активистов, незаконное присвоение принадлежащего государству офисного оборудования и эффективная монополизация государственных СМИ — все это хорошо знакомая практика. Другие способы, которыми деньги играют роль на выборах, - это прямой подкуп избирателей; в некоторых странах весьма характерно, что средства используются для покупки голосов. Это может происходить путем прямого распределения наличных денег или других видов компенсации. Распространение футболок, небольшого количества домашнего скота и других подарков помогает обеспечить голоса, особенно в сельской местности.

Альтернативные методы, которые действующая элита может использовать для сбора средств для поддержки своей избирательной кампании, заключаются в привлечении бизнесменов или других видных граждан для получения «ссуд» с расчетом на то, что в случае избрания им придется отплатить за услуги. Сообщалось, что на президентских выборах 1992 г. в Гане, 1997 г. в Камеруне и 2011 г. в Бенине кандидатов поддерживали группы бизнесменов, которые внесли существенный вклад в финансирование избирательных кампаний. После выборов эти же самые доноры случайно получили выгоду от государственной политики. В других местах доноры могут предлагать отдельных лиц для надзора за определенными государственными учреждениями, через которые, как ожидается, будут поступать выгоды. Министерства торговли, сельского хозяйства и здравоохранения, а также таможни и акцизов особенно уязвимы для такого рода динамики, но, учитывая, что все государственные министерства, как правило, занимаются крупными государственными закупками, может произойти увеличение количества «тендерных предпринимателей». Если оставить в стороне очевидную коррупцию, которая затем будет иметь место, весь процесс может быть очень проблематичным для управления, учитывая, что назначение людей на руководящие должности в государственном аппарате может тогда основываться на желании играть в игру, а не на компетентности.

Общий эффект вышеупомянутых практик приводит к несправедливой политической арене, когда дело доходит до выборов. В случае успеха участникам таких махинаций не нужно прибегать к насилию или открытым фальсификациям на выборах, чтобы остаться у власти. Вместо этого неравномерное игровое поле делает его очень проблематичным.

чтобы другие политические партии конкурировали на равных. Здесь злоупотребление властью со стороны действующего государства приводит к такому неравенству в отношении доступа к ресурсам, средствам массовой информации и государственным институтам, что возможности оппозиции по организации и борьбе за государственные должности серьезно скомпрометированы. Доступ к государственным институтам считается важным, поскольку создается асимметричное игровое поле, когда должностные лица контролируют судебную систему, избирательные органы, избирательные системы и других независимых арбитров посредством развешивания, подкупа и запугивания или отказа рассмотреть вопрос о необходимых реформах. Это институты, которые должны обеспечивать подотчетность и действовать как беспристрастные судьи в политической игре.

Поэтому неудивительно, что действующие доминирующие партии периодически побеждают, поскольку их преимущества явно искажают электоральное поле в их пользу. Эти неравенства активно провоцируются и поощряются правящей партией как средство обеспечения власти в рамках конституционного строя, который требует многопартийной политики в качестве организующего принципа. Воздействие этих практик на рост и укрепление демократии может быть глубоким.

Кандидаты могут быть избраны на должность не на основе их навыков или видения развития страны, а скорее на основе того, сколько денег потрачено, особенно если это затем связано с политикой идентичности. В таких случаях неспособность государственных органов и других учреждений обеспечить чистые выборы подрывает структуры управления в целом.

Это еще больше способствует недобросовестному управлению и неудовлетворительной работе государства.

Очевидно, что поведение политических акторов в некоторых частях Африки сводит на нет потенциал движения к преобразованному управлению, которое могло бы принести пользу массам. Сохраняя коррумпированные избирательные процессы, они ослабляют возможность перемен, обеспечивая сохранение своего индивидуального правления и сетей покровитель-клиент, которые поддерживают их позиции. Еще один способ, которым это может способствовать подрыву демократии, заключается в том, что политическая уловка элит может стимулировать социальную напряженность (часто выражающуюся через идентичность), которая затем отбрасывается в лицо оппозиции как «доказательство» того, что многопартийная политика не подходит для африканского общества. состояние и только порождает трайбализм, межрелигиозные конфликты и обостряет региональную напряженность. Все эти патологии в то или иное время использовались различными африканскими лидерами, чтобы доказать, что либеральная демократия не может работать в

Африка. Йовери Мусевени из Уганды, пожалуй, самый известный современный представитель этого тезиса, что, конечно же, удобно узаконивает тот факт, что он находится у власти с 1986 года. Nous, le deluge может (по понятным причинам) показаться убедительным.

Доказательства прогресса

Хотя в Африке существуют многочисленные вызовы многопартийной демократии, тем не менее ясно, что с течением времени стало возможным привлекать власть к ответственности и что, в целом, африканские политические системы претерпели относительное улучшение с начала демократизации. Не в последнюю очередь тот факт, что многопартийные выборы установили норму мирной смены политических лидеров. Это имело большое значение, поскольку, хотя и были исключения, количество долговременных режимов, которые бесконечно оставались у власти, сократилось. Раньше переворот был, пожалуй, единственным способом свергнуть действующего президента. Однако сейчас открылось политическое пространство, позволяющее без насилия осуществлять смену власти. Тот факт, что государственное лидерство может быть прекращено демократическими средствами и из-за использования голоса общественности, а не из-за действий военных, является существенным шагом вперед по сравнению с предыдущими моделями.

Конечно, несмотря на то, что результаты множества выборов неодинаковы на континенте, последствия многопартийных выборов, тем не менее, принесли свои плоды в противостоянии и, в ряде случаев, в ликвидации тех откровенно авторитарных режимов, которые существовали ранее. Помимо непосредственных результатов многопартийных выборов, пожалуй, самый важный результат можно найти в прогрессивных изменениях, которые произошли в политической культуре различных стран, переживших проведение выборов в течение определенного периода времени. Конечно, практика демократии в Африке не идеальна (а где она идеальна?), но большинство африканских государств сегодня действуют гораздо более открыто, чем до 1990-х годов.

Институционализация избирательных систем сопровождалась растущей либерализацией СМИ, ростом гражданских организаций и

развитие конкурентной политики. Граждане тех стран, которые испытали такие изменения, менее склонны терпеть автократию и более склонны привлекать чиновников к ответственности. В этом отношении важно отметить, что принятие этих этических норм не может быть легко отменено, и в долгосрочной перспективе необходимость реализации этих принципов может стать стимулом для более глубокой реформы. Другими словами, выборы не обязательно должны быть совершенно свободными и справедливыми, чтобы иметь демократизирующие свойства; простое проведение выборов может стимулировать демократическое сознание и постепенное оживление мышления и дискурса под контролем политических элит. Повторяющиеся демократические встречи через выборы усиливают демократический процесс обучения. Конечно, в некоторых странах это хрупко, и деструктивные патрон-клиентские практики не искоренены. Однако относительно открытая политическая арена, поощряющая выборы, оппозицию и публичные дебаты, также создает перспективы для развития демократических ценностей.

Заключительные комментарии

Там, где правительства были избраны, они сталкивались с теми же проблемами неравных условий торговли, внешних долгов, изношенных сельскохозяйственных систем, зависимости от ограниченного набора экспортных культур или полезных ископаемых, бедности большинства, неэффективных бюрократических систем, коррупции и политические системы, основанные на политике патронажа. Таким образом, африканские демократии отличаются друг от друга в том смысле, что, несмотря на все многочисленные препятствия, многим из них удалось добиться значительного прогресса в создании относительно стабильных и подотчетных многопартийных структур. Хотя цифры Freedom House могут показаться обескураживающими, следует помнить, что около четверти африканских государств сейчас «свободны». То есть значительная часть континента демократизируется, хотя и неравномерно. Несмотря на все бесчисленное множество проблем, части континента демонстрируют, что даже самые слаборазвитые и хрупкие страны не обязательно должны бесконечно терпеть автократическое правление.

Двигаясь вперед, наиболее вероятно, что африканская политика будет оставаться смешанной с точки зрения качества управления и уровня демократии. Учитывая размер континента, этого следовало ожидать, и Африка не одна. Тем не менее, даже здесь могут случиться огорчения.

Хотя «арабская весна» в Африке так и не состоялась, самодовольные деспоты, такие как Блез Компаоре в Буркина-Фасо и Яхья Джамме в

Обе Гамбии в последнее время были заменены (после двадцати семи и двадцати трех лет личной диктатуры соответственно). В других местах имели место случаи широкой общественной реакции против лидеров, стремившихся остаться у власти, таких как Фредерик Чилуба в Замбии и Бакили Мулузи в Малави. Оба пытались изменить конституцию, чтобы позволить себе остаться на своем посту; оба потерпели неудачу в своих усилиях, когда граждане поднялись и возразили. Продолжающиеся беспорядки в Бурунди были вызваны успешной попыткой Пьера Нкурунзизы продлить свой срок. Наконец, когда писалась эта книга, впервые в истории Африки обжалование оппозиционным судом президентских выборов увенчалось успехом, когда Верховный суд объявил недействительными президентские выборы. Во всех случаях реакция общественности не была запугана властями, что в основном имело место до 1990-х годов. Явно что-то изменилось. В эпоху улучшенных коммуникаций и более широкого доступа к информации демократические импульсы и требование подотчетности, вероятно, получат дальнейшее развитие. Молодежь (в Африке самое молодое население в мире, 200 миллионов человек в возрасте от 15 до 24 лет) становится все более связанной. Дни Иди Аминов, Мобуту Сесе Секоса и Чарльза Тейлора в значительной степени прошли.

Глава 9

международные отношения Африки

Несмотря на миф о маргинальности и неактуальности, Африка всегда играла важную — часто жизненно важную — роль в международной политике. Работоторговля, «Борьба за Африку» и последующий колониальный период, опосредованные войны холодной войны и растущее значение природных ресурсов континента — все это демонстрирует, насколько значимой была Африка для более широкой глобальной политической экономики. Между Африкой, Европой и Азией с древних времен существовал постоянный поток идей, материальных благ и политических контактов. Действительно, внеафриканские политические и экономические связи континента были развиты задолго до того, как европейцы начали «открывать» Континент никогда не был пассивным наблюдателем, лишенным свободы действий и действий. Скорее, интригующим аспектом вовлечения континента в глобальные процессы является то, как отдельные лица или группы извлекают выгоду из ситуации зависимости от внешних ресурсов, тактически используя эти отношения в своих интересах, прежде всего путем присвоения ресурсов и власти.

До колониализма эту роль экстраверсии выполняли те африканцы, которые наживались на работоторговле и занимались другими формами торговли с европейцами и арабами. Во времена колониализма в африканских обществах действовали посредники, чтобы облегчить эксплуатацию континента в интересах колониальных держав. Были ли это местные вожди, компрадоры, выступавшие связующим звеном между африканской торговлей и иностранными фирмами, или колониальные государственные служащие, все они действовали, чтобы способствовать подчинению своей страны. После обретения независимости были разработаны новые роли, которые фактически стали продолжением этих тенденций. Амилькар Кабрал, великий гвинейский интеллектual и борец за свободу, отмечал эту тенденцию:

Чтобы сохранить ту власть, которую дает в ее руки национальное освобождение, у мелкой буржуазии есть только один путь: дать волю своей естественной тенденции обуржуазиться, допустить развитие бюрократической и посреднической буржуазии в торговом цикле, чтобы превратиться в национальную псевдобуржуазию.

Кабрал утверждал, что неоколониализма можно будет избежать только в том случае, если эта новая элита будет обладать достаточным идеологическим сознанием, чтобы совершить самоубийство как класс и идентифицировать себя с широкими слоями населения. Однако, как видно, правящие элиты по всему континенту воспользовались своей зависимостью, превратив ее в ресурс для себя и своих кланов. Классическими примерами могут быть погоня за рентой, присвоение помощи в целях развития, использование поддержки демократизации Западом в своих собственных интересах и, совсем недавно, позиционирование себя в качестве союзников в глобальных усилиях по борьбе с терроризмом. Во всех подобных примерах африканские лидеры продемонстрировали удивительное умение использовать внешние факторы и отношения континента к мировой системе.

Конечно, политические и экономические структуры, введенные европейским колониализмом, определенным образом позиционировали Африку, реструктурируя внутренние системы и ставя континент в глобально структурно зависимое положение. После обретения независимости это было унаследовано новыми независимыми государствами и продолжено политическими элитами, управлявшими новыми странами. Очень немногие предприняли серьезные усилия по устранению структур зависимости. Зависимое положение африканских государств в глобальной системе является как объективным, так и субъективным. Он объективен в том смысле, что исторические процессы установили континент в глобальном разделении труда в качестве экспортера сырья и импортера готовой продукции, и это имело катастрофические последствия для прогресса континента. Это субъективно в том смысле, что в целом африканские лидеры не стремились к настоящей независимости. То, как зависят их страны, даже несмотря на то, что это наносит ущерб их гражданам и воспроизводит зависимость, приносит пользу политическим и экономическим элитам. Таким образом, встроенный стимул состоит в том, чтобы поддерживать положение зависимости, которое поддерживает приток ресурсов и власти, предоставляемых действующим лицам, но с очень небольшим прогрессом с точки зрения развития или

Многие из этих тенденций проистекают из природы системы патрон-клиент, которая во многом типична для политической практики в Африке. Тип правления в

обширные части континента и то, как это сочетается с внешними процессами, важно понять, если мы хотим понять дипломатическую практику, глобальные взаимодействия и широкие международные отношения Африки. Многие африканские государства обладают только квазигосударственностью — хотя они пользуются признанием и поддержкой со стороны международной системы государств, многие из них не могут поддерживать себя внутри и практикуют неопатримониальные формы управления, противоречащие широкомасштабному развитию. Короче говоря, независимость Африки стала свидетелем международного режима юридического суверенитета, включающего (а затем поддерживающего) слабые государства, которым не хватало эмпирического суверенитета и которые почти наверняка не выжили бы в предыдущие исторические периоды. Влияние холодной войны на стимулирование этой среды нельзя недооценивать. Реакцией африканских элит, руководивших такими образованиями, было проведение политики экстраверсии - использование внешних ресурсов и политической поддержки для сохранения власти и поддержания своих сетей покровительства.

Признание суверенного статуса многих африканских государственных образований, какими бы нефункциональными и фиктивными они ни были, позволило и даже способствовало нынешней ситуации, когда многие африканские граждане находятся в материальном худшем положении, чем они были при колониализме. Получение контроля над африканским государством немедленно обеспечивает признание и престиж со стороны внешнего мира и обеспечивает внешнюю дипломатическую поддержку и доступ к помощи. Это затем дополнительно смазывает сети покровительства, на которых основано государство. Кроме того, вступление в должность автоматически ведет к членству в элитном клубе африканских правителей, которые, как неоднократно демонстрировалось, объединяются для взаимной поддержки и защиты как от внешних угроз, так и, к сожалению, от внутренней оппозиции их правлению. Такое признание, будь то внешнее или внутриафриканское, основано на концепции суверенитета, предоставляющей возможности правителям даже самых неблагополучных и слабых государств. Использование и злоупотребление понятием суверенитета также позволяет целому ряду неафриканских акторов успешно создавать коммерческие и военные союзы с государственными лидерами и их придворными, а также с частными корпорациями.

Многие государственные элиты в Африке использовали мантию суверенитета не для продвижения коллективного блага, а для укрепления своих сетей покровительства и ослабления сетей потенциальных соперников. Международная система – это

замешаны в этом фарсе. Доктрины суверенитета и невмешательства на континенте поддерживают — и даже увековечивают — недобросовестное управление, и не случайно африканские элиты являются одними из самых восторженных защитников этих принципов. Это остается в силе, несмотря на мнимое заявление АС о расширении возможностей для вмешательства.

Даже якобы всемогущие международные агентства, такие как МВФ и Всемирный банк, не смогли добиться значимых результатов в большинстве африканских стран в отношении своих проектов реформ, поскольку африканские правительства изо всех сил боролись, чтобы защитить свои позиции. Подрывная деятельность привела к частичной реформе, в которой существуют значительные разрывы между заявленными и фактическими обязательствами по реформе. Это связано с тем, что реформы, поддерживаемые донорами, включают в себя меры, которые значительно сократят возможности неформального манипулирования экономическими ресурсами, погони за рентой и возможности оказывать благосклонность клиентам со стороны государственных субъектов. Таким образом, возникает синдром частичной реформы, когда администрации, получающие помощь, манипулируют процессом реформ, чтобы защитить свою клиентско-покровительскую базу. Частичная реформа позволяет африканским элитам выступать в роли «ответственных партнеров» и тем самым стимулировать увеличение потоков помощи. Однако донорское финансирование может улучшить доступ к образованию и здравоохранению. Возникает моральный риск, когда нежелательное поведение государственных элит подвергается опасности стимулирования — пусть и непреднамеренного — потому что элиты знают, что их ошибки или ненадлежащее поведение, такое как коррупция, чрезмерные военные расходы и т. д., будут покрываться двусмысленными усилиями международных организаций и не государственная организация. Точно так же проект по преобразованию авторитарной политики Африки в действенную демократию в значительной степени застопорился, и во многих случаях доноры, кажется, не слишком возра

Последствия для международных отношений Африки

По мере того, как описанные выше процессы разворачивались с момента обретения независимости, многие африканские государства все больше уступали моделям управления, при которых элиты (неизменно в союзе с неафриканскими партнерами) эффективно подрывали формальные и институционализированные структуры своих собственных государств. Этот процесс включал как внутренние, так и международные элементы. Неформализация политики и институциональных процессов привела к

умножение неформальных рынков, популярные стратегии выживания (все чаще реализуемые за счет эмиграции), формы приватизации, зависящие от покровительства и щедрости различных глобальных акторов, и, в некоторых крайних случаях, криминализация самого государства. Часто такой «откат государства» шел рука об руку с приватизационными ограничениями со стороны международных финансовых институтов, хотя такие результаты, несомненно, сильно отличаются от того, что представляло себе сообщество доноров, когда оно продвигало либерализацию как способ освободить рынок».

Международные отношения сомнительных государств Африки имеют огромное значение для любого обсуждения взаимодействия континента с миром. На самом деле, в то время как западная (и одобренная) государственная модель все больше терпит крах, африканцы, благодаря диалектике структурного давления и своей собственной политической деятельности, постоянно взаимодействуют с миром способами, которые соответствуют идеям личного и общественного прогресса и порядка. . Хотя эти понятия определены способами, которые не обязательно резонируют с доминирующими либеральными подходами, они, тем не менее, представляют собой африканскую свободу действий: они являются рациональным и осторожным ответом на безответственность элит континента и стресс, который оказывает на Африку глобальное давление. Частные (а иногда и государственные) корпорации, диаспоры, спортсмены и спортсмены, музыкальное сотрудничество и криминальные сети — все это процветает рядом, вместе с и «под» более заметными взаимодействиями между государствами, которые составляют международные отношения Африки. .

Интересы, старые и новые

В настоящее время Африка играет все более важную роль в международных отношениях и вызывает все больший интерес со стороны огромного количества участников в масштабах, возможно, невиданных со времен оригинальной «Борьбы за Африку». Подъем Китая в Африке особенно привлек внимание многих, но и другие развивающиеся державы, такие как Индия, Бразилия, Россия, Турция и т. д., за последние два десятилетия в значительной степени ушли в Африку; Китай в настоящее время является крупнейшим торговым партнером Африки. Обобщенная критика этого развития заключается в том, что эти страны не особо прилагают усилия для продвижения демократии и прав человека. Хотя это может быть и так, было бы ошибочно считать Запад добродетельным в этом отношении. Западная политика в отношении

Континент был и остается невероятно циничным, и призывы к демократии обычно направлены на тех лидеров, которые не следуют линии или начинают становиться обузой для западных интересов.

Удивительно, но США не имеют особенно сильного присутствия в Африке. В течение многих лет Соединенные Штаты практически не видели прямых стратегических или экономических интересов в Африке, и взаимодействие с регионом во многом определялось логикой холодной войны.

После 11 сентября американская политика стала все более секьюритизированной, и большая часть участия Вашингтона в Африке связана с борьбой с терроризмом. Формирование в 2007 году при администрации Джорджа Буша Африканского командования Соединенных Штатов (АФРИКОМ) служит примером такого подхода. Хотя в основном это бюрократический шаг, направленный на лучшую координацию американских военных действий в Африке, он вызвал огромные подозрения. Избрание Барака Обамы существенно не изменило дела. В отношениях Обамы с Африкой преобладало предполагаемое усиление террористической деятельности в Африке, связанное с драматическим взаимодействием Китая (и других) с континентом и африканской нефтью. Последнее, однако, быстро стало менее важным, поскольку развитие производства сланцевого газа и других источников энергии вызвало шок предложения, который преобразовал энергетический рынок и привел к краху американского импорта африканской нефти. Это замечательный поворот, и он обязательно будет иметь глубокие последствия для американских интересов в Африке. Континент Потребовалось девять месяцев, чтобы американский посол в АС занял свой пост, а стратегия в отношении Африки не была опубликована до июня 2012 года (Обама пришел к власти в январе 2009 года). Обама редко посещал Африку, с краткими визитами в Египет и Гану в течение первого года своего пребывания в должности (последний визит длился менее суток). На самом деле Обама посетил родину своего отца, Кению, только в середине 2015 года, через шесть лет после того, как стал президентом (рис. 8). Напротив, в мае 2011 года он посетил Манигалл в Ирландии, где родился его прапрапрадед по материнской линии. Что касается Дональда Трампа, то интерес к Африке минимален, а его твиты об этом континенте, как правило, игнорировали его как пропитанную коррупцией и преступностью коррупцию — или того хуже.

8. Визит Обамы в Африку.

Что касается более активного набора отношений, то из всех бывших колониальных держав только Франция активно сохраняла сильные прямые интересы в Африке.

Однако в то же время Париж терпел очень высокий уровень коррупции и бесхозяйственности среди своих союзников в Африке. Уникально то, что существует настоящий неологизм роли Франции в Африке: *Françafrique*. Первоначально этот термин был положительным выражением, созданным президентом Кот-д'Ивуара Уфуэ Буаньи, обозначающим исторически тесные связи Франции с Африкой. Тем не менее, этот термин в современном использовании имеет очень негативный и неоколониальный оттенок и охватывает очень темный мир, который связывает африканских «больших людей» с французской политической и деловой элитой, с прямыми личными связями, смазывающими различные сделки. Франция имеет военные базы в Африке и неоднократно вмешивалась в африканскую политику с военной точки зрения, обычно для того, чтобы поддержать профранцузского действующего президента или облегчить отставку президента, который не уделял достаточного внимания требованиям Франции. В свою очередь, французские политические партии получали пожертвования от кор

лидеры, а французские компании (особенно в нефтяной промышленности) получают исключительные привилегии. Для Франции Африка — это билет к статусу мировой державы и союзник в борьбе с глобальным экспансионизмом англичан и англосаксов. Это привело к разгрому в Руанде, где Франция в конечном итоге поддержала тех, кто совершил геноцид. Африка - союзник, чтобы обеспечить голоса в ООН для французских позиций; Участие Франции в делах Африки и ее роль там подтверждают ее заявления о том, что она не уступает другим крупным европейским и мировым державам. Короче говоря, Франция смогла удержать некоторые клочки своей бывшей империи, особенно в Африке, в основном за счет обновленной формы непрямого правления, лишь помня о некоторых тонкостях африканской независимости.

Со стороны Соединенного Королевства, хотя оно имеет значительную колониальную историю, британская политика в отношении Африки не была приоритетной. В центре внимания британской внешней политики всегда были отношения Великобритании и США (и, возможно, ЕС). С тех пор как африканским колониям была предоставлена независимость, каждое британское правительство обычно рассматривало Африку как источник проблем или проблему, которую необходимо решить, а Африка лишь временно фигурировала в дипломатических приоритетах. К ним относятся, в частности, Родезия (1965–80) и проблема «родственников»; Биафра (1967–70) и сохранение целостности Нигерии; Южная Африка в 1980-е годы и защита государства апартеида; Зимбабве в 2000-е годы и реакция на «земельные реформы» Роберта Мугабе; а в 2005 году председательство Великобритании в Большой восьмерке и Европейском союзе и весь момент «Сделать бедность историей». Все они в конечном итоге оказались довольно преходящими. Кроме того, при лейбористской партии было создано Министерство международного развития (DfID), которое быстро стало центральным в британских отношениях с Африкой. Целевой показатель расходов в размере 0,7% от ВВП был принят, и теперь он занимает центральное место в англо-африканских отношениях. Следовательно, Африка была фактически передана DfID с точки зрения политики. DfID обладает огромными ресурсами и гарантированным ежегодным увеличением бюджета, в то время как Министерство иностранных дел сталкивается с постоянными сокращениями. Как правило, люди, основная работа которых состоит в том, чтобы следить за британскими национальными интересами и анализировать их, не возглавляют британские дипломатические миссии в Африке. Скорее, Соединенное Королевство в основном представлено официальными лицами, в первую очередь заинтересованными в доставке помощи Африке. Хотя, очевидно, различные африканские элиты ценят такую

Африка рассматривается в Лондоне как место, зависящее от помощи, а не как нечто близкое к равенству.

Эта последняя тенденция подводит нас к вопросу о помощи в международных отношениях континента. К концу 1970-х экономика многих африканских стран находилась в кризисе. Мир стал свидетелем значительного роста цен на нефть, повышения мировых процентных ставок, мировой рецессии и снижения цен на другие товары.

Эти факторы в сочетании с расточительством, коррупцией, бесхозяйственностью и огромными кредитами, накопленными при высоких ценах на сырьевые товары, означали, что если в 1970 году долг стран Африки к югу от Сахары составлял 9 миллиардов долларов, то к 1978 году он достиг 60 миллиардов долларов. В ответ Всемирный банк определил ключевую проблему как постколониальное государство, и решение заключалось в меньшем количестве государства и большем рынке. Глобальный контекст тэтчеризма и рейганомики имел решающее значение для влияния на международные финансовые институты, внедряющие «программы структурной перестройки» (SAP) — общий термин, используемый для описания пакета мер, которые МВФ, Всемирный банк и отдельные западные доноры помощи навязали развивающимся странам. Проще говоря, страны-получатели должны были согласиться с различными политиками, прежде чем им были предоставлены кредиты для финансирования дефицита их платежного баланса и/или финансирования новых проектов для дальнейшего экономического или социального развития. Они были известны как «условия» и в основном состояли из пяти компонентов: поощрение ориентированного на внешний мир роста; расширение частного сектора как движущей силы процесса роста; устранение барьеров для международных потоков капитала; уменьшение роли государства; дерегулирование и реструктуризация внутреннего рынка труда.

Это навязывание ориентированных на экспорт стратегий роста для разрешения долгового кризиса оказалось проблематичным из-за проблем с ценами на сырьевые товары, в частности из-за того, что многие африканские производители значительно увеличили свое производство только для того, чтобы увидеть падение валютных поступлений по мере ухудшения условий торговли и перепроизводство товаров наводнило рынок.

Социальные последствия SAP были катастрофическими: средние доходы упали на 20 процентов в течение 1980-х годов, открытая безработица увеличилась в четыре раза и достигла ста миллионов, инвестиции в Африку упали до уровня, который был ниже, чем в 1970

году, а доля Африки на мировых рынках упала вдвое. Исследование, проведенное самим

Всемирным банком в 2000 году, привело к выводу, что «рост дохода на душу населения в

типичной развивающейся стране в 1980-х и 1990-х годах был нулевым»; а в 2000 г. Объединенный экономический

Комитет Конгресса США обнаружил, что уровень неудач составляет 73 процента для всех проектов, спонсируемых Всемирным банком в Африке.

СПД подверглись резкой критике, и впоследствии, начиная с 1999 года, Всемирный банк поощрял развивающиеся страны к составлению документов о стратегии сокращения бедности (PRSP). МВФ, в свою очередь, заменил свой Расширенный фонд структурной перестройки (ESAF) Фондом сокращения бедности и роста (PRGF), который по существу соответствует требованиям PRSP.

ПРСП предназначены для использования в качестве основы для всей иностранной помощи бедным странам, и все страны должны разработать ПРСП в качестве основы для льготного кредитования со стороны МВФ или Банка. Несмотря на то, что они рекламировались как качественно отличающиеся от СПД, мало что изменилось с точки зрения стиля переговоров Фонда и Банка: переговоры по кредитам ведутся за закрытыми дверями, без раскрытия информации, участия общественности и надзора. Хотя МВФ занимается упрощением условий (и Всемирный банк утверждает, что делает это неофициально), на сегодняшний день мало свидетельств того, что свобода выбора для стран-заемщиков увеличилась. Кроме того, макроэкономическая структура по-прежнему по существу неолиберальна, и в ней доминируют одни и те же экономисты (из той же экономической школы). Конечно, следует ли требовать от африканских стран выплаты долга, заключенного недемократическими режимами, и когда кредиторы знали природу правительств, которым они кредитовали, — спорный вопрос.

Этот последний вопрос подводит нас к довольно примечательному положению дел. Далекая от популярного образа континента как умоляющего перед доброжелательным Западом, Африка на самом деле является чистым глобальным кредитором примерно на 41 миллиард долларов в год. В отчете Global Justice Now за 2017 год подсчитано, что общая сумма, поступающая в страны Африки к югу от Сахары, составляет 161,6 миллиарда долларов, а общая сумма исходящих средств составляет 202,9 миллиарда долларов. Эти оттоки включали погашение долгов правительствами и частным сектором (18 миллиардов долларов в год, в то время как поступающая помощь составляла 19,7 миллиардов долларов), прибыль многонациональных корпораций (32,4 миллиарда долларов), эффект «утечки мозгов», незаконные лесозаготовки, рыболовство и браконьерство. расходы, связанные с изменением климата. Незаконные финансовые оттоки, такие как компании, предоставляющие неверные данные о стоимости импорта и экспорта, составили около 67,6 миллиардов. Хотя методология колониального грабежа могла измениться, ее сущность осталась прежней.

Африканское единство

Стремление к африканскому единству существует уже давно и отражено в концепции panaфриканизма. Это политическая, культурная и интеллектуальная традиция, рассматривающая Африку, африканцев и африканских потомков как единое целое. Цель всегда заключалась в возрождении и объединении Африки и основывалась на идее, что Африка может быть свободной и политической силой в мире только в том случае, если она объединена. Panaфриканизм был задуман людьми африканского происхождения в Карибском бассейне и в Соединенных Штатах, и его можно проследить до 18-го века, развившегося в ответ на их отчуждение и утрату идентичности из-за рабства и их повседневного опыта расизма в Нью-Йорке. Мир.

Когда Африка собиралась встать на путь независимости, появилась фигура Кваме Нкрумы, которая стала голосом и организующей силой panaфриканизма. В конце 1940-х и 1950-х годов Нкрума продвигал идею независимой западноафриканской федерации как первого шага к Соединенным Штатам Африки. Важно отметить, что в марте 1957 года он стал лидером нового независимого государства Гана (рис. 9), и одной из его первых мыслей было использовать свое новое положение для объединения континента. Ключевым вопросом в то время заключался в том, должны ли африканские колониальные территории стремиться к континентальному единству или, скорее, к дискретной национальной независимости. В целом бывшие французские колонии и консервативные лидеры в других местах гораздо меньше интересовались идеей единства, предпочитая сохранять связи с колониальными державами. После долгих дебатов и интриг вместо Соединенных Штатов Африки, о которых мечтал Нкрума, 25 мая 1963 года возникла Организация африканского единства (ОАЕ) со штаб-квартирой в Аддис-Абебе. Устав ОАЕ был по существу функциональным и отражал компромисс между концепцией свободной ассоциации штатов и федеральной идеей объединенной Африки. Впоследствии ОАЕ представляла собой неэффективное собрание национальных государств, в первую очередь сосредоточенных на защите недавно обретенного суверенитета Африки. Он быстро превратился в клуб африканских президентов, чтобы объединиться, потеряв большую часть своего авторитета. Хотя ОАЕ сохранила в своей конституции идеал panaфриканизма, на практике это осталось умирающим, забытым проектом.

9. Кваме Нкрума на праздновании независимости Ганы.

Африканский союз (АС) был создан в 2002 году как правопреемник ОАЕ (рис. 10). Целью АС является содействие континентальной интеграции и развитию, а также миру, безопасности и стабильности. В отличие от ОАЕ, АС довольно активно стремился урегулировать конфликты и перешел от позиции невмешательства к позиции неравнодушного отношения к нарушениям прав человека. Хотя суверенитет по-прежнему пользуется большим уважением, АС, возможно, меньше похож на клуб старых мальчиков и временами занимал твердую позицию против военных переворотов (теперь запрещенных уставом АС) и некоторых нарушений прав. Однако аксиоматично, что организации сильны ровно настолько, насколько сильны их члены, и, несмотря на благие намерения АС, он остается ограниченным поведением и отношением входящих в его состав членов. Возможно, самым циничным является то, что члены АС не верят в свою собственную организацию, отказываясь платить членские взносы и, таким образом, подрывая эффективность АС, оставляя

доноры. Символично, что когда китайцы построили в Аддис-Абебе штаб-квартиру АС стоимостью 200 миллионов долларов в 2012 году, это было воспринято как новая эра для Африки, а не как источник позора, который не могли (или не хотели) пятьдесят с лишним членов организации) платить за собственный штаб. Последующие разоблачения в 2018 году о шпионской деятельности Китая в новом здании лишь усугубили смущение.

10. Штаб-квартира Африканского союза, Аддис-Абеба.

Делая шаг вниз от континентального уровня, как известно, карта Африки изобилует прямолинейными границами и довольно бессмысленными границами, в основном результатом Берлинской конференции 1885 года. Следовательно, с 1960-х годов регионализация задуман как способ создания более рациональных экономических единиц с более крупными рынками и эффектом масштаба для инвестиций и производства. Затем было замечено, что региональная интеграция продвигается к более эффективным экономическим рамкам, в рамках которых можно исправить некоторые негативные моменты, связанные с колониальным разделением территории.

континент. Затем регионализм в Африке преследовался по двум ключевым причинам: для укрепления политического единства (т.е. panaфриканской повестки дня) и экономической рациональности для стимулирования роста и развития. Цель состояла в том, чтобы максимизировать внутренние и внешние экономические, политические, социальные и культурные преимущества взаимодействия.

Примечательной особенностью континента является то, что африканские страны мало торгуют между собой. Пересечение границ в Африке является самым дорогим в мире, а стоимость перевозки товаров в Африке самая высокая.

Многие африканские транспортные сети печально известны тем, что их плохо обслуживают, что значительно замедляет транспортировку продукции.

Обратите внимание, что в течение 1970-х и 1980-х годов стоимость дорожного фонда в Африке ухудшилась примерно на 45 миллиардов долларов, в то время как инвестиции в размере 12 миллиардов долларов на техническое обслуживание позволили бы избежать этого.

Точно так же транспортные сети Африки демонстрируют классическую колониальную географию; подавляющее большинство железных дорог континента, например, даже по сей день идут от внутренних районов к побережью. Добыча остается главной целью таких маршрутов, а внутренняя торговля является второстепенным соображением.

Предыдущие попытки осуществить региональную рыночную интеграцию были обращены внутрь себя и, как правило, основывались на политике индустриализации замещения импорта, в соответствии с которой отечественное производство было в значительной степени защищено от конкуренции со стороны импорта. Хотя в производственном секторе были достигнуты определенные успехи, конечным результатом стало то, что к 1980-м годам многие африканские страны производили дорогостоящую, но неэффективную продукцию, которая оказалась не заменой более дешевому и более эффективному импорту. 1980-е годы стали свидетелями изменения стратегии с введением SAP и принудительной либерализацией. Однако SAP препятствовали региональной интеграции рынка и вместо этого поощряли африканские страны в одностороннем порядке открывать свои рынки во имя эффективности и конкуренции. Помимо сомнительной мудрости воспроизведения внешней зависимости Африки, вмешалась внутренняя логика, поскольку режимы, которые уже теряли доходы от политики либерализации, были не в настроении осуществлять свободную торговлю даже на региональном уровне.

Это сопротивление продолжается и сегодня и служит подрыву более глубокой интеграции. Проще говоря, регионализация не имеет смысла в нео-

родовой контекст. Границы представляют собой возможности, а таможенные правила, лицензии на импорт/экспорт, визы и т. д. являются средствами государственного контроля и источниками добычи ресурсов. Набор неформальных правил относительно того, как пересекать границу, существует в большинстве африканских стран, и часть игры заключается в том, что чиновники могут манипулировать этими правилами, чтобы сохранить свой контроль и сохранить возможности извлечения ренты для личной выгоды и выживания режима за счет выдача импортных лицензий, разрешений и так далее. Получение рабочих мест на границе на государственной службе является ресурсом и частью системы патронажа. Точно так же расхождения в рыночной стоимости делают трансграничную контрабанду чрезвычайно прибыльной. Например, в Того нефть, ввозимая контрабандой из Нигерии, стоит гораздо меньше, чем легальная нефть, покупаемая на лицензированных заправочных станциях Того. Свободная торговля, предложенная доминирующей моделью регионализации, будет означать, что контрабандисты и чиновники, готовые пойти на риск, больше не будут получать вознаграждение, в то время как цены на улице могут вырасти, что отразится на населении. Таким образом, существующие сети сильно заинтересованы в сохранении хороших отношений между соседними государствами, а также в поддержании таможенных и тарифных барьеров. То, как политика характеризуется покровительственной политикой и неформализацией, таким образом, снова проявляется и определяет, как затрагивается континентальная интеграция. Преодоление этой головоломки чрезвычайно сложно и, безусловно, станет серьезной проблемой для амбициозного Африканского континентального соглашения о свободной торговле (AfCFTA), о котором было объявлено с большой помпой в 2018 году.

Рекомендации

Глава 1: Введение в Африку и ее политику

Тим Келсолл, «Витрины и прокуренные комнаты: управление и реполитизация Танзании», Журнал современных африканских исследований, том. 40, нет. 4, 2002 г., стр. 597–619.

Ангус Мэддисон, Мировая экономика: тысячелетняя перспектива. Париж: Издательство ОЭСР, 2006 г., с. 126.

Уилл Рино, Коррупция и государственная политика в Сьерра-Леоне. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1995.

Уолтер Родни, Как Европа недоразвита Африку. Лондон: публикации Bogle L'Ouverture, 1972.

Рикардо Соарес де Оливейра, Нефть и политика в Гвинейском заливе. Лондон: Херст, 2008 г.

Эммануэль Террей, «Le climatiseur et la veranda», Afrique plurielle, Afrique Actuelle. Посвящение Жоржу Баландье. Париж: Картала, 1986.

Глава 2: Доколониальные политические системы и колониализм

Кеннет Гуд, «Колониализм поселенцев: экономическое развитие и класс».

Формирование», Журнал современных африканских исследований, том. 14, нет. 4, 1976, стр. 597–620.

Адам Хохшильд, Призрак короля Леопольда: история жадности, террора и героизма в колониальной Африке. Бостон, Массачусетс: Mariner Books, 1998.

И. Б. Каке, «Работоторговля и утечка населения из Черной Африки в Северную Африку и на Ближний Восток», Африканская работоторговля с пятнадцатого по девятнадцатый век. Париж: ЮНЕСКО, 1979, стр. 164–74.

Фредерик Лугард, Двойной мандат в Британской Тропической Африке. Лондон: Фрэнк Касс, 1965, с. 94.

Натан Нанн, «Долгосрочные последствия работоторговли в Африке», Quarterly Journal of Economics, vol. 123, нет. 1, 2008 г., стр. 139–76.

Исаак Шапера, Справочник по законам и обычаям тсвана. Оксфорд: Бойделл и Брюэр, 1994.

Рональд Сигал, Черные рабы ислама: история другой черной диаспоры Африки. Лондон: Атлантик Букс, 2003.

База данных трансатлантической работоторговли, www.slavevoyages.org.

Дороти Уайт, Черная Африка и де Голль: от Французской империи до независимости. Университи-Парк, Пенсильвания: Pennsylvania State Press, 1997, с. 36.

Эрик Уильямс, Капитализм и рабство. Лондон: Андре Дойч, 1964.

Глава 3: Передача власти и колониальное наследие

Ежегодно издается Африканский статистический ежегодник, Экономическая комиссия для Африки, Африканский банк развития и Комиссия Африканского союза.

Кваме Нкрума, Я говорю о свободе: заявление об африканской идеологии.
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк: Прегер, 1961, с. 117.

Кваме Нкрума, «Неоколониализм в Африке», The Africa Reader:
Независимая Африка, Нью-Йорк, Нью-Йорк: Vintage Books, 1970, стр. 217-18.

Джон Сол и Колин Лейс, «Африка к югу от Сахары в глобальном капитализме»,
Ежемесячный обзор, том. 51, нет. 3, 1999.

Исса Шивджи, Накопление на африканской периферии: теоретический
Рамки. Дар-эс-Салам: Издательство Мкуки на Ниота, 2009, с. 59.

Кроуфорд Янг, Идеология и развитие в Африке. Нью-Хейвен, Коннектикут: издательство
Йельского университета, 1982.

Глава 4: Примат политики патронажа

Уэйл Адебанви и Эбенезер Обададе (редакторы), Демократия и пребендальская политика в Нигерии: критические интерпретации. Бейзингсток: Пэлгрейв, 2013.

Бертран Бади, Импортированное государство: вестернизация политического порядка. Стэнфорд, Калифорния: издательство Стэнфордского университета, 2000, с. 19.

Питер Экех, «Колониализм и два общества в Африке: теоретический Заявление», «Сравнительные исследования в обществе и истории», том. 17, нет. 1, 1975, стр. 91–112.

Ричард Джозеф, Демократия и пребендальская политика в Нигерии: взлет и падение Второй республики. Кембридж: издательство Кембриджского университета, 1987.

Ахмаду Курума, В ожидании голосования диких зверей. Лондон: Уильям Хайнеманн, 2003, с. 221.

Жан-Франсуа Медар, «Слаборазвитое государство в Африке: политическая Клиентелизм или неопатримониализм?», Кристофер Клэпхэм (ред.), Частное покровительство и государственная власть: политический клиентелизм и современное государство. Лондон: Фрэнсис Пинтер, 1982, стр. 162–89.

Макс Вебер, Экономика и общество: очерк интерпретирующей социологии. Беркли: Калифорнийский университет Press, 1978.

Глава 5: Женщины в африканской политике

Доклад о человеческом развитии в Африке, 2016 г.: Ускорение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин в Африке. Нью-Йорк: ПРООН, 2016.

Коллин Кригер, «Текстильное производство и гендер в халифате Сокото», Журнал африканской истории, том. 34, нет. 3, 1993, стр. 361–401.

Айли Мари Трипп, Женщины и власть в постконфликтной Африке. Нью-Йорк: Издательство Кембриджского университета, 2015.

Глава 6: Роль идентичности в африканской политике

Чинуа Ачебе, Была страна: личная история Биафры.

Лондон: Аллен Лейн, 2012.

Патрисия Бамурангирва, Руанда Вчера. Кибворт Бошам: Матадор, 2013.

KWJ Post и Майкл Викерс, Структура и конфликт в Нигерии, 1960–65.

Лондон: Heinemann, 1973.

Чарльз Селигман, «Расы Африки ». Лондон: Торнтон Баттерворт, 1930.

Алексис де Токвиль, Демократия в Америке. Лондон: HarperCollins, 2007, с. 268.

Глава 7: Военные в африканской политике

М. Крис Алли, Армия Федеративной Республики Нигерия: Осада
Нация. Лагос: Malthouse Press, 2001.

АНМ Кирк-Грин, «Оставайтесь на радио»: Документация по исследованию
военного управления в Тропической Африке. Лейден: Afrika-Studiecentrum,
1980.

Джонатан Пауэлл и Клейтон Тайн, «Глобальные случаи переворотов с 1950
г. по настоящее время», Journal of Peace Research, vol. 48, нет. 2, 2011 г.,
стр. 249-59.

Глава 8: Демократия в Африке

Томас Каллахи, «Политика и видение в Африке: взаимодействие

Господство, равенство и свобода », в Патрике Шабале (редактор), Политическое господство в Африке: размышления о пределах власти. Кембридж: издательство Кембриджского университета, 1986, с. 45.

Андре-Мишель Эссунгу, «Выборы в Африке: работа в процессе», Africa Renewal, август 2011 г., с. 15. <http://www.un.org/en/africarenewal/vol25no2-3/african-elections.html>.

Дом свободы, www.freedomhouse.org.

Джонатан Мойо, «Африканское возрождение: критическая оценка»,

Южноафриканский политический и экономический ежемесячник, том. 11, нет. 7, 1998, с. 11.

Глава 9: Международные отношения Африки

Жан-Франсуа Баяр, «Африка в мире: история экстраверсии», *African Affairs*, vol. 99, нет. 395, 2000, стр. 217–67.

Амилкар Кабрал, *Революция в Гвинее: борьба африканского народа*. Лондон: Первый этап, 1969, с. 80.

Кристофер Клэпэм, *Африка и международная система: политика государственного выживания*. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1996.

Уильям Истерли, «Потерянные десятилетия: стагнация развивающихся стран, несмотря на реформу политики, 1980–1998 гг.», *Журнал экономического роста*, том. 6, нет. 2, 2001, стр. 135–57.

Global Justice Now, Honest Accounts 2017: Как мир извлекает выгоду из богатства Африки. Лондон: Global Justice Now, 2017.

Объединенный экономический комитет по реформе МВФ и Всемирного банка: слушания перед Объединенным экономическим комитетом Конгресса сто шестого Конгресса США, вторая сессия, 12 апреля 2000 г. Вашингтон, округ Колумбия: Типография правительства США, 2000.

Виктор Ле Вин, *Политика во франкоязычной Африке*. Боулдер, Колорадо: Линн Риеннер, 2004.

Карл Поланьи Левитт, «Связь и уязвимость: «долговой кризис» в Латинской Америке и Африке», Бонни Кэмпбелл (редактор), *Политические аспекты международного долгового кризиса*. Лондон: Пэлгрейв Макмиллан, 1989.

Кенна Овох, «Фрагментация здравоохранения: рецепт Всемирного банка для Африки», «Альтернативы», том. 21, нет. 2, 1996, стр. 211–37.

Николас ван де Валле, *Африканская экономика и политика перманентного кризиса 1979–1999 гг.* Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2001.

Франсуа-Ксавье Вершав, *La Françafrique. Le plus long scandale de la République*. Париж: Éditions Stock, 1998.

Всемирный банк, *Износ дорог в развивающихся странах: причины и Средства защиты*. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 1998.

[дальнейшее чтение](#)

Отличный обзор событий в Африке после того, как континент официально восстановил свою независимость, см. в Paul Nugent, *Africa Once Independence*, 2nd edition. Бейзингсток: Пэлгрейв, 2012.

Африка имеет богатый и растущий литературный канон, большинство из которых так или иначе посвящено современным проблемам. Это хороший способ получить африканское представление о некоторых темах, обсуждаемых в этой книге. Некоторые предлагаемые романы:

Ахмаду Курума, *В ожидании голосования Дикого Зверя*. Лондон: Винтаж, 2004. Выдающаяся сатира на крупных африканских деятелей и политические системы, которыми они управляют.

Чинуа Ачебе, *Вещи рушатся*. Лондон: Heinemann, 1958. Изображает столкновение африканской и европейской культур с точки зрения человека и изменения, внесенные в Африку колониальным правлением.

Айи Квей Арма *Красавицы еще не родились*. Бостон, Массачусетс: Хоутон, Миффлин, 1968 год. Железнодорожный служащий пытается сопротивляться давлению со стороны семьи и общества, склоняющего его к коррупции.

Мариам Ба, *Так длинное письмо*. Лондон: Heinemann, 2008. Пронзительный взгляд на обычаи и обязанности женщин в Сенегале.

Бийи Банделе-Томас, *Сочувствующий гробовщик и другие мечты*. Лондон: Heinemann, 1993. Разоблачает узаконенную жестокость политики в Нигерии.

Амма Дарко, *За горизонтом*. Лондон: Heinemann, 1995. Изображает жестокую эксплуатацию африканских женщин как на континенте, так и в Европе.

Нгуго ва Тионго, *Волшебник вороны*. Лондон: Винтаж, 2006. Бурлеск о недобросовестном управлении в некоторых африканских государствах.

Бучи Эмечета, *Радости материнства*. Лондон: Heinemann, 2008. Заставляющий задуматься и пронзительный взгляд на жизнь женщин в Нигерии.

Аму Джолето, *Money Galore*. Лондон: Heinemann, 1986. Сатира, изображающая коррупцию, нечестность и безнравственность в постколониальной Гане.

Глава 1: Введение в Африку и ее политику

Клод Аке, Политическая экономия Африки. Харлоу: Лонгман, 1981.

Билл Фройнд, Создание современной Африки: развитие африканского общества с 1800 года. Лондон: Macmillan, 1984.

Татах Ментан, Государство в Африке: анализ последствий исторических траекторий глобальной капиталистической экспансии и господства на континенте. Баменда: Лангаа, 2010.

Уолтер Родни, Как Европа недоразвита Африку. Лондон: публикации Bogle L'Ouverture, 1972.

Северин Ругуману, Демистификация глобализации: возможная Африка Фьючерсы развития. Дар-эс-Салам: Университет Дар-эс-Салама, 2005.

Исса Шивджи, Накопление на африканской периферии: теоретическая основа. Дар-эс-Салам: Мкуки на Ниота, 2009.

Пол Тиамбе Зелеза, Возрождение Африки: внутреннее, глобальное и Диаспорные преобразования. Лос-Анджелес, Калифорния: Издательство Цехай, 2014.

Глава 2: Доколониальные политические системы и колониализм

Дж. Ф. Аде Аджайи (редактор), Всеобщая история Африки ЮНЕСКО, том. VI: Африка в девятнадцатом веке до 1880-х годов. Лондон: Джеймс Карри, 1998.

А. Аду Боахен, Африканские взгляды на колониализм. Балтимор, Мэриленд: Издательство Университета Джона Хопкинса, 1987.

А. Аду Боахен (редактор), Всеобщая история Африки ЮНЕСКО, том. VII: Африка под колониальным господством, 1880–1935 гг. Лондон: Джеймс Карри, 1990.

Эме Сезер, «Рассуждения о колониализме». Нью-Йорк: ежемесячный обзор Пресс, 2001.

Франц Фанон, Черная кожа, Белые маски. Нью-Йорк: Гроув Пресс, 2008.

Иван Хрбек (редактор), Всеобщая история Африки ЮНЕСКО, том. III: Африка с седьмого по одиннадцатый век. Лондон: Джеймс Карри, 1992.

Джозеф Ки-Зербо и Д. Ниан (редакторы), Всеобщая история Африки ЮНЕСКО, том. IV: Африка с двенадцатого по шестнадцатый век. Лондон: Джеймс Карри, 1997.

Г. Мохтар (редактор), Всеобщая история Африки ЮНЕСКО, том. II: Древние цивилизации Африки. Лондон: Джеймс Карри, 1990.

Б. А. Огот (ред.), Всеобщая история Африки ЮНЕСКО, том. V: Африка с шестнадцатого по восемнадцатый век. Лондон: Джеймс Карри, 1999.

Хью Томас, Работоторговля: история атлантической работоторговли, 1440–1870 гг. Лондон: Пикадор, 1997.

Глава 3: Передача власти и колониальное наследие

Самир Амин, Неоколониализм в Западной Африке. Лондон: Пингвин, 1973.

Амилкар Кабрал, Возвращение к источнику: Избранные речи Амилкара Кабрала.
Нью-Йорк: Monthly Review Press, 1973.

Тойин Фалола, Сила африканских культур. Рочестер, Нью-Йорк: Университет
Рочестер Пресс, 2003.

Акилле Мбембе, На постколони. Беркли, Калифорния: Калифорнийский
университет Press, 2001.

Боб Мур и Л. Дж. Батлер, Кризисы империи: деколонизация и имперские государства Европы,
1918–1975 гг. Лондон: Блумсбери, 2008.

Сабело Ндлову-Гатшени, Колониальная власть в постколониальной Африке: мифы о
деколонизации. Дакар: КОДЕСРИА, 2013.

Кваме Нкрума, Неоколониализм: последняя стадия империализма.
Лондон: Книги ПанАф, 1974.

Мартин Томас, Борьба или бегство: Великобритания, Франция и их дороги из империи.
Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2014.

Глава 4: Примат политики патронажа

Даниэль Бах и Мамаду Газибо (редакторы), Неопатримониализм в Африке и за ее пределами.

Лондон: Рутледж, 2012.

Джорджио Блундо и Жан-Пьер Оливье де Сардан, Повседневная коррупция и государство:

граждане и государственные служащие в Африке. Кейптаун: Дэвид Филип, 2006.

Роберт Фаттон, Хищническое правление: государство и гражданское общество в Африке. Боулдер,

Колорадо: Линн Риеннер, 1992.

Роберт Джексон и Карл Росберг, Личное правление в Черной Африке: принц,

Самодержец, Пророк, Тиран. Беркли, Калифорния: Калифорнийский университет Press, 1982.

Люси Коэчлин, Коррупция как пустое означающее: политика и политические

Порядок в Африке. Лейден: Брилл, 2013.

Роджер Тангри, Политика патронажа в Африке: полугосударственные организации,

Приватизация и частное предпринимательство. Трентон, Нью-Джерси: Africa World Press, 1999.

Глава 5: Женщины в африканской политике

Балгис Бадри и Айли Мари Трипп (редакторы), Женский активизм в Африке:

Борьба за права и представительство. Лондон: Зед Букс, 2017.

Сильвен Боко, Мина Балиамун-Лутц и Ситава Кимуна (редакторы), « Женщины в развитии

Африки: вызовы глобализации и либерализации в 21 веке». Трентон, Нью-Джерси: Africa World Press, 2005.

Кэтрин Коул, Такиваа Манух и Стефан Мишер (редакторы), Африка после пола? Блумингтон,

Индиана: Издательство Индианского университета, 2007.

Кэтрин Кокери-Видрович, Африканские женщины: современная история.

Боулдер, Колорадо: Westview Press, 1997.

Андреа Корнуэлл (редактор), Гендерные чтения в Африке. Блумингтон, Индиана:

Издательство Индианского университета, 2005.

Кэтлин Шелдон, Африканские женщины: от ранней истории до 21 века.

Блумингтон, Индиана: Издательство Индианского университета, 2017.

Айли Трипп, Изабель Касимири, Джой Квесига и Элис Мунгва, африканцы

Женские движения: изменение политического ландшафта. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2009.

Глава 6: Роль идентичности в африканской политике

Анса Асамоа, Классы и трайбализм в Гане. Аккра: издательство Woeli, 2007.

Брюс Берман, Диксон Эйо и Уилл Кимлика (редакторы), Этническая принадлежность и демократия в Африке. Оксфорд: Джеймс Карри, 2004.

Мортен Бёс и Кевин Данн, Политика происхождения в Африке: автохтонность, гражданство и конфликт. Лондон: Зед Букс, 2013.

Эйдан Кэмпбелл, Западный примитивизм: африканская этническая принадлежность: исследование культурных отношений. Лондон: Кассел, 1997.

Джефф Хейнс, Религия и политика в Африке. Лондон: Зед Букс, 1996.

Эдмонд Келлер, Идентичность, гражданство и политический конфликт в Африке. Блумингтон, Индиана: Издательство Индианского университета, 2014.

Оквудиба Нноли, Этнические конфликты в Африке. Дакар: КОДЕСРИА, 1998.

Глава 7: Военные в африканской политике

Мэгги Двайер, Восстание солдат: армейские мятежи в Африке. Лондон: Херст, 2017.

Руфь Первая, Власть в Африке. Нью-Йорк: Книги Пантеона, 1970.

Матурин Хунгникпо, На страже стражей: военно-гражданские отношения и демократическое управление в Африке. Олдершот: Ашгейт, 2010.

Герберт Хоу, Неоднозначный порядок: вооруженные силы в африканских государствах. Боулдер, Колорадо: Линн Риеннер, 2005.

Эбо Хатчфул и Абдулай Батили (редакторы), Военные и милитаризм в Африке. Дакар: КОДЕСРИА, 1998.

Джимми Канде, Перевороты снизу: вооруженные подчиненные и государственная власть в Западной Африка. Лондон: Палгрейв, 2004.

Т. Одетола, Военные режимы и развитие: сравнительный анализ африканских государств. Лондон: Рутледж, 1982.

Глава 8: Демократия в Африке

Клод Аке «Осуществимость демократии в Африке». Дакар: КОДЕСРИЯ, 2000.

Матиас Базедау, Геро Эрдманн и Андреас Мелер (редакторы), Голоса, деньги и насилие: политические партии и выборы в странах Африки к югу от Сахары. Уппсала: Институт Северной Африки, 2007 г.

Дорина Беко (редактор), Голосование в страхе: насилие на выборах в странах Африки к югу от Сахары. Вашингтон, округ Колумбия: Институт мира США, 2012 г.

Ник Чизман, Демократия в Африке: успехи, неудачи и борьба за реформы. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2015.

Линдберг, Стаффан (ред.), Демократизация путем выборов: новый способ перехода. Балтимор: Издательство Университета Джона Хопкинса, 2009.

Татах Ментан, скрепленный булавками: либеральная демократия в осаде в Африке. Трентон, Нью-Джерси: Africa World Press, 2007.

Джон Мукум Мбаку и Юлиус Ихонвбере (редакторы), Многопартийная демократия и политические изменения: препятствия для демократизации в Африке. Трентон, Нью-Джерси: Africa World Press, 2002.

Муна Ндуло (редактор), Демократическая реформа в Африке: ее влияние на управление и борьбу с бедностью. Оксфорд: Джеймс Карри, 2006.

Исса Шивджи, Где Ухуру? Размышления о борьбе за демократию в Африка. Кейптаун: Памбакуза, 2009.

Ян Тейлор, НЕПАД: на пути к развитию Африки или еще один фальстарт? Боулдер, Колорадо: Линн Риеннер, 2005.

Глава 9: Международные отношения Африки

Патрик Бонд, Разграбление Африки: экономика эксплуатации. Лондон: Зед Книги, 2006.

Том Бергис, Машина мародерства: военачальники, магнаты, контрабандисты и систематическая кража богатств Африки. Лондон: Уильям Коллинз, 2015.

Фредерик Купер, Африка в мире: капитализм, империя и национальное государство. Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета, 2014.

Стивен Эллис, Сезон дождей: Африка в мире. Лондон: Херст, 2011.

Джон Харбесон и Дональд Ротшильд (редакторы), Африка в мировой политике: Создание политического и экономического порядка. Боулдер, Колорадо: Westview, 2017.

Кваме Нинсин (ред.), Глобализация Африки: политическая, социальная и экономическая воздействия. Легон: Публикации свободы, 2002.

Ян Тейлор, Новая роль Китая в Африке. Боулдер, Колорадо: Линн Риеннер, 2009.

Ян Тейлор, Международные отношения стран Африки к югу от Сахары. Нью-Йорк: Континуум, 2010.

Ян Тейлор, «Восстание Африки?» БРИКС — диверсификация зависимости. Оксфорд: Джеймс Карри, 2014.

[OceanofPDF.com](https://oceanofpdf.com)

Индекс

А

Абача, Сани [55](#), [87](#)

Аддис-Абеба [34](#), [120](#), [121](#), [122](#)

Африканское континентальное соглашение о свободной торговле [124](#)

Африканский союз [91](#), [92](#), [114](#), [121–2](#)

Учредительный акт Африканского союза [92](#)

АФРИКОМ [114](#)

сельское хозяйство [11](#), [16](#), [19](#), [23](#), [41](#), [47](#), [52](#), [58](#), [65](#), [102](#), [106](#)

Ахиджо, Ахмаду [81](#) и [26](#),

[40](#), [95–6](#), [97](#), [111](#), [112](#), [117](#), [118–19](#)

Алжир [22](#), [24](#), [28](#), [30](#), [36](#)

Али, Сонни [12](#)

Амазонки Дагомеи [59](#), [60](#)

Амин, Иди [4](#), [107](#)

Ангола [9](#), [24](#), [31](#), [33](#), [36](#), [52](#), [54](#), [98](#), [101](#) апартеид

[24](#), [116](#)

Асанте [13](#), [14](#), [16](#), [72](#)

Аволово, Обафеми [74](#)

Азикиве, Ннамди [74](#)

Б

Бади, Бертран [51](#)

Банда, Гастингс [4](#), [94](#)

Банда, Джойс [58 лет](#)

Бельгия [19](#), [21](#), [22](#), [25](#), [26](#), [75](#), [94](#)

Белло, Ахмаду [74](#)

Бенин [13](#), [30](#), [33](#), [36](#), [69](#), [71](#), [83](#), [89](#), [98](#), [101](#), [102](#)

Берлинская конференция (1885 г.) [19](#), [71](#), [122](#)

Биафранская война

[74](#), [116](#) Бокасса, Жан-

Бедель [4](#)

бонапартизм [88](#) границы [14](#), [19](#), [32](#), [39](#), [55](#), [70](#), [71](#) ,

[122](#), [123–4](#) Ботсвана [31](#), [36](#), [52](#), [55](#),

[94](#), [98](#) утечка

мозгов [119](#)

Бразилия [113](#) Буганда

[13](#), [14](#), [69](#) Буркина-Фасо [30](#), [36](#), [40](#), [71](#), [85](#),

[106](#) Бурунди [30](#), [36](#), [74](#), [75](#), [98](#), [106](#)

Буш, Джордж У. [114](#)

С

Кабрал, Амилкар [109](#)

Каллахи, Томас [97](#)

Камерун [29](#), [36](#), [54](#), [59](#), [71](#), [81](#), [90](#), [98](#), [101](#), [102](#)

Кабо-Верде [31](#), [33](#), [36](#), [55](#)

бегство капитала

[119](#) капитализм [7](#), [9](#), [19](#), [28](#), [39](#), [45](#), [53](#), [59](#), [61](#)

товарные культуры [19](#), [20](#), [23](#), [39](#), [62](#)

Центральноафриканская Республика [4](#), [31](#), [38](#), [71](#), [77](#)

Чад [30](#), [36](#), [71](#), [98](#)

Чилуба, Фредерик [106](#)

Китай [10](#), [113](#), [114](#)

класс [3](#), [5](#), [21](#) , [27](#), [28](#), [39](#), [40](#), [45](#), [50](#), [61](#), [63](#), [68](#) , [69](#) , [73](#), [79](#), [82](#), [83](#), [86](#), [87](#), [109](#) класс

самоубийство [109](#)

клиентелизм [6](#), [7](#), [51](#), [53](#), [55](#)

Холодная война [4](#), [8](#), [9](#), [28](#), [32](#), [34](#), [43](#), [81](#), [90](#), [95](#), [108](#), [110](#), [114](#)

колониализм [2–3](#), [5](#), [7](#), [17–24](#), [25–32](#), [34–43](#), [49](#), [51](#), [61–2](#), [70–3](#), [108–10](#)

Коморы [31](#), [36](#)

Компаоре, Блез [106](#)

условий [117–18](#)

Свободное государство Конго [19](#)

Конго, Демократическая Республика [31](#), [98](#)

Конго, Республика [25](#), [32](#)

Конго-Браззавиль [30](#), [36](#), [100](#)

коррупция [2](#), [9](#), [48–9](#), [55](#), [77](#), [78](#) , [83](#), [87](#), [90](#), [92](#), [96–9](#), [101](#), [102](#), [106](#), [112](#), [115](#), [117](#)

Кот-д'Ивуар [30](#), [36](#)

перевороты [8](#), [32](#), [48](#), [81–93](#), [104](#), [121](#)

Д

Дагомея [30](#), [59](#), [60](#), [69](#), [89](#) де Голль,
Шарль [22](#) долг [9](#), [106](#), [117](#)–
[19](#) деколонизация [25](#)–[7](#),
[32](#), [73](#) демократия [2](#), [3](#)–[5](#), [8](#)–[9](#), [56](#),
[77](#)–[9](#), [83](#), [85](#), [90](#)–[2](#), [94](#)–[107](#), [109](#), [112](#), [113](#)
Департамент международного развития (DfID) [116](#) зависимость [2](#),
[4](#), [18](#), [21](#), [109](#)–[10](#), [123](#) диаспора [113](#) прямое
правило [21](#)–[2](#),
[23](#)
Джибути [31](#), [36](#)

Е

Восточноафриканское сообщество (ЕАС) [92](#)
École Nationale de la France d'Outre-Mer [26](#)
Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) [92](#)
Египет [29](#), [114](#)
Экех, Петр [49](#), [55](#)
анклавное хозяйство [51](#)–[3](#)
Расширенный механизм структурной перестройки [118](#)
Экваториальная Гвинея [31](#), [36](#), [52](#), [54](#), [75](#), [98](#)
Эритрея [31](#), [37](#), [54](#), [90](#), [98](#)
еСватини (как Свазиленд) [38](#), [54](#), [70](#)
Эфиопия [25](#), [29](#), [33](#), [37](#), [54](#), [85](#), [98](#)
этническая политика [7](#), [42](#), [55](#), [68](#)–[80](#), [88](#), [89](#)
Европейский Союз [116](#)

Ф

Франсафрик [115](#)–[16](#)
Франция [22](#), [26](#), [27](#), [45](#), [115](#)–[16](#)
Дом Свободы [98](#), [106](#)

Г

Габон [30](#), [37](#), [54](#), [71](#)
Гамбия, [31](#), [37](#), [90](#), [94](#), [106](#) пол [5](#), [7](#), [56](#)–
[67](#) геронтократия [45](#)
Гана [3](#), [13](#), [26](#), [29](#), [32](#), [37](#), [42](#), [55](#), [72](#), [75](#), [95](#), [98](#), [102](#), [114](#), [119](#), [120](#) Надлежащее
управление [87](#), [92](#), [96](#)
Великобритания [18](#), [23](#)–[4](#), [27](#), [28](#), [71](#), [72](#), [74](#), [94](#), [116](#)

Великий Зимбабве [70](#)

Гвинея [29](#), [33](#), [37](#), [40](#), [52](#), [71](#)

Гвинея-Бисау [31](#), [33](#), [37](#), [109](#)

ЧАС

ВИЧ/СПИД [65](#)

Уфуэ-Буаньи, Феликс [75](#), [115](#) права
человека [2](#), [8](#), [113](#), [121](#) охотники-
собиратели [10](#), [58](#)

Я

импортозамещение [41](#)

Индия [10](#), [27](#), [73](#), [113](#)

косвенное правило [23–4](#),

71–2 промышленная революция [16](#), [19](#), [39](#), [61](#)

Международный валютный фонд (МВФ) [4](#), [9](#), [111](#), [117](#), [118](#)

Дж

Джамме, Яхья [106](#)

Джонсон-Серлиф, Эллен, [58 лет](#)

К

Каунда, Кеннет [4](#), [33](#), [95](#)

Кения [13](#), [24](#), [28](#), [30](#), [37](#), [40](#), [65](#), [72](#), [75](#), [77](#), [107](#), [114](#)

Кеньятта, Джомо [75](#)

Л

Леопольд II [18](#)

Лесото [31](#), [37](#), [70](#)

Либерия [25](#), [29](#), [37](#), [51](#), [52](#), [56](#), [58](#), [66](#)

Ливия [29](#)

Лиссуба, Паскаль [100](#)

Лугард, Фредерик [23](#)

Лумумба, Патрис [32](#), [33](#)

М

Маатаи, Вангари [65](#)
Мадагаскар [29](#), [33](#), [37](#)
Мэддисон, Ангус [6](#)
Малави [4](#), [31](#), [37](#), [58](#), [94](#), [96](#), [101](#), [106](#)
Мали [12](#), [29](#), [37](#), [71](#)
Мандела, Нельсон [24](#)
матрилинейность [60](#)
Мацпе-Касабурри, Плюш [58](#)
Восстание мау-мау [24](#)
Мавритания [16](#), [30](#), [37](#), [71](#)
Маврикий [31](#), [37](#), [55](#), [94](#), [98](#) военное
правление, см. [перевороты](#)
Мобуту Сесе Секо [107](#)
Мои, Даниал арап [75](#)
Марокко [29](#)
Мойо, Джонатан [96](#)
Мозамбик [24](#), [26](#), [31](#), [33](#), [37](#), [97](#)
Мугабе, Грейс [89](#) лет
Мугабе, Роберт [89](#), [116](#)
Мулузи, Бакили [106](#)
Муса, Манса [12](#)
Мусевени, Йовери [104](#)

Н

Намибия [37](#), [55](#)
неолиберализм [77](#), [118](#)
неопатримониализм [44](#), [45–7](#), [48](#), [50](#), [51](#), [54–5](#), [97](#), [110](#), [123](#)
Нигер [30](#), [37](#), [71](#)
Нигерия [13](#), [23](#), [30](#), [37](#), [52](#), [53](#), [54](#), [55](#), [60](#), [72](#), [74](#), [87](#), [116](#), [124](#)
Нкрума, Кваме [3](#), [32](#), [40](#), [42](#), [95](#), [119](#), [120](#)
Нкурунзиза, Пьер [106](#)
Движение неприсоединения [33](#)
Ньерере, Юлий [33](#), [40](#), [75](#), [81](#), [95](#)

О

Обама, Барак [114](#), [115](#) масло
[45](#), [50](#), [53](#), [74](#), [114](#), [115](#), [117](#), [124](#)
Организация африканского единства (ОАЕ) [91](#), [120–1](#)

П

Панафриканизм [119](#), [121](#), [122](#)

патриархат [45](#)

патриархат [60](#), [61](#), [63](#), [65](#)

патрилинейализм

[60](#) патримониализм [45](#)

Перри, Рут [58 лет](#)

Португалия [24](#), [26](#), [94](#)

Фонд сокращения бедности и роста [118](#)

Документы о стратегии сокращения бедности

[118](#) преторианство

[88](#) пребендализм [49](#)

р

регионализм [75](#), [122–4](#)

религия [7–8](#), [14](#), [42](#), [59](#), [63](#), [68](#), [69](#), [70](#), [72–3](#)

Родезия [116](#)

Россия [113](#)

Руанда [30](#), [38](#), [55](#), [56](#), [66](#), [74](#), [79](#), [98](#), [116](#)

Геноцид в Руанде [74–5](#), [79](#), [116](#)

С

Санкара, Томас [40](#), [85](#)

Сан-Томе и Принсипи [31](#), [38](#)

Схватка за Африку [19](#), [108](#), [113](#)

Вторая мировая война [26](#), [32](#)

Селассие, Хайле [34](#), [84–5](#)

Сенегал [29](#), [38](#), [52](#), [54](#), [71](#), [81](#), [98](#)

Сенгор, Леопольд, [81](#)

поселенец, штаты [24](#), [27](#), [28](#)

Сейшелы [31](#), [33](#), [38](#), [55](#)

Сьерра-Леоне [30](#), [38](#), [51](#), [52](#)

работоторговля [6](#), [15–17](#), [108](#)

Индийский океан [6](#), [15](#)

трансатлантический [15](#), [16–17](#), [18](#), [19](#), [108](#)

транссахарский [6](#), [15](#)

Сомали [29](#), [33](#), [38](#), [70](#), [81](#)

Сомалиленд [29](#)

ЮАР [24](#), [29](#), [38](#), [53](#), [55](#), [57](#), [98](#), [116](#)

Южный Судан [13](#), [31](#), [38](#)

Сообщество развития юга Африки (САДК) [92](#)

Советский Союз [9](#), [27](#), [28](#), [33–4](#), [95](#)

Программы структурной перестройки [77](#), [78](#), [117–18](#), [123](#)

Судан [16](#), [29](#), [38](#)

Суэцкий кризис (1956) [27](#)

султанизм [54](#), [55](#)

Свазиленд, см. [eSwatini](#)

Т

Танганьика [19](#), [30](#)

Танзания [13](#), [31](#), [33](#), [38](#), [54](#), [75](#), [81](#), [95](#)

налогообложение [12](#), [13](#), [21](#), [23](#), [87](#), [97](#)

Тейлор, Чарльз [107](#)

Туре, Секу [40](#) племен

[23](#), [68–9](#), [71](#)

Трамп, Дональд [114](#)

Тунис [29](#)

Турция [113](#)

U

Уганда [4](#), [13](#), [30](#), [38](#), [66](#), [69](#), [72](#), [88](#), [89](#), [98](#), [101](#), [104](#) слаборазвитость

[2–3](#), [4](#), [5](#), [6](#), [17](#), [35](#), [41](#), [42](#), [51](#), [63](#), [68](#), [69](#), [76](#), [78](#), [92](#), [106](#)

Организация Объединенных Наций [9](#), [44](#)

США [27](#), [28](#), [114](#), [119](#)

Командование США в Африке, см. [AFRICOM](#)

Соединенные Штаты Африки [120](#)

Верхняя Вольты, см. урбанизацию

[Буркина-Фасо](#) [62](#), [65](#), [73](#), [78](#).

В

веранда политика [2](#), [45](#)

Вт

Уильямс, Эрик [16 лет](#)

Всемирный банк [4](#), [9](#), [111](#), [117](#), [118](#)

Z

Замбия 4, [13](#), [24](#), [31](#), [33](#), [38](#), [52](#), [54](#), [72](#), [75](#), [95](#), [97](#), [101](#), [106](#)

Занзибар [30](#)

политика с нулевой суммой [48](#), [99](#)

Зимбабве 8, [24](#), [31](#), [38](#), [54](#), [69](#), [70](#), [89](#), [90](#), [98](#), [101](#), [116](#)

[OceanofPDF.com](https://oceanofpdf.com)

АФРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Очень краткое введение

Джон Паркер и Ричард Рэтбоун

В этом очень кратком введении, необходимом для чтения всем, кто интересуется африканским континентом и разнообразием человеческой истории, рассматривается прошлое Африки и размышляются о меняющихся способах его представления и представления. Ключевые темы современных представлений об истории Африки проиллюстрированы рядом увлекательных исторических примеров, взятых из более чем 5 тысячелетий этого обширного континента.

«Очень хорошо информированная и резко изложенная историография... должна быть в вещевом багаже каждого изучающего историографию. Тур де сила... это заставило меня о многом задуматься.

Теренс Рейнджер,
Вестник Школы востоковедения и африканистики

[OceanofPDF.com](https://oceanofpdf.com)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Очень краткое введение

Пол Уилкинсон

Это очень краткое введение, имеющее несомненную актуальность сегодня, в мире растущей политической напряженности и беспокойства после событий 11 сентября, охватывает темы, важные для понимания современных международных отношений. Пол Уилкинсон объясняет теории и практику, лежащие в основе предмета, и исследует самые разные вопросы, от внешней политики, контроля над вооружениями и терроризма до окружающей среды и бедности в мире. Он исследует роль таких организаций, как Организация Объединенных Наций и Европейский Союз, а также влияние этнических и религиозных движений и террористических групп, которые также играют роль в формировании способов взаимодействия государств и правительств. Эта актуальная книга обязательна к прочтению тем, кто ищет новую точку зрения, чтобы помочь распутать и расшифровать международные события.

OceanofPDF.com

ГЕОПОЛИТИКА

Очень краткое введение

Клаус Доддс

В некоторых местах, таких как Ирак или Ливан, перемещение на несколько футов в любую сторону от территориальной границы может быть вопросом жизни или смерти, что резко подчеркивает связь между местом и политикой. Поскольку расположение и размер страны, а также ее суверенитет и ресурсы — все это влияет на то, как люди, которые там живут, понимают и взаимодействуют с более широким миром. Используя самые разные примеры, от исторических карт до фильмов о Джеймсе Бонде и риторики таких политических лидеров, как Черчилль и Джордж Буш, это очень краткое введение показывает, почему для полного понимания современной глобальной политики это не просто разумно — это необходимо - быть геополитическим.

«Увлекательное изучение сложной темы».

Мик Херрон, Geographic.

[OceanofPDF.com](https://oceanofpdf.com)

ИСЛАМСКАЯ ИСТОРИЯ

Очень краткое введение

Адам Дж. Сильверстайн

Имеет ли значение история? В этой книге утверждается, что важна не история, а исламская история. Это очень краткое введение знакомит с историей ислама; споры вокруг его изучения; и значение, которое он имеет - как для мусульман, так и для немусульман. Открываясь ясным обзором возникновения и распространения ислама с седьмого по двадцать первый век, книга описывает эволюцию того, что изначально было небольшой местной общиной верующих, в международную религию с более чем миллиардом последователей. Главы также посвящены народам — арабам, персам и туркам, — сформировавшим исламскую историю, и трем репрезентативным институтам — мечети, джихаду и халифату, — которые подчеркивают многообразие ислама с течением времени.

«Книга чрезвычайно ясна, удобочитаема, разумно организована и носит свою немалую ученость, как говорится, «легко».

Исторический журнал Би-би-си

[OceanofPDF.com](https://oceanofpdf.com)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Очень краткое введение

Манфред Стегер

«Глобализация» стала одним из определяющих модных словечек нашего времени — термин, который описывает множество ускоряющихся экономических, политических, культурных, идеологических и экологических процессов, которые быстро меняют наше восприятие мира. По своей природе это динамичная тема, и это очень краткое введение было полностью обновлено в 2009 г., чтобы включить события в мировой политике, влияние терроризма и экологические проблемы. Представляя глобализацию доступным языком как многогранный процесс, охватывающий глобальные, региональные и локальные аспекты социальной жизни, Манфред Б. Стегер рассматривает ее причины и следствия, исследует, является ли она новым явлением, и исследует вопрос о том, является ли, в конечном счете, глобализация это хорошо или плохо.

OceanofPDF.com

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ

Очень краткое введение

Рана Миттер

Китай сегодня всегда в курсе: от споров о правах человека и продолжающегося наследия площади Тяньаньмэнь до глобального освещения Олимпийских игр в Пекине и китайского «экономического чуда». Это кажется страной противоречий: крестьянское общество с одними из самых футуристических городов мира, наследница древней цивилизации, которая все еще пытается обрести современную идентичность. Это очень краткое введение предлагает читателю, не знакомому с Китаем, различные способы понять самую густонаселенную нацию в мире, давая краткую комплексную картину современного китайского общества, культуры, экономики, политики и искусства.

«Великолепное эссе».

Тимоти Гартон, TLS

[OceanofPDF.com](https://oceanofpdf.com)

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

Очень краткое введение

Халид Козер

Почему международная миграция стала предметом такой серьезной общественной и политической озабоченности? Насколько тесно мигранты связаны с террористическими организациями? Какие факторы лежат в основе резкого увеличения числа мигрирующих женщин? В этом очень кратком введении рассматривается явление международной миграции людей - как легальной, так и нелегальной. Взглянув на политику, экономику и глобализацию в глобальном масштабе, автор представляет человеческую сторону таких тем, как убежище и беженцы, торговля людьми, незаконный ввоз мигрантов, развитие и международная рабочая сила.

[OceanofPDF.com](https://oceanofpdf.com)